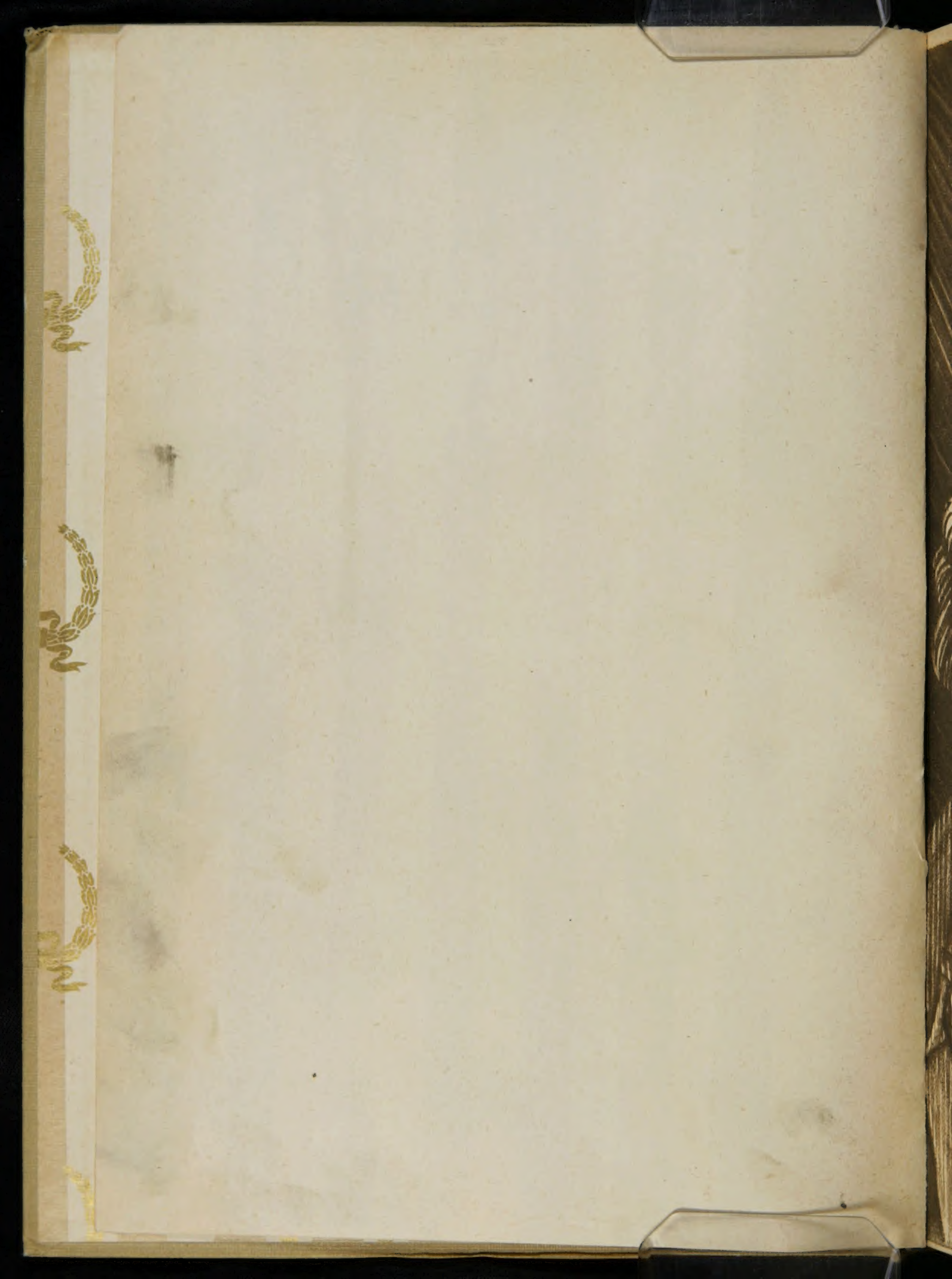

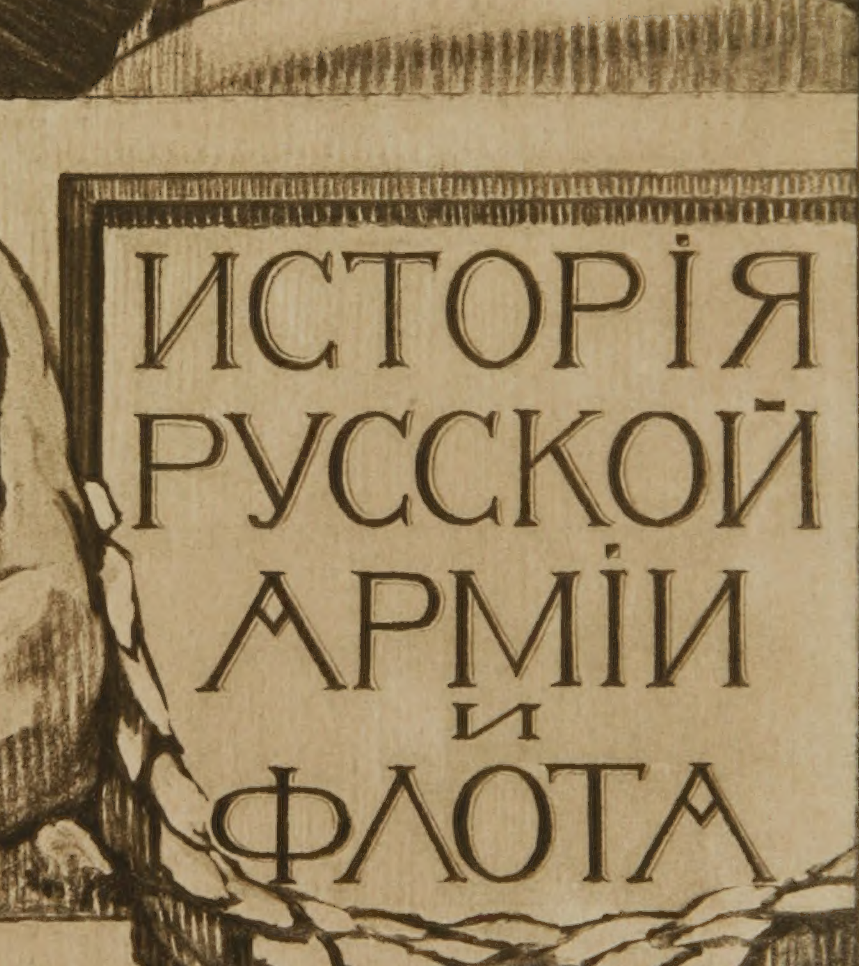
ИСТОРІЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА

I

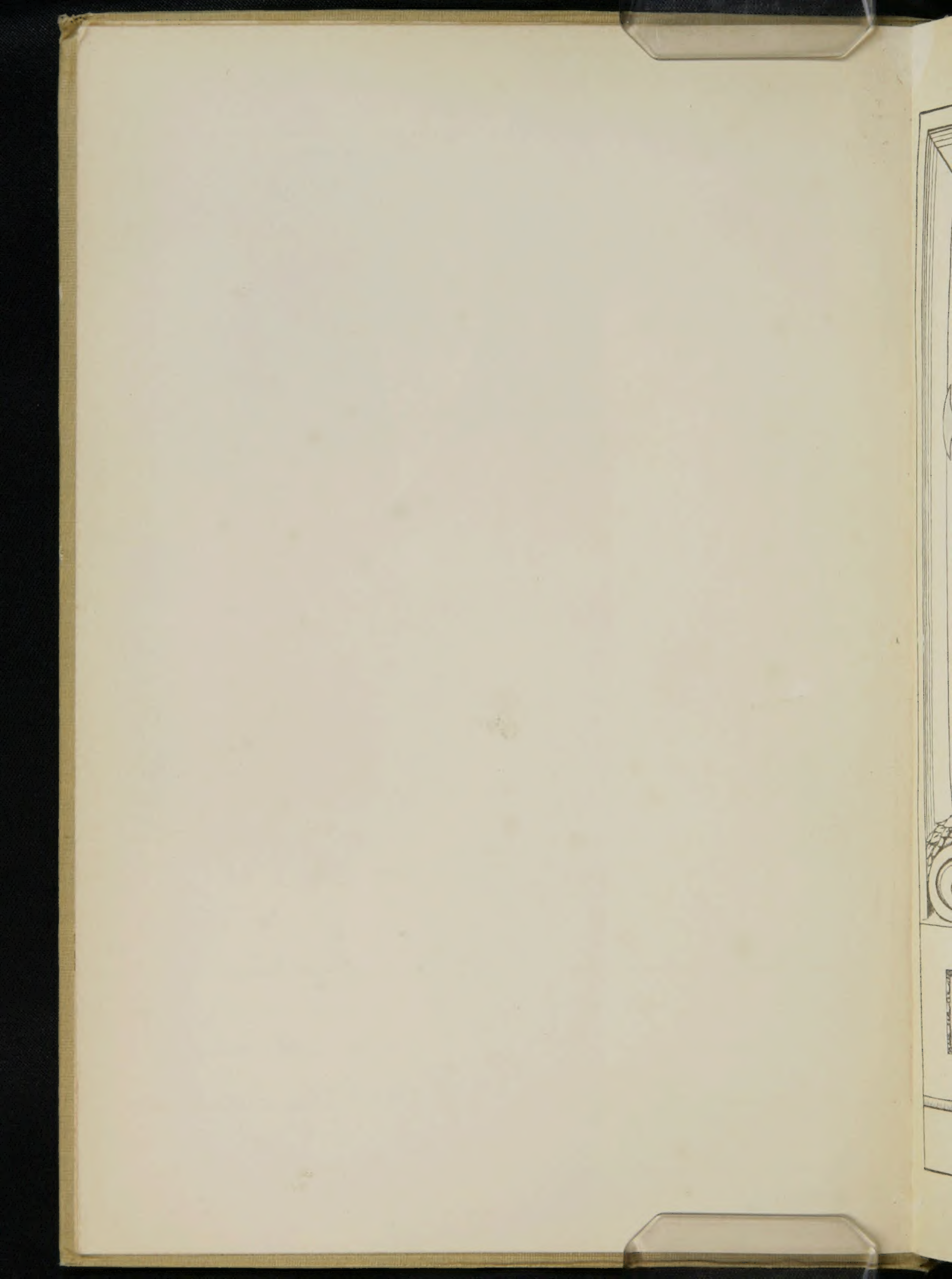

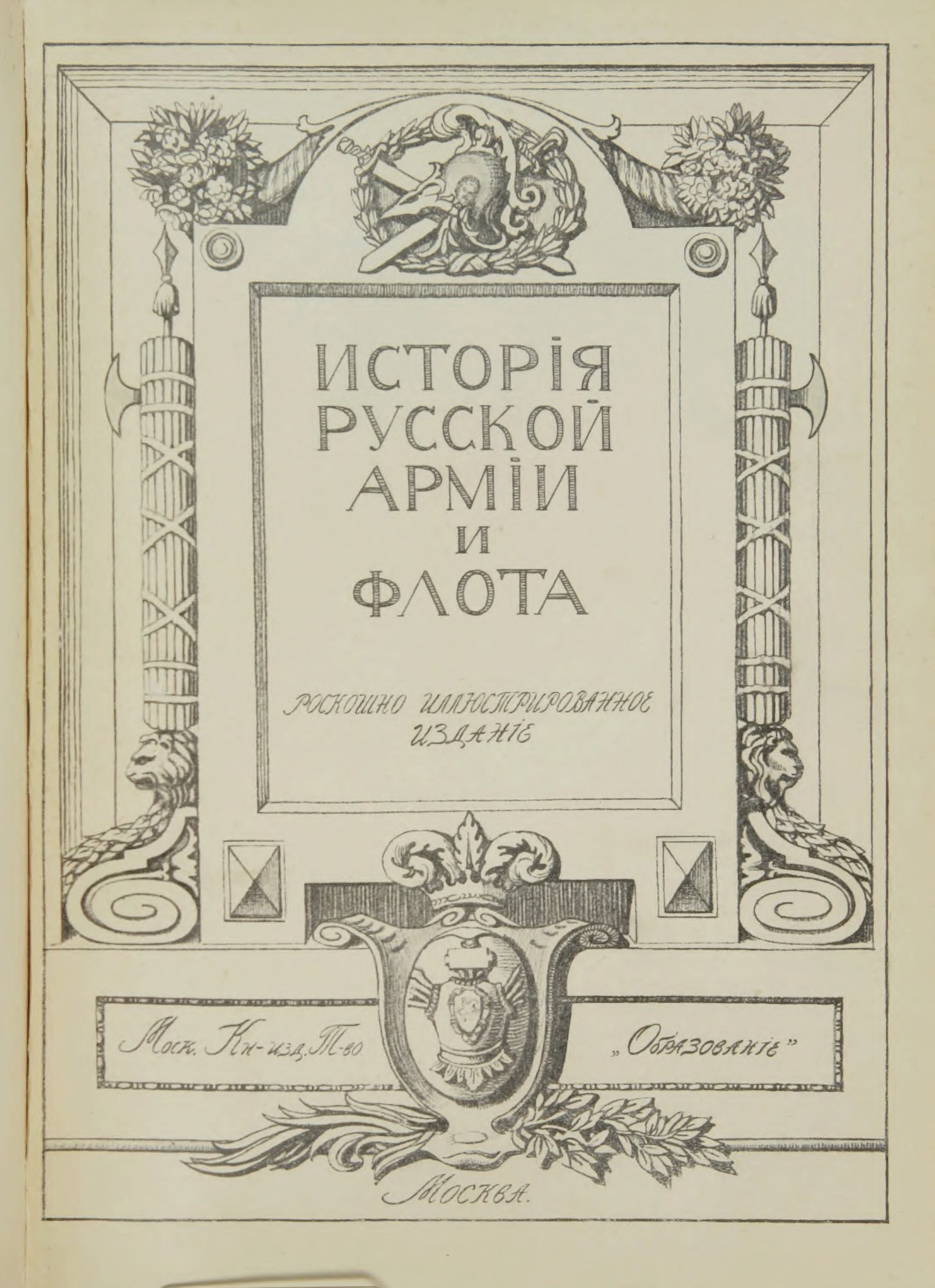

КНИГ-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ
АРМІИ
И
ФЛОТА
РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ
Моск. Кн-изд. Т-во „Образованіе"
Москва.

МОСКВА—1911.
Типографія Русскаго Товарищества, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собствен. домъ.
Телефонъ 18-35.

Очеркъ военнаго искусства и состоянie русской армiи при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго.

Ординарнаго профессора Императорской Николаевской Военной Академiи, генеральнаго штаба полковника А. К. Баiова.

I. Организацiонно-административныя реформы въ царствованiе Императрицы Анны Iоанновны (эпоха Миниха).

Царствованiя первыхъ двухъ преемниковъ Великаго Петра, Екатерины I и Петра II, были настолько кратковременны, и съ военной точки зрѣнiя въ продолженiе ихъ было сдѣлано такъ мало, что въ исторiи русскаго военнаго искусства перiодомъ, непосредственно слѣдующимъ за эпохой Великаго Царя, необходимо считать царствованiе Императрицы Анны Iоанновны. Тѣмъ не менѣе, событiя царствованiя Екатерины I и Петра II не остались безъ влiянiя на состоянiе и развитiе военнаго искусства въ послѣдующее время.

Неспособность и слабоволiе первыхъ двухъ преемниковъ Великаго Царя, вызвавшiя придворныя интриги, были причиной партiйной борьбы за личное положенiе между лицами, стоявшими до сихъ поръ во главѣ различныхъ государственныхъ учрежденiй, и привели, въ концѣ концовъ, къ преобладающему значенiю временщиковъ, которые свои личныя дѣла ставили выше всего.

Фактическое руководительство государственными дѣлами перешло къ иноземцамъ, чего не допускалъ Петръ Великiй, и что стало теперь неизбѣжнымъ, такъ какъ теперь только они, подготовленные Петромъ, были способны и имѣли время заниматься дѣлами управленiя.

Такимъ образомъ, военное дѣло вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго всецѣло перешло въ руки Миниха, который самостоятельно руководилъ имъ, влiялъ на него, подчинилъ его своимъ взглядамъ и убѣжденiямъ, настолько придалъ ему окраску своей личности, что, по справедливости, эпоха въ исторiи русскаго военнаго искусства, слѣдующая непосредственно за эпохой Петра I, должна быть названа эпохой Миниха.

Бурхардъ Минихъ, уроженецъ Ольденбурга, получилъ въ домѣ отца своего прекрасное инженерное образованiе. Уже 16-ти лѣтъ, съ 1700 года, онъ вступилъ на военное поприще, служа въ первое время въ различныхъ армiяхъ.

Въ это время военное искусство на Западѣ стояло далеко не на высокой ступени развитiя. Впрочемъ, неоднократно Минихъ участвовалъ въ войнахъ подъ начальствомъ Евгенiя Савойскаго, который рѣзко выдѣлялся изъ среды тогдашнихъ полководцевъ какъ своимъ талантомъ, такъ и пониманiемъ военнаго дѣла.

Съ 1713 по 1720 годъ включительно Минихъ занимался или мирной инженерной дѣятельностью, сооружая каналы, или организаторской, съ успѣхомъ устраивая на новыхъ основанiяхъ пѣшую коронную польскую гвардiю. Въ 1721 году онъ былъ принятъ Петромъ на русскую службу въ чинѣ генералъ-поручика.

Такимъ образомъ, проведя почти сплошь 12 лѣтъ въ рядахъ западно-европейскихъ армiй во время ихъ боевой дѣятельности, Минихъ, послѣ 8-лѣтнихъ мирныхъ занятiй, переходитъ на русскую службу.

Поступивъ на русскую службу въ февралѣ 1721 года, почти наканунѣ заключенiя Нейштадтскаго мира, Минихъ не могъ принять участiя въ Великой Сѣверной войнѣ. Не пришлось Миниху участвовать также и въ Персидскомъ походѣ Петра. Такимъ образомъ, Минихъ не былъ очевидцемъ боевой дѣятельности Петра и не могъ непосредственно наблюдать за способомъ веденiя имъ войны, способомъ, существенно разнившимся отъ того, свидѣтелемъ котораго ему пришлось быть при началѣ своей военной карьеры въ теченiе довольно продолжительнаго времени. Миниху въ первые годы службы въ Россiи въ широкихъ размѣрахъ пришлось примѣнять лишь свое знанiе инженернаго искусства.

Тѣмъ не менѣе, однако, боевая дѣятельность Петра, особенная по своему характеру и богатая по результатамъ, а потому несомнѣнно производившая сильное впечатлѣнiе на современниковъ, не могла не быть извѣстной Миниху, который, любя военное дѣло и обладая пылкимъ характеромъ, очевидно, долженъ былъ интересоваться ею и желать ознакомиться съ нею возможно лучше, а личныя выдающiяся качества: трезвость взгляда, любовь къ дѣлу и неустанное трудолюбiе и энергiя дали Миниху возможность правильно оцѣнить все то, что онъ видѣлъ

на практикѣ и что узналъ теоретически въ военномъ дѣлѣ, отдать преимущество въ этомъ отношеніи дѣятельности Петра и сдѣлаться способнымъ и, благодаря даровитости, достаточно самостоятельнымъ его послѣдователемъ, не обладавшимъ, однако, творческимъ геніемъ своего вдохновителя.

Пріобрѣтя за успѣшное исполненіе инженерныхъ работъ милость и довѣріе Петра, что, въ свою очередь, послужило прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго возвышенія энергичнаго и способнаго иноземца, Минихъ вскорѣ послѣ смерти Императора становится во главѣ военнаго вѣдомства, гдѣ тотчасъ и проявляетъ неослабѣвающую съ годами полезную дѣятельность.

Приверженность Миниха Петровскимъ началамъ въ военномъ дѣлѣ сказалась прежде всего въ томъ, что онъ явился иниціаторомъ образованія Воинской Комиссіи, главное назначеніе которой составляло «исправленіе многихъ непорядковъ и помѣшательствъ, явившихся и происходившихъ въ арміи послѣ смерти Петра Великаго».

Въ своихъ работахъ Воинская Комиссія должна была руководствоваться слѣдующими основными положеніями: во-1-хъ, «чтобы учиненное отъ Императора Петра Великаго учрежденіе крѣпко содержать», т.-е. чтобы всѣ мѣропріятія по духу были проникнуты Петровскими началами, и во-2-хъ, чтобы результатомъ этихъ мѣропріятій явилась возможность «содержать армію всегда въ постоянномъ добромъ и порядочномъ состояніи и, сколько при томъ возможно, безъ излишней народной тягости и напрасныхъ Государственныхъ убытковъ».

Кромѣ этихъ основныхъ положеній, Комиссіи были преподаны указанія и по отдѣльнымъ вопросамъ, подлежащимъ ея разсмотрѣнію.

Въ организаціи арміи были введены слѣдующія главнѣйшія измѣненія:

1) Учреждены для полковъ пѣхоты и конницы два штата—мирнаго и военнаго времени, что впервые устанавливало столь широко развитую въ настоящее время кадровую систему.

2) Уничтожены гренадерскіе полки, чѣмъ достигалась полезная въ боевомъ отношеніи однотипность пѣхоты и конницы.

3) Уничтожены гренадерскія роты, какъ административныя единицы. Гренадеры были распредѣлены по фузилернымъ ротамъ, по 16 человѣкъ въ каждой, и только на время ученій и боевыхъ дѣйствій они образовывали отдѣльную роту.

4) Образованы въ конницѣ одинъ гвардейскій и три кирасирскихъ полка.

5) Уменьшенъ нестроевой элементъ.

Въ общемъ, полевая пѣхота, по штатамъ военнаго времени, состояла изъ трехъ гвардейскихъ и 50 армейскихъ полковъ, и

представляла боевую силу до 75000 нижнихъ чиновъ при 2200 офицерахъ, а полевая кавалерія состояла изъ одного гвардейскаго, трехъ кирасирскихъ и 29 драгунскихъ полковъ и представляла собой силу въ 31000 нижнихъ чиновъ при 1200 офицерахъ.

Артиллерія, попрежнему, раздѣлялась на полковую, полевую, осадную и крѣпостную.

Съ 1737 года къ каждому пѣхотному полку было придано вмѣсто двухъ по 4 трехфунтовыхъ пушки (по 2 на баталіонъ), а къ драгунскимъ полкамъ, изъ которыхъ нѣкоторые прежде вовсе не имѣли полковой артиллеріи,—по 2 такихъ же пушки.

Въ полевой артиллеріи число орудій было съ 1737 года также въ значительной степени увеличено.

Орудія полевой артиллеріи были въ 8, 6 и 3 фунта.

Дальность артиллерійскаго огня разныхъ образцовъ полевыхъ орудій того времени была: пушекъ—500-800 саж., гаубицъ и мортиръ—850-1000 саж.

Главнымъ орудіемъ осадной артиллеріи были 24 и 18-фунтов. пушки, 9 и 5-пуд. мортиры.

Однако, Миниху оказалось не подъ силу измѣнить невыгодную особенность въ организаціи артиллеріи XVIII вѣка—раздѣленіе матеріальной части, личнаго и конскаго состава полевой и осадной артиллеріи на двѣ вполнѣ независимыя другъ отъ друга въ командномъ отношеніи части: прислугу съ орудіями и ѣздовыхъ съ лошадьми,—между тѣмъ, такое раздѣленіе невыгодно отражалось на несеніи службы артиллеріей и тормозило изготовленіе ея къ военнымъ дѣйствіямъ.

Отдѣленная въ 1727 году отъ артиллеріи инженерная часть незадолго до вступленія на престолъ Императрицы Анны въ 1729 году вновь была присоединена къ ней. При этомъ организація инженерныхъ войскъ оставалась Петровская.

Что же касается инженернаго дѣла вообще, то необходимо отмѣтить: во-1-хъ, устройство линій на нашихъ южныхъ границахъ и, во-2-хъ, усиленную дѣятельность по исправленію крѣпостей. Наиболѣе важная, Украинская, линія, имѣвшая назначеніе прикрывать отъ набѣговъ татаръ Украйну между Днѣпромъ и Сѣвернымъ Донцомъ, представляла собой на протяженіи 268 верстъ непрерывный валъ реданнаго начертанія, усиленный 15 крѣпостцами, между которыми находились еще частные опорные пункты въ видѣ редановъ, люнетовъ и редутовъ. Непосредственно за линіей съ внутренней стороны былъ расположенъ рядъ блокгаузовъ, представлявшихъ собой закрытыя помѣщенія для войскъ.

Гарнизонныя войска имѣли то же назначеніе, какъ и при Петрѣ. Общая численность гарнизонныхъ войскъ достигала: пѣхоты—около 70000 чел. и драгунъ—около 5000 чел.

Ландмилиція въ началѣ царствованія Анны, какъ и прежде, представляла собой подвижную поселенную силу, предназначавшуюся преимущественно для внутренней и только въ исключительныхъ случаяхъ—для внѣшней службы, усиливая составъ полевыхъ войскъ. Корпусъ Украинской ландмилиціи состоялъ изъ 20 конныхъ полковъ и Закамской ландмилиціи—изъ трехъ конныхъ и одного пѣшаго полка.

Общая численность ландмилиціи въ царствованіе Анны Іоанновны достигла 27 т. человѣкъ.

Кромѣ указанныхъ регулярныхъ войскъ, въ составъ русской арміи временъ Императрицы Анны Іоанновны входили еще нерегулярныя войска, а именно: Донскіе казаки, до 15000 человѣкъ, Малороссійскіе казаки, до 20000 человѣкъ, Чугуевскій казачій полкъ въ составѣ 500 человѣкъ, Слободскіе казаки—до 5000 чел., нѣсколько тысячъ Запорожскихъ казаковъ, два гусарскихъ полка (Сербскій и Венгерскій) и одна гусарская рота (Грузинская); наконецъ, небольшія команды калмыковъ и волоховъ.

Лучшими изъ нерегулярныхъ войскъ были Донскіе казаки; почти такъ же высоко, какъ и Донскихъ казаковъ, нужно поставить и гусаръ. Боевыя качества Слободскихъ казаковъ были значительно хуже. Что касается Малороссійскихъ казаковъ, то въ этомъ отношеніи они стояли такъ низко, что ими, какъ боевой силой, пользовались въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Относительно установленія правильной постоянной организаціи дальше полка въ царствованіе Императрицы Анны ничего не было сдѣлано; организація дивизій, и особенно—бригадъ является крайне неустойчивой.

Во главѣ высшаго центральнаго управленія вооруженными силами въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, попрежнему, находилась Военная Коллегія.

Въ 1736 году Военной Коллегіи было дано новое устройство, которое имѣло слѣдующія выгодныя стороны:

1) Оно устанавливало полное единство военнаго управленія.

2) Оно усиливало и облегчало контроль надъ всѣми приходами и расходами военнаго вѣдомства (учрежденіемъ счетной конторы).

Въ 1731 году учредили одного генералъ-инспектора и трехъ военныхъ инспекторовъ. На обязанности этихъ лицъ лежало два раза въ годъ инспектировать войска, которыя въ этомъ отношеніи раздѣлялись на четыре департамента; кромѣ войскъ, инспектора осматривали также госпиталя, лазареты и провіантскіе магазины. Въ мирное время инспекторы присутствовали въ Военной Коллегіи, а въ военное время генералъ-инспекторъ и два инспектора должны были находиться при дѣйствующей арміи, а одинъ инспекторъ оставался въ предѣлахъ Имперіи для инспектированія гарнизонныхъ войскъ.

Въ 1736 году было издано положеніе о походномъ комиссаріатѣ, который вѣдалъ вопросы провіантскіе и комиссаріатскіе.

Необходимо отмѣтить, что тяжесть и, главное, продолжительность военной службы, въ связи съ тѣмъ, что правительство послѣ Петра допустило для нѣкоторыхъ обществъ замѣну рекрутъ выкупомъ, довольно сильно развили наемничество, при чемъ наемниками, естественно, по большей части, являлся весьма ненадежный элементъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что нравственнаго ценза для рекрутъ почти не существовало, такъ какъ не брали въ рекруты только бывшихъ въ «катскихъ рукахъ». Бѣглыхъ принимали, но суровость крѣпостного права того времени отчасти оправдываетъ побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ и позволяетъ думать, что бѣгалъ не только одинъ худшій элементъ.

Въ общемъ, нужно замѣтить, что при Императрицѣ Аннѣ какъ предпринимались попытки наилучшаго способа комплектованія при данныхъ обстоятельствахъ, такъ равно и проявлялась гуманность того, въ чьихъ рукахъ находилась судьба военныхъ вопросовъ вообще. Къ сожалѣнію, по причинамъ не военнаго характера, мысли эти не получили осуществленія не только тогда, но и еще много времени спустя.

Комплектованіе офицерами производилось главнымъ образомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было и раньше; съ 1731 г. былъ основанъ Шляхетскій кадетскій корпусъ. Какъ дѣло научной подготовки, такъ и воспитательная часть были поставлены въ корпусѣ вполнѣ раціонально.

Кромѣ русскихъ офицеровъ, въ армію со временъ еще Петра Великаго принималось довольно значительное число иностранныхъ офицеровъ, которое, однако, со временъ Петра II стало уменьшаться. Императрица Анна еще болѣе стѣснила доступъ въ русскую армію иностранныхъ офицеровъ. Срокъ службы офицеровъ въ 1736 году ограниченъ былъ 25-ю годами.

Въ вопросѣ обмундированія, оставшагося безъ существенныхъ измѣненій со временъ Петра I, можно отмѣтить только распространеніе на всю армію введеннаго при Петрѣ II, для артиллерійскихъ частей, ношенія косъ, штиблетовъ, манжетъ и пудренія, что, конечно, безцѣльно осложняло обмундированіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ при Императрицѣ Аннѣ стали болѣе настойчиво требовать отъ офицеровъ ношенія установленной формы обмундированія, чѣмъ уничтожена была пестрота въ покроѣ и цвѣтѣ офицерской одежды.

Съ 1736 года пѣхотныхъ офицеровъ вооружили ружьями со штыками и шпагами вмѣсто алебардъ и эспантоновъ.

Въ это же время были уравнены оклады жалованья русскихъ офицеровъ съ иностранцами, прибавкой первымъ.

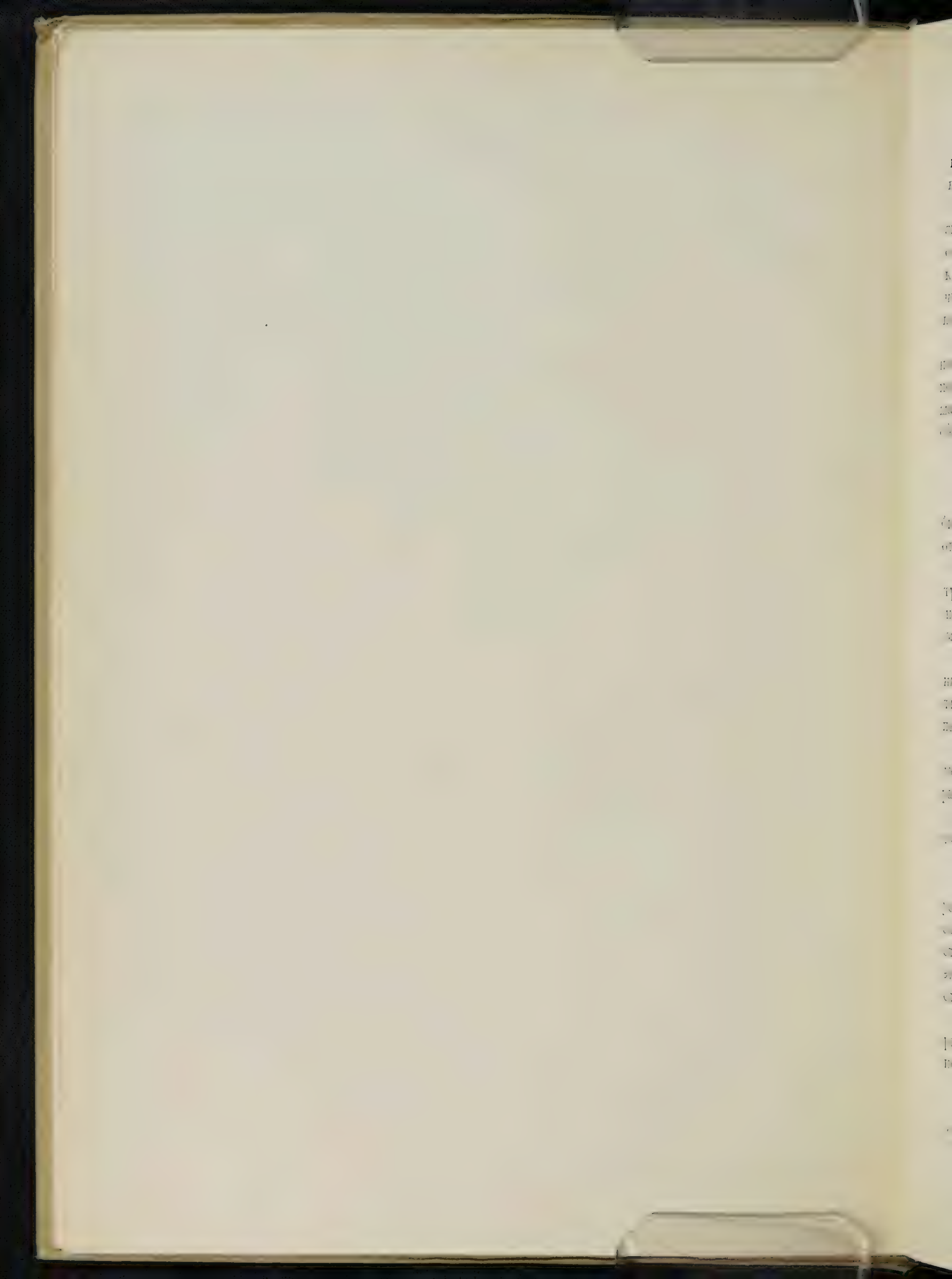
Фактъ уравненія въ содержаніи офицеровъ, русскихъ и иностранныхъ, ясно свидѣтельствуетъ, что въ иностранныхъ офи-

Гр. Румянцевъ-Задунайскій.

С. Ѳ. Апраксинъ.

Гр. З. Г. Чернышовъ.

церахъ уже не такъ нуждались и не такъ дорожили ими. Очевидно, сознавали, что они уже сдѣлали то дѣло, ради котораго въ Петровскихъ штатахъ имъ было отведено мѣсто на одну треть.

Казенный полковой обозъ въ общемъ былъ не особенно значительнымъ, но собственный офицерскій и даже солдатскій обозъ, несмотря на требованія командующаго арміей, въ Турецкихъ походахъ того времени достигалъ громадныхъ размѣровъ, что, главнымъ образомъ, и отягощало армію, дѣлая ее громоздкой и неповоротливой.

Необходимо, однако, сказать, что въ Крымскіе походы особенности театра войны и характера противника заставляли въ сильной мѣрѣ отступать отъ нормы и казеннаго обоза, и дѣйствующая армія вынуждена была до крайности увеличить размѣръ обоза. Иногда число возовъ обоза при арміи достигало 90,000.

Строевая и полевая подготовка арміи.

Въ 1731 году въ дополненіе къ Воинскому Уставу 1716 г. была издана «экзерциція пѣшая», разъясняющая собственно одинъ отдѣлъ Устава, а именно: отдѣлъ «экзерциціи».

Въ строевой службѣ пѣхоты временъ царствованія Императрицы Анны, насколько позволяетъ судить объ этомъ «экзерциція пѣшая» 1731 года, въ связи съ Уставомъ 1716 года, можно замѣтить слѣдующія важнѣйшія особенности:

1) Въ стрѣльбѣ, которой также нѣсколько увлекались, принимали участіе всѣ люди роты, при чемъ первая шеренга стрѣляла съ примкнутыми штыками, стоя на колѣняхъ (при Петрѣ первая шеренга не стрѣляла).

2) Строи были: а) развернутый, б) состоящій изъ линіи колоннъ, взводныхъ и двухвзводныхъ, и в) каре, построеніе котораго производилось «въ силѣ Воинскаго Устава».

3) Перемѣна фронта производилась только захожденіемъ плечомъ и при томъ на твердой оси.

4) Ученія объ атакѣ холоднымъ оружіемъ не было вовсе.

Для обученія кавалеріи служилъ составленный въ 1732 году уставъ спеціально для кирасиръ. Драгуны пользовались имъ съ самыми незначительными измѣненіями. Въ общемъ, въ строевой службѣ конницы временъ Императрицы Анны, насколько объ этомъ позволяетъ судить «экзерциція конная», можно замѣтить слѣдующія особенности:

1) Основнымъ строемъ былъ строй, развернутый въ 3 шеренги. Для движенія выстраивали колонны по 4, по-взводно и по-эскадронно.

2) Существовало перестроеніе въ 2 шеренги.

3) Обученіе атакѣ производилось небольшимъ аллюромъ «маленькой рысцой».

4) Стрѣльба была установлена изъ ружей и пистолетовъ съ коня.

Въ артиллеріи цѣльнаго, разработаннаго въ подробностяхъ и затрагивавшаго всѣ вопросы строевой подготовки устава не было, и наша полевая и полковая артиллерія, въ этомъ отношеніи, руководствовалась отдѣльными положеніями шведскаго артиллерійскаго устава, переведенными около 1730 года.

Согласно шведскаго устава, подготовка орудія къ заряжанію, заряжаніе его, наводка орудія и производство выстрѣла требовали 48 пріемовъ, изъ которыхъ 38—только для заряжанія, что вызывалось, главнымъ образомъ, заряжаніемъ съ дула отдѣльно зарядомъ и снарядомъ и несовершеннымъ способомъ воспламененія заряда.

Относительно веденія огня артиллерійскій уставъ указызывалъ только на слѣдующее: открывать огонь не слѣдуетъ далѣе, чѣмъ съ 400 шаговъ; орудіе для стрѣльбы должно ставиться на ровномъ мѣстѣ, а если такого нѣтъ, то его нужно приготовить.

Въ 1736 году генералъ-маіоромъ Ферморомъ, по указанію Миниха, была составлена «Диспозиція боеваго порядка и маневровъ въ генеральной баталіи съ турками».

Основныя положенія и диспозиціи заключались въ слѣдующемъ:

1) Войну необходимо вести наступательную и стараться перенести ее въ непріятельскую страну.

2) Лучшимъ средствомъ рѣшенія дѣла является бой—«должно искать сраженіе, чтобы побѣдить непріятеля».

3) Выиграть бой можно только тогда, когда къ нему достаточно подготовлены.

4) Подготовка къ бою требуетъ: а) хорошаго знанія противника; б) хорошаго знанія сильныхъ и слабыхъ сторонъ своей арміи, чтобы подставлять первыя и уклонять вторыя; в) рѣшительнаго и энергичнаго образа дѣйствій со стороны начальниковъ; г) хорошей подготовки начальствующихъ лицъ къ управленію войсками и знанія тактическихъ положеній—«какъ атаковать, какъ драться, какъ стрѣлять и какъ обороняться»; д) храбрости, «безстрашный и бодрый духъ всѣхъ чиновъ арміи»; е) хорошей тактической подготовки войскъ.

Какъ результатъ этого, «диспозиція» выставляетъ требованіе «прежде всего армію учить только тому, что придется дѣлать въ бою». Для пѣхоты указывается прежній четырехшереножный развернутый строй и требуется отказаться отъ пальбы шеренгами и отъ залповъ цѣлыми баталіонами или полками.

Открывать огонь пѣхотѣ во всѣхъ случаяхъ рекомендовалось съ разстоянія, не большаго, чѣмъ на половину ружейнаго выстрѣла. Какъ бы оправдывая это требованіе, «диспозиція» ука-

зывала, что, «сохраняя спокойствіе и присутствіе духа, можно иногда отбить противника безъ выстрѣла».

«Диспозиція» весьма заботилась объ облегченіи солдатъ въ бою, требуя, между прочимъ, чтобы пѣхота, въ ожиданіи боя, оставляла въ обозѣ шинели, ранцы, а также шпаги; нижніе чины должны были брать съ собой по флягѣ воды и сухари.

Относительно артиллеріи «диспозиція» даетъ слѣдующія общія указанія: полковыя орудія слѣдуетъ держать за флангами батальона такимъ образомъ, чтобы непріятель ихъ не могъ преждевременно замѣтить. Полевая артиллерія должна располагаться на возвышенности, откуда можно было бы обстрѣливать главныя силы непріятеля. При отсутствіи такой возвышенности полевая артиллерія располагается на одной линіи съ пѣхотой и дѣйствуетъ подобно полковой артиллеріи.

Относительно конницы въ «диспозиціи» встрѣчаются только два указанія, а именно: 1) какъ правило, драгунамъ запрещалась стрѣльба съ коня; она допускалась только, какъ исключеніе, при преслѣдованіи разбитаго непріятеля, и 2) въ пѣшемъ строю драгуны должны были дѣйствовать такъ же, какъ и пѣхота, однако, только въ предѣлахъ самаго необходимаго для нихъ.

Независимо отъ указанныхъ двухъ видовъ боевого порядка арміи, предусмотрѣнныхъ «диспозиціей», практика войны съ Турціей въ царствованіе Императрицы Анны заставила русскую армію широко пользоваться еще однимъ видомъ боевого порядка, который составлялся изъ одного или нѣсколькихъ каре, располагавшихся такимъ образомъ, чтобы возможно было оказать другъ другу взаимную поддержку.

Въ такомъ боевомъ порядкѣ, состоявшемъ изъ каре, армія нерѣдко въ ожиданіи нападенія противника совершала марши-маневры на протяженіи нѣсколькихъ переходовъ.

При этомъ нужно замѣтить, что сначала боевой порядокъ составлялся изъ одного каре, и лишь впослѣдствіи постепенно перешли къ построенію изъ нѣсколькихъ каре, что несомнѣнно благопріятно отразилось на гибкости и подвижности боевого порядка.

Съ 1736 года запрещено было производить въ унтеръ-офицеры неграмотныхъ, что свидѣтельствуетъ о повышеніи требованій относительно унтеръ-офицеровъ.

Строевая подготовка офицеровъ также не можетъ быть заподозрѣна въ слабости, такъ какъ въ этомъ отношеніи никакихъ перемѣнъ и измѣненій, по сравненію со временемъ Петра, не произошло.

Отношенія офицеровъ къ нижнимъ чинамъ, по понятіямъ нашего времени, быть можетъ, и нельзя назвать гуманными, но во всякомъ случаѣ они не являлись болѣе жестокими, чѣмъ отношенія въ то время помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ, и даже, напротивъ, положеніе нижнихъ чиновъ въ полкахъ было значительно лучше, чѣмъ крестьянъ у своихъ помѣщиковъ.

Въ общемъ, въ эту эпоху руководители русской арміи, по мѣрѣ разумѣнія, стремились вести ее по пути, которымъ велъ и Петръ Великій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, что въ это время руководители русской арміи стремились въ ея жизнь внести больше «регулярства», о чемъ такъ заботился Петръ Великій.

II. Война съ Турціей въ 1736—39 гг.

а) Причины войны.

Въ 1724 г. Петръ, утвердившись на западномъ и южномъ берегахъ Каспійскаго моря, пріобрѣлъ прочную базу для движенія къ Константинополю азіатскимъ путемъ.

Но не суждено было Петру развить этотъ успѣхъ свой: въ 1725 г. Великій Царь умеръ и свою невыполненную мысль о берегѣ моря на югѣ, какъ жизненную задачу Россіи, онъ передалъ въ завѣтъ своимъ преемникамъ.

Всеобъемлющій геній Петра Великаго позволялъ ему самолично руководить всѣми отраслями государственной дѣятельности, подыскивая себѣ только талантливыхъ исполнителей. Первые преемники его, по многимъ причинамъ, были въ другомъ положеніи: они должны были искать себѣ не только исполнителей, но и руководителей, которымъ они вынуждены были поручать всецѣло веденіе той или другой отрасли дѣятельности государства. Такимъ руководителемъ внѣшней политики при первыхъ трехъ преемникахъ Великаго Императора явился талантливый вице-канцлеръ, Андрей Ивановичъ Остерманъ, ученикъ незабвеннаго Императора, вполнѣ проникнутый духомъ его политики, хорошо усвоившій ея основную идею и стремившійся къ выполненію ея.

Остерманъ, считая необходимымъ для Россіи овладѣть на югѣ моремъ, ясно сознавалъ, что для рѣшенія этой задачи Россіи придется вступить въ жестокую борьбу съ Турціей, и дѣлалъ все, чтобы эта борьба велась въ условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ для насъ. Въ этихъ видахъ прежде всего былъ заключенъ союзъ съ Австріей.

Затѣмъ въ 1735 г. нами былъ заключенъ трактатъ съ Персіей, по которому послѣдняя, за возвращеніе ей Дербента, Баку и Сальяна, обязывалась дѣйствовать противъ турокъ.

Военныя дѣйствія противъ турокъ начаты были осенью 1735 г., когда въ Крымъ былъ двинутъ, подъ начальствомъ Леонтьева, корпусъ войскъ силой въ 30000 чел.

Позднее начало похода и рано наступившая въ степи зима заставили Леонтьева черезъ 13 дней, дойдя лишь до Каменнаго Затона, въ 280 верстахъ отъ нашей границы, прекратить дальнѣйшее движеніе къ Крыму и возвратиться къ своимъ границамъ, при чемъ онъ потерялъ 9000 чел. и почти столько же лошадей.

Предпринятая послѣ этого Австріей попытка привести Россію и Турцію къ соглашенію не увѣнчалась успѣхомъ, и 12-го апрѣля 1736 г. Россія объявила Турціи «прямую войну».

Такимъ образомъ, непріязненныя дѣйствія, открытыя противъ Турціи въ 1735 г. и служившія началомъ четырехлѣтней войны нашей съ Турціей въ царствованіе Анны Іоанновны, логически вытекали изъ основной вполнѣ правильной идеи внѣшней политики Остермана, унаслѣдованной имъ отъ Петра I, — идеи о необходимости для Россіи владѣть на югѣ моремъ.

Политическая обстановка непосредственно передъ началомъ войны складывалась такимъ образомъ: въ Польшѣ хотя и былъ королемъ преданный Россіи Августъ III, но внутреннія неурядицы не позволяли королю открыто стать на сторону Россіи, вслѣдствіе чего послѣдняя не могла, напримѣръ, пользоваться польской территоріей для прохода въ турецкія владѣнія, что значительно стѣсняло операціи.

Персія выполняла свое обязательство и отвлекала часть турокъ въ Азію.

Что касается Австріи, то хотя она и была союзной державой и обязалась въ предстоящей нашей войнѣ съ Турціей выставить противъ послѣдней вспомогательный корпусъ, однако боязнь расширенія Россіи къ Черному морю, куда она стремилась сама, дѣлала ее крайне неискренней и завистливой, что и сказалось въ подысканіи ею различныхъ предлоговъ къ тому, чтобы не принимать участія въ войнѣ.

б) Планъ войны.

Геніальный Петръ, послѣ неудачнаго Прутскаго похода, отказался отъ наступленія къ Константинополю черезъ Молдавію и искалъ другого пути къ проливамъ.

Приходилось въ стремленіи къ оттѣсненію турокъ отъ береговъ Чернаго моря и проливовъ слѣдовать примѣру Петра и выбирать болѣе кружный путь, постепенно приближаться къ завѣтной цѣли, двигаясь впередъ, только лишь утвердившись на пройденномъ. Приходилось разсчитывать войну на нѣсколько кампаній, изъ которыхъ каждая предыдущая подготовляла бы слѣдующую.

Полное господство надъ Дономъ, надъ его устьемъ, завоеваніе Крыма, подчиненіе татарскихъ ордъ, подчиненіе Валахіи и Молдавіи, утвержденіе на берегахъ Босфора—вотъ задачи, которыя постепенно должны были выполняться на избираемомъ пути. Азовъ, Крымъ, Очаковъ, Бендеры, Хотинъ, Яссы и Константинополь,—вотъ цѣли дѣйствій отдѣльныхъ кампаній, которыя надо было предпринять для рѣшенія намѣченныхъ задачъ.

Назначенный еще въ 1735 г., послѣ неудачнаго похода Леонтьева на югъ, главнокомандующимъ русской арміей, фельдмар-

шалъ Минихъ намѣчалъ такой планъ дѣйствій противъ Турціи: «на 1736 г.—Азовъ будетъ нашъ. Мы станемъ господами Дона, Донца, Перекопа, владѣній Ногайскихъ между Дономъ и Днѣпромъ по Черному морю, а, можетъ быть, и самый Крымъ намъ будетъ принадлежать. На 1737 г.—подчиняется весь Крымъ, Кубань, пріобрѣтается Кабарда; Императрица—владычица на Азовскомъ морѣ и гирлъ между Крымомъ и Кубанью. На 1738 г.— подчиняются безъ малѣйшаго риска Бѣлгородская и Буджакская орды по ту сторону Днѣпра, Молдавія и Валахія, которыя стонутъ подъ игомъ турокъ. Спасаются и Греки подъ крылья Русскаго Орла. На 1739 г. знамена и штандарты Ея Величества водружаются... гдѣ? въ Константинополѣ».

в) Кампанія 1736 г. и ея результаты.

Итакъ, въ 1736 г., по плану Миниха, надлежало овладѣть Азовомъ и завоевать Крымъ.

Для выполненія этого плана было сформировано двѣ арміи: Днѣпровская—для дѣйствія противъ Крыма, силой около 70000 чел., и Донская — противъ Азова, силой въ началѣ кампаніи около 10000, а въ концѣ—около 25000 чел.

Взятіе Азова, разореніе части Крымскаго полуострова и приведеніе въ подданство Россіи нѣкоторыхъ ордъ Кубанскихъ татаръ,—таковы были окончательные результаты кампаніи 1736 г. Такимъ образомъ, только половина программы, намѣченной Минихомъ на этотъ годъ, была выполнена имъ.

Сильная болѣзненность въ арміи, значительная потеря въ людяхъ и лошадяхъ, неустройство продовольственной части и невозможность, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, вести кампанію зимой заставили Миниха окончить кампанію въ августѣ и вернуться къ своимъ границамъ.

г) Кампанія 1737 г. и ея результаты.

Планъ кампаніи на 1737 г. былъ составленъ совмѣстно съ австрійцами.

Въ 1737 г. рѣшено было: одну армію отправить въ Крымъ, а другую—противъ Очакова.

Въ Крымъ изъ Азова отправлялся съ 40000 арміей Ласси.

Къ Очакову направлялся Минихъ съ арміей въ 90000 чел.

Результатомъ дѣйствій обѣихъ армій въ кампанію 1737 г. было взятіе Очакова, Кинбурна и вторичное сильнѣйшее разореніе Крыма.

Значительная убыль людей вслѣдствіе болѣзней, недостатокъ въ продовольствіи, въ водѣ и въ подножномъ корму для лошадей и скота, отсутствіе сильной флотиліи, необходимость тащить съ

собой сильно стѣсняющихъ дѣйствія арміи больныхъ и раненыхъ,—все это заставило Миниха, снабдивъ Очаковъ достаточнымъ гарнизономъ въ цѣляхъ сберечь эту «въ непріятельской ногѣ занозу», въ концѣ августа отказаться отъ какихъ-либо «дальнѣйшихъ предвоспріятій» и направиться къ своимъ границамъ.

Съ своей стороны, фельдмаршалъ Ласси, начавъ кампанію непосредственно противъ Крыма успѣшнымъ вторженіемъ на полуостровъ, разоривъ его окончательно и разогнавъ татарскую армію, почти по тѣмъ же причинамъ, какъ и Минихъ, и боясь «великаго арміи раззоренія», отказывается отъ похода на Кафу и отъ окончательнаго закрѣпленія за собой Крыма и въ концѣ іюня также отступаетъ къ своимъ границамъ.

д) Кампанія 1738 г. и ея результаты.

Еще во время кампаніи 1737 г. въ Немировѣ засѣдалъ конгрессъ, собранный по инціативѣ Австріи, на которомъ Остерманъ пытался добиться того, ради чего велась наша война съ Турціей. Успѣхи турокъ противъ австрійцевъ, ясно выраженныя зависть и недоброжелательство Австріи къ своей союзницѣ-Россіи — сдѣлали этотъ конгрессъ безрезультатнымъ и привели къ новой кампаніи 1738 г.

13-го января 1738 г. Императрица утвердила планъ будущей кампаніи, выработанный Минихомъ. Для веденія операціи со стороны Россіи вновь было сформировано двѣ арміи: Главная—силой въ 108000 чел.,—на Днѣпрѣ, подъ начальствомъ Миниха, и Донская армія, силой около 65000 чел.,—Ласси. Цѣлью дѣйствій Главной арміи было поставлено—вторгнуться за Днѣстръ и разгромить турокъ въ самой Молдавіи.

Удачно начатый Минихомъ походъ къ Днѣстру, послѣ тяжелыхъ усилій и нѣсколькихъ побѣдоносныхъ сраженій съ татарами, привелъ его въ концѣ іюля къ столь желаннымъ берегамъ Днѣстра. Однако, за Днѣстръ, въ Молдавію Миниху въ этомъ году вторгнуться не удалось, въ виду цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій (длинная операціонная линія, трудность переправы).

Послѣ нерѣшительной попытки Минихъ отказался отъ переправы черезъ Днѣстръ и вернулся къ своимъ границамъ.

Дѣйствія фельдмаршала Ласси противъ Крымскаго полуострова въ 1738 г. въ общемъ были также безрезультатны.

Взорвавши Перекопъ, Ласси «прямѣйшимъ трактомъ» отступилъ въ Украйну. Неуспѣхами обѣихъ армій, однако, еще не исчерпываются военныя неудачи Россіи въ злополучномъ 1738 г.

Сильная болѣзненность въ Очаковѣ, развившаяся со времени осады его турками осенью 1737 г., съ теченіемъ времени стала еще болѣе усиливаться, что и заставило Миниха приказать

гарнизоны изъ Очакова и Кинбурна вывести, расположивъ ихъ ниже пороговъ, а крѣпости—взорвать и разорить.

Такимъ образомъ, въ 1738 г. не только не было сдѣлано какихъ-либо завоеваній на пути къ овладѣнію Чернымъ моремъ, т.-е. на пути къ достиженію той цѣли, ради которой была начата война съ Турціей, но даже было потеряно то, что пріобрѣтено въ этихъ видахъ въ 1737 г.

Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ безъ новой кампаніи обойтись было нельзя.

е) Кампанія 1739 г.

1. Планъ кампаніи и движеніе арміи до р. Буга.

Планъ кампаніи на 1739 г., составленный Минихомъ, заключался въ слѣдующемъ:

1) Главной арміи итти черезъ Польшу къ Хотину и дѣйствовать, «какъ конъюнктуры и непріятельскіе поступки и движенія показывать будутъ». 2) «А съ другой арміей для толь наивящей непріятелю диверсіи противъ Крыма и Кубани всѣ такія дѣйства производить стараться, которыя токмо возможны будутъ, къ чему уповательно и флотилія на Днѣпрѣ не безъ пользы употреблена быть можетъ». Подъ послѣднимъ разумѣлись дѣйствія въ направленіи на Очаковъ и Кинбурнъ.

Армія, предназначенная дѣйствовать противъ Хотина, должна была состоять всего изъ 91000 чел., изъ которыхъ 15000 нерегулярныхъ. При арміи находилось 169 полковыхъ пушекъ, 58 орудій большого калибра и обозъ, везомый на 22 т. паръ воловъ.

Арміи была раздѣлена на 4 дивизіи болѣе или менѣе однообразнаго состава.

Дивизіи, по общему правилу, дѣлились на бригады неравномѣрнаго состава.

22-го мая въ м. Левахъ, куда перешли войска отъ Лыбеди, Минихъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ впервые объявилъ старшему генералитету, что цѣлью предстоящаго похода является взятіе крѣп. Хотина, а затѣмъ—вторженіе въ Волошскую и Молдавскую земли.

25-го мая армія перешла къ Василькову, расположившись на самой польской границѣ. Здѣсь сосредоточилось всего около 69000 чел., изъ которыхъ строевого элемента 58000.

28-го мая армія изъ Василькова и Треполья, не дождавшись Донскихъ казаковъ, выступила въ «дальній маршъ».

Дивизіи двигались по разнымъ дорогамъ независимо одна отъ другой по выданнымъ маршрутамъ, и Минихъ только требовалъ, чтобы начальники дивизій своевременно сообщали ему, гдѣ ихъ дивизіи будутъ каждый день находиться. Для уравненія дви-

Аллегорическое изображеніе семилѣтней войны.

(Взято изъ собраній Л.-Гв. Гренадерскаго полка).

женія колоннъ Минихъ временами опредѣлялъ срокъ, когда всѣ дивизіи должны были прибыть къ опредѣленнымъ пунктамъ, или указывалъ день для общей дневки.

21, 22 и 23 іюня 1, 2 и 4 дивизіи безъ всякаго противодѣйствія со стороны непріятеля переправились у Константинова и Меджибожа черезъ р. Бугъ и къ вечеру 23-го сосредоточились у Летичева. Что касается 3-й дивизіи, то она, въ виду затруднительности переправы черезъ Бугъ бывшей при ней осадной артиллеріи, была направлена въ обходъ верховьевъ р. Буга на Купель и Черный Островъ.

2. Движеніе арміи къ р. Днѣстру. Переправа черезъ Днѣстръ и движеніе черезъ Перекопскія узины.

6-го іюля Минихъ съ тремя дивизіями прибылъ къ р. Бованцу въ одномъ переходѣ отъ Збруча, куда еще 5-го іюля прибыла 3-я дивизія. Такимъ образомъ, 6-го іюля вся армія Миниха вновь сосредоточилась.

8-го іюля армія выступила къ р. Збручу, которую и перешла у Тернорудки и Каневки 8-го и 9-го іюля.

10-го іюля впервые показался въ виду арміи непріятель. Поэтому съ 11-го числа армія, имѣя впереди авангардъ Фермора изъ 4 драгунскихъ полковъ, шла въ одномъ общемъ каре, каждая сторона котораго составлена была изъ одной дивизіи; внутри каре находились всѣ обозы; вокругъ арміи слѣдовали нерегулярныя войска. Въ послѣдующіе дни видъ каре, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, нѣсколько измѣнился. 16-го іюля армія имѣла дневку въ Качюбницѣ, и здѣсь былъ собранъ Минихомъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено переправу черезъ Днѣстръ произвести выше Хотина, прибѣгнувъ къ демонстраціи: одна часть арміи подъ начальствомъ Румянцева, играя роль всей арміи, должна была показать намѣреніе продолжать путь свой прямо къ Хотину, а другая, подъ непосредственнымъ начальствомъ Миниха, подъ видомъ конвоя, сопровождающаго посла Русской Императрицы въ Турцію, должна была направиться къ Днѣстру выше Хотина, гдѣ и переправиться.

Корпусъ Миниха состоялъ изъ 28000 чел., изъ которыхъ 9500 было нерегулярныхъ. 17-го вся армія сдѣлала небольшой переходъ къ Пробожнѣ. 18-го іюля Минихъ со своимъ корпусомъ отдѣлился отъ Румянцева и, сдѣлавъ 30 вер. по крайне неблагопріятной мѣстности, въ 5 час. вечера съ авангардомъ прибылъ къ Днѣстру у д. Синьковицы, лежащей въ 50 верстахъ выше Хотина. Прибытіе Миниха къ Днѣстру въ этомъ пунктѣ было настолько неожиданно для противника, что фельдмаршалъ здѣсь не нашелъ ни одного непріятельскаго солдата.

Минихъ тотчасъ же переправилъ черезъ него въ бродъ нерегулярныя войска, а къ вечеру 19-го іюля весь корпусъ Миниха былъ уже на правомъ берегу Днѣстра.

Начавшіеся дожди сильно затрудняли движеніе Румянцева, и онъ только 24-го іюля подошелъ передовыми частями къ Днѣстру. Переправа войскъ Румянцева началась 25-го іюля. Въ этотъ же день, вслѣдствіе тѣсноты лагеря у Синьковицъ, Минихъ передвинулъ лагерь на 4 версты вверхъ по Днѣстру къ дер. Дорошевцы.

Вмѣстѣ съ перемѣной лагеря была измѣнена и организація арміи: прежнее дѣленіе на авангардъ и 4 дивизіи было замѣнено дѣленіемъ на авангардъ, коръ-де-батайль, правое и лѣвое крыло. Авангардъ состоялъ изъ Волошскаго корпуса и двухъ Компанейскихъ полковъ. Крылья состояли каждое изъ 6 пѣх., 6 драг. и 2-3 Малороссійскихъ полковъ; гвардія—5 драг., 8 пѣх., 9 ландмилицкихъ, 2 Малороссійскихъ полковъ,—Донскіе казаки и Запорожцы составляли коръ-де-батайль.

Прежде чѣмъ начать движеніе отъ Днѣстра, Минихъ въ д. Заставна, куда 3-го августа былъ перенесенъ лагерь, собираетъ военный совѣтъ. На военномъ совѣтѣ 4-го августа рѣшено было «въ наступающій день маршъ съ арміей къ Хотину воспріять по дорогѣ, пролегающей ближе къ Пруту, подаваясь къ Волошскому мѣстечку Черноуцы».

Наиболѣе труднымъ участкомъ этой дороги являлся участокъ отъ д. Рагозна до д. Ракитна, проходящій по узкому горному дефиле, называемому «Перекопскія узины». Почти въ самомъ началѣ этого участка находилось сильное укрѣпленіе «Окопъ». 5-го августа, оставивъ у Заставны осадную артиллерію и провіантскій магазинъ, подъ прикрытіемъ 20000 корпуса Кейзерлинга, армія выступила къ Хотину. 6-го августа Минихъ занялъ Окопъ. На другой день, 7-го августа, армія, пройдя 6 верстъ, расположилась лагеремъ въ трехъ каре въ лѣсу на горѣ Станигоръ, примкнувъ правый флангъ къ р. Пруту и уперевъ лѣвый въ Хотинскія горы.

8-го августа армія, ожидая обозы, съ цѣлью лучшаго ихъ прикрытія, продвинулась впередъ приблизительно на 2 в. и расположилась на правомъ высокомъ берегу оврага передъ р. Долгой. Здѣсь русская армія по всему фронту была атакована татарской конницей; благодаря дѣйствію артиллеріи, на которую навели противника гусары, нападенія эти были отбиты, и къ вечеру непріятель отошелъ за р. Долгую, гдѣ преслѣдовавшими гусарами былъ замѣченъ большой непріятельскій лагерь.

8-го августа въ 7 часовъ вечера Минихомъ были собраны на совѣтъ начальники дивизій. На этомъ совѣтѣ, принявъ во вниманіе необходимость дальнѣйшаго наступленія къ Хотину, от-

сутствіе при арміи обозовъ и ихъ безопасное положеніе, рѣшено было немедленно перейти въ наступленіе и атаковать противника.

Оставивъ въ лагерѣ понтоны и бывшіе при арміи полковые обозы подъ прикрытіемъ сборнаго отряда Бахметьева, армія 9-го августа на разсвѣтѣ «со всякой тихотой» въ трехъ каре выступила изъ лагеря.

Удачныя дѣйствія Миниха заставили въ этотъ день непріятеля отступить, и русская армія, безпрепятственно перейдя р. Гукову, стала лагеремъ вблизи д. Ракитна. Переправой черезъ р. Гукову окончился выходъ арміи изъ Перекопскихъ ущелій, и теперь Минихъ считалъ, что дорога къ непріятелю и Хотину открыта.

Съ 10-го по 13-е августа включительно русская армія, въ ожиданіи прибытія обозовъ, продвинулась всего на 6 в. къ д. Калиновцы, два раза перемѣняя лишь лагерь.

Получивъ 13-го августа свѣдѣнія, что турки намѣреваются атаковать насъ, Минихъ рѣшилъ не ожидать атаки, а на слѣдующій же день самому атаковать противника. Однако, 14-го августа непріятель не принялъ боя и только татары попытались напасть на оставленный обозъ, но безуспѣшно.

Къ вечеру русская армія, пройдя нѣсколько верстъ, расположилась лагеремъ у д. Синьковицъ.

15-го августа армія, въ ожиданіи присоединенія обозовъ, оставалась на мѣстѣ. Только поздно вечеромъ въ этотъ день къ арміи прибылъ, наконецъ, весь обозъ.

3. Походъ къ Ставучанамъ и Ставучанское сраженіе.

16-го августа рано утромъ русская армія продолжала свое движеніе. Въ половинѣ 9-го утра, поднявшись на одну изъ высотъ, русскія войска увидѣли впереди противника, расположеннаго на укрѣпленной позиціи; въ 10 час. утра татары быстро двинулись къ русской арміи и совершенно окружили ее. Армія тѣмъ не менѣе продолжала движеніе, удачно отбиваясь то при помощи артиллеріи, то при помощи нерегулярныхъ. Все это, однако, крайне замедляло движеніе арміи, и только къ вечеру, пройдя всего 6 верстъ, она подошла на пушечный выстрѣлъ къ непріятельской позиціи и расположилась лагеремъ на берегу р. Шуланецъ у деревни Шировцы. Здѣсь армія стала въ трехъ каре, кругомъ обставленныхъ рогатками и артиллеріей. Положеніе ея было крайне тяжелое: кругомъ многочисленныя полчища турокъ и татаръ; передъ фронтомъ главныя силы турокъ занимали, подъ начальствомъ Вели-паши, сильно укрѣпленную позицію, съ которой, начиная съ 4 часовъ дня, обстрѣливали армію сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. На лѣвомъ флангѣ арміи находился Колчакъ-паша съ конными янычарами; на правомъ—Генжъ-Али-паша съ турецкой кавалеріей (спаги), а въ тылу всѣ татарскія орды подъ командою султана Исламъ-

Гирея. Въ арміи чувствовался недостатокъ въ фуражѣ и дровахъ. Воду тоже доставали съ трудомъ. Постоянныя нападенія отдѣльныхъ партій, не прекращавшіяся даже ночью, заставляли держать всѣхъ людей «при ружьѣ и къ дѣйствію во всякой готовности».

Противникъ торжествовалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что теперь «онъ россійскую армію въ своихъ рукахъ имѣетъ, и что изъ оной ни одинъ человѣкъ не спасется».

Въ лагерѣ Вели-паши вспоминали не безъ удовольствія пораженіе Дели - Петро (Великаго Петра) на берегахъ Прута въ 1711 г., считая, что русская армія и теперь находится въ такомъ положеніи, и что ей остается одно—сдаться на капитуляцію.

Но рѣшительный и энергичный Минихъ разрушилъ надежды и мечты своего гордаго противника.

Позиція, выбранная сераскиромъ Вели-пашой для генеральнаго сраженія съ русской арміей, находилась въ 10 верстахъ на юго-западъ отъ Хотина, на высотахъ между дд. Надобоевцы и Ставучаны.

Ставучанская позиція представляла слѣдующія особенности: она была очень сильна съ фронта, при чемъ наиболѣе сильной являлась ея западная часть. Фланги ея были обезпечены. Переходъ въ наступленіе удобенъ былъ на ея лѣвомъ участкѣ.

Благодаря большому командованію и крутизнѣ скатовъ праваго участка позиціи, обстрѣливаніе его изъ пушекъ было крайне затруднительно для атакующаго. Обходъ позиціи былъ возможенъ только съ ея лѣваго фланга; однако, по трудности выполненія, онъ требовалъ слишкомъ много времени.

Не рѣшаясь атаковать Миниха и отступая подъ его натискомъ, главнокомандующій турецко-татарской арміей, сераскиръ Вели-паша, съ 11-го августа сталъ стягивать свои силы на Ставучанскую позицію и приступилъ къ ея укрѣпленію.

Къ 17-му августа Вели-паша сосредоточилъ на позиціи Надобоевцы-Ставучаны все, что только онъ могъ, притянувъ сюда даже почти весь гарнизонъ Хотина. Общая численность турецко-татарской арміи, сосредоточенной у Ставучанъ, достигала 70—90000 чел. при 70 орудіяхъ. Направивъ всѣхъ татаръ въ тылъ русской арміи и выдѣливъ турецкую кавалерію на фланги своего расположенія, Вели-паша собственно для занятія позиціи имѣлъ не болѣе 20000 чел. Очевидно, что этими силами занять всю позицію, имѣвшую протяженіе въ 5 в., онъ не могъ. Желая, вѣроятно, непосредственно прикрыть кратчайшую и лучшую дорогу на Хотинъ, Вели-паша рѣшилъ занять не всю позицію, а только наиболѣе сильную западную ея часть, оставивъ незанятой восточную, откуда отходилъ путь на Бендеры. Несмотря на природную силу западной части позиціи, Вели-паша нашелъ необходимымъ еще укрѣпить ее.

Принять участіе въ бою со стороны русской арміи въ этотъ день могло 40000 регулярныхъ и 8000 нерегулярныхъ при 250 полковыхъ и полевыхъ орудіяхъ.

Планъ Миниха въ Ставучанскомъ бою заключался въ томъ, чтобы при атакѣ непріятельскаго лѣваго фланга «употребить воинскую стратажему... якобы непріятельскій ретранжаментъ ата-

СРАЖЕНІЕ ПРИ СТАВУЧАНАХЪ

Объясненія буквъ.

А. Лагерь русскихъ. **Б.** Правое крыло русскихъ, на которомъ ночью 16 августа были атакованы квартирмейстеры. **В.** Ставка главнокомандующаго. **Г.** Донскіе казаки. **Д.** Укрѣпленный лагерь турокъ. **Е.** Правое крыло турокъ подъ начальствомъ коменданта Хотина Колчакъ паши. **Ж.** Лѣвое крыло турокъ подъ начальствомъ Генжъ-Али-паши. **З.** Татарскія орды подъ начальствомъ Бѣлгородскаго султана Исламъ-Гирея. **І:** Отрядъ генерала Левендаля, назначенный для демонстраціи. **К.** Маршъ русской арміи къ переправамъ черезъ р. Шуланецъ. **Л.** Мосты на р. Шуланецъ. **М.** Двѣ бригады русской артиллеріи, огнемъ прикрывающія переправу арміи черезъ р. Шуланецъ. **Н.** Боевой порядокъ русскихъ послѣ переправы черезъ р. Шуланецъ. **О.** Новыя траншеи и батареи, построенныя турками послѣ переправы русскихъ черезъ р. Шуланецъ. **П.** Правое крыло русскихъ, атакованное турками. **Р.** Атака янычаръ. **С.** Боевой порядокъ русскихъ послѣ разбитія турокъ. **Т.** Двѣ бригады русской артиллеріи, обстрѣливающія Генжъ-Али-пашу. **У.** Бѣгство сераскира Вели-паши. **Ф.** Бѣгство Султана Исламъ-Гирея и татаръ.

ковать хотѣли», т. е. планъ сраженія 17-го августа состоялъ въ томъ, чтобы, демонстрируя противъ праваго фланга противника, рѣшительный ударъ нанести на его лѣвый флангъ.

Для демонстраціи былъ назначенъ отрядъ Густава Бирона въ составѣ 9000 чел. при 22 полковыхъ пушкахъ и одной бригадѣ полевой артиллеріи.

Рано утромъ 17-го августа отрядъ Густава Бирона быстро переправился черезъ р. Шуланецъ, сталъ на небольшой высотѣ, въ разстояніи около 2 в. отъ непріятельскихъ батарей, и началъ бомбардировку укрѣпленій противника. Турецкая артиллерія, въ свою очередь, стала обстрѣливать русскій отрядъ. Артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался здѣсь до полудня.

Все это дѣйствительно заставило Вели-пашу предположить, что русскіе желаютъ атаковать его правый флангъ, и онъ обратилъ свое вниманіе исключительно на эту сторону. Войска, занимавшія позицію, стали сосредоточиваться ближе къ правому флангу, впереди имѣвшихся уже батарей и окоповъ, и съ поспѣшностью стали строить новые.

Около полудня Минихъ, замѣтивъ, что дѣйствіями отряда Густава Бирона непріятель вполнѣ введенъ въ заблужденіе относительно истинныхъ его намѣреній, приказалъ всей арміи повернуться направо и двинуться къ мѣсту сліянія р. Шуланецъ и ручья, впадавшаго въ послѣднюю у д. Долина. Въ то же время отрядъ Густава Бирона переправился обратно за Шуланецъ и занялъ въ общемъ построеніи свои мѣста. Это движеніе Густава Бирона было принято Вели-пашой за отступленіе всей русской арміи, и имъ было даже послано въ Хотинъ извѣстіе о побѣдѣ.

Вскорѣ однако туркамъ открылся истинный смыслъ движенія, предпринятаго русскими, и они стали переводить свои войска на свой лѣвый флангъ, гдѣ немедленно приступили къ возведенію трехъ батарей и окоповъ.

Съ цѣлью сдерживать татаръ и конницу Генжъ-Али-паши, часть которой появилась уже и на лѣвомъ берегу р. Шуланецъ съ намѣреніемъ оказать сопротивленіе русской арміи съ фронта, вблизи переправы было расположено, подъ начальствомъ артиллеріи подполковника князя Дадіана, 2 бригады полевой артиллеріи, подъ прикрытіемъ огня которой и производилась переправа.

Медленно со всѣми обозами и тяжелой артиллеріей армія въ трехъ каре двигалась, «взявъ дирекцію направо». Впереди шелъ Карлъ Биронъ съ правымъ крыломъ, прикрываясь огнемъ артиллеріи князя Дадіана. Карлъ Биронъ подошелъ къ рѣкѣ и, забросавъ болотистыя мѣста фашинами, навелъ черезъ нее 27 мостовъ, по которымъ и перевелъ безпрепятственно свои полки. Взобравшись на высоты лѣваго берега рѣки, Карлъ Биронъ во 2-мъ часу дня расположился на нихъ въ двухъ верстахъ отъ лагеря

противника такимъ образомъ, чтобы прикрыть переправу отъ покушеній непріятеля, находившагося у него передъ фронтомъ и особенно на правомъ флангѣ.

Турки нѣсколько разъ пытались атаковать Карла Бирона. Особенно насѣдала съ праваго фланга конница. Наиболѣе энергичное изъ такихъ нападеній было произведено около 3 часовъ дня. Однако, всѣ эти атаки кончились для непріятеля неудачно. Въ то же время турки торопились занять высоты лѣваго фланга и стягивали туда всѣ свои силы, возводили тамъ изъ готовыхъ туровъ батареи, которыя, однако, вскорѣ были сбиты нашей артиллеріей. Расположеніе и дѣйствія Карла Бирона вполнѣ обезпечивали переходъ остальныхъ войскъ черезъ р. Шуланецъ.

Перейдя р. Шуланецъ и построившись въ одно общее каре, внутри котораго былъ весь обозъ, армія медленно, съ постоянными остановками, подвигалась впередъ.

Въ 5-мъ часу дня, когда она проходила мимо д. Ставучанъ, турки произвели рѣшительную атаку: съ праваго фланга стремительно атаковала конница, съ фронта — янычары, въ числѣ 12 — 13 т., направившіеся противъ центра, гдѣ находилась гвардія и большая часть пѣхоты. Армія остановилась, закинула рогатки и открыла сильный артиллерійскій и пѣхотный огонь.

Противникъ не выдержалъ такого огня. Конница отхлынула, вновь перейдя за Ставучанскій ручей; янычары, потерявъ около 1000 чел. убитыми и ранеными, обратились въ безпорядочное бѣгство.

Опасаясь за свой обозъ, Минихъ вынужденъ былъ отказаться отъ преслѣдованія отступавшихъ янычаръ.

Упорное, настойчивое и неуклонное движеніе русской арміи къ намѣченной цѣли, совершающееся при томъ, несмотря на всѣ попытки врага разстроить его, спокойно и стройно, настолько поражаетъ противника своею мощью, представляется ему чѣмъ-то неотразимымъ и, въ концѣ концовъ, производитъ на него такое впечатлѣніе ужаса, что непріятельскія войска, занимавшія позицію, зажгли свой лагерь и стали быстро уходить по направленію къ Хотину. Конница же и татары все еще держались вокругъ русской арміи, стѣсняя ея движенія. Только въ 7 часовъ вечера армія достигла турецкой позиціи и заняла непріятельскій лагерь.

Въ это время Генжъ-Али-паша рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку вырвать побѣду изъ рукъ Миниха. Собравъ свою конницу, онъ приготовился атаковать правый флангъ русскихъ войскъ, но дѣйствіемъ двухъ артиллерійскихъ бригадъ былъ обращенъ въ бѣгство еще до выполненія своего намѣренія.

Погромъ турко-татаръ былъ полный. Вся 70-тысячная армія противника разсѣяна. Большая часть турокъ Вели-паши и Генжъ-Али-паши бѣжала къ Бендерамъ, увлекши за собой почти весь Хотинскій гарнизонъ. Небольшая часть ихъ броси-

лась къ Пруту и далѣе за Дунай, татары поспѣшно уходили къ себѣ въ Буджакъ.

Побѣдителямъ достались многочисленные трофеи и значительная добыча. Потери русскихъ войскъ въ Ставучанскомъ сраженіи относительно были ничтожны: убитыхъ—13, среди которыхъ одинъ полковникъ Донского войска, и 54 раненыхъ, между которыми 6 офицеровъ.

Потери турокъ были гораздо значительнѣе; ими было оставлено на полѣ сраженія не менѣе 1000 труповъ.

Хотя Минихъ еще вечеромъ 17-го августа высказывалъ мысль о необходимости «по полученіи отъ Бога дарованной побѣдительной викторіи безъ замедленія поступать», чтобы «непріятелю не дать время ободриться», но усталость войскъ, бывшихъ съ ранняго утра цѣлый день въ дѣйствіи, темнота, наступившая скоро послѣ окончанія боя, помѣшали Миниху преслѣдовать, хотя бы конницей, разбитаго врага.

Ближайшимъ слѣдствіемъ Ставучанской битвы была сдача 19-го августа Миниху безъ боя Хотина.

За взятіемъ Хотина вскорѣ послѣдовало занятіе Яссъ, затѣмъ полное подчиненіе Молдавіи, которая 5-го сентября 1739 г. присягнула на подданство Россіи. Мечты Миниха, казалось, близки были къ полному осуществленію, но пораженіе Австріи, въ связи съ ея двусмысленнымъ поведеніемъ по отношенію къ Россіи, привели къ тому, что полученные результаты далеко не соотвѣтствовали ни принесеннымъ жертвамъ, ни военнымъ успѣхамъ арміи. Однако очевидно, что такая безрезультатность не можетъ умалить ни заслугъ и славы арміи и ея главнокомандующаго, ни того значенія, какое она безусловно имѣла въ дѣлѣ нашей послѣдующей борьбы съ Турціей какъ съ точки зрѣнія политической, такъ и исключительно военной.

Характерной особенностью стратегіи Миниха является наступленіе съ постояннымъ исканіемъ боя; особенностью же тактики является постепенная выработка боевого порядка и дѣйствій противъ турокъ. При этомъ, линейный боевой порядокъ постепенно переходитъ въ боевой порядокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ каре, взаимно поддерживающихъ огнемъ одно другое, а прежняя пассивная оборона, пріобрѣтая мало-по-малу активный характеръ, переходитъ въ бой, чисто наступательный.

Эпоха Миниха не разрываетъ съ Петровской эпохой, она не является эпохой поворота отъ данныхъ Петромъ національныхъ началъ въ военномъ дѣлѣ къ основамъ, выработаннымъ на Западѣ.

Напротивъ, необходимо признать, что военная дѣятельность Миниха не только не шла въ разрѣзъ съ идеями Петра, но что

Аллегорическое изображение семилѣтней войны.

(Взято изъ собраній Л.-Гв. Гренадерскаго полка).

она сохранила для будущаго Петровскія начала, которыя и выказались въ первыхъ же значительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ слѣдующей эпохи на поляхъ Егерсдорфа, Цорндорфа и Куннерсдорфа. Если же заглянуть еще дальше и обратиться къ нашимъ первымъ, послѣ Миниха, операціямъ противъ турокъ, бывшимъ въ эпоху Екатерины II, то не трудно будетъ видѣть слѣды эпохи Миниха въ блестящихъ дѣйствіяхъ Румянцева при Рябой Могилѣ, Ларгѣ, Кагулѣ и Суворова—при Туртукаѣ, Фокшанахъ, Рымникѣ, Измаилѣ и пр.

III. Организаціонно-административныя реформы въ царствованіе Императрицы Елизаветы.

Со вступленіемъ на Петровскій престолъ Елизаветы, Минихъ, стоявшій 10 лѣтъ безраздѣльно во главѣ арміи, долженъ былъ уступить свое мѣсто другому; сначала на его мѣсто выдвигается Ласси.

Въ серединѣ 50-хъ годовъ при Дворѣ возвышаются Шуваловы, среди которыхъ особенное значеніе вскорѣ возымѣлъ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, весьма умный, образованный и способный человѣкъ.

По его иниціативѣ, въ 1754 г. была образована Воинская Комиссія «для разсужденія по дѣламъ, касающимся до Военной Коллегіи, а также о всѣхъ нерегулярныхъ войскахъ».

Результатами ея дѣятельности 1754 г. было:

Въ пѣхотѣ сформированіе гренадерскихъ полковъ, при чемъ главнымъ мотивомъ такого возрожденія отдѣльныхъ гренадерскихъ полковъ послужило то, что въ иностранныхъ арміяхъ ихъ не было; затѣмъ былъ сформированъ такъ называемый Обсерваціонный корпусъ въ составѣ 1 грен. и 5 мушк. полковъ. Наконецъ, для увеличенія арміи всѣ пѣхотные полки изъ 2-баталіонныхъ были переформированы въ 3-баталіонные, при чемъ въ каждомъ полку было 12 мушкетерскихъ и 2 гренадерскія роты.

Исключеніемъ являлись полки Обсерваціоннаго корпуса, которые были 4-баталіонные, въ составѣ 12 мушкетерскихъ и 4 гренадерскихъ ротъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ походъ всѣ полки выступали въ 2-баталіонномъ составѣ.

Въ конницѣ было нѣсколько уменьшено число полковъ. Это было сдѣлано для того, чтобы полученную такимъ образомъ экономію употребить на оставшіеся полки и тѣмъ улучшить ихъ содержаніе. Наряду съ этимъ, въ драгунскихъ полкахъ вновь появились гренадерскія роты.

Образованіе въ драгунскихъ полкахъ гренадерскихъ ротъ преслѣдовало цѣль усилить оборонительныя и наступательныя средства этихъ полковъ при дѣйствіи ихъ въ спѣшенномъ строю.

Но организацію конницы не успѣли провести до Семилѣтней войны, а потому конница въ походъ вступила разстроенной.

Количество полковой артиллеріи было уменьшено, такимъ образомъ, что на каждый баталіонъ пѣхоты и на каждый полкъ

конницы приходилось теперь по одной пушкѣ. Боевыя дѣйствія въ Семилѣтнюю войну показали, что такого количества артиллеріи недостаточно. Въ виду этого, а также вслѣдствіе непригодности Обсерваціоннаго корпуса онъ былъ обращенъ въ отдѣльный бомбардирскій корпусъ, въ составъ котораго было назначено 46 гаубицъ, составившихъ 19 парковъ по 2—3 орудія въ каждомъ.

Крупной реформой въ артиллеріи въ эту эпоху было появленіе новыхъ орудій. Въ 1756 г. появились новыя полковыя орудія—гаубицы, отличавшіяся большею подвижностью, что достигалось уменьшеніемъ вѣса и принятіемъ разборнаго лафета.

Въ 1757 г. было введено новое орудіе въ полевой артиллеріи—единорогъ, трехъ видовъ: 2-пудовой, пудовой и 1/2-пудовой (вдвое легче пушекъ; стрѣляли болѣе мѣтко и разрывнымъ снарядомъ).

Артиллерія, входившая въ составъ арміи, дѣлилась на бригады (примѣрно, по 20 орудій въ каждой); бригады, приданныя дивизіямъ и корпусамъ—на батареи. Все же, однако, указанныя бригады и батареи еще не представляли собой отдѣльныхъ строевыхъ частей въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова.

Въ 1757 г. была учреждена первая у насъ чисто строевая инженерная часть—инженерный полкъ, состоявшій изъ 2-хъ ротъ піонеръ, 2-хъ ротъ инженеровъ и 2-хъ мастеровыхъ ротъ.

Въ военное время инженерные офицеры назначались весьма часто для несенія службы генеральнаго штаба. Это являлось слѣдствіемъ того, что инженеры пользовались особымъ покровительствомъ графа П. И. Шувалова.

Общій составъ арміи къ началу Семилѣтней войны былъ слѣдующій: полевыхъ войскъ—около 185000 чел., гарнизонныхъ—около 75000 чел., ландмилиціи—около 28000 чел. и нерегулярныхъ тѣхъ же категорій, какъ и въ предшествующую эпоху—около 44000 чел.

Организація высшихъ тактическихъ соединеній была на прежнемъ основаніи, но дивизіи пріобрѣли еще большее значеніе территоріальныхъ округовъ; ихъ было всего пять: Московская, Петербургская, Лифляндская, Украинская и Новгородская. Въ составъ дивизіи входили всѣ войска, кромѣ расположенныхъ въ Оренбургѣ и въ Сибири.

Управленіе въ военное время получило совершенно новое направленіе: въ 1756 г. была образована Конференція, которая, по мысли ея создателей, должна была направлять и стратегическія операціи. Наши главнокомандующіе признавали такое положеніе вещей ненормальнымъ и всѣ съ Конференціей, въ составъ которой къ тому же входило много лицъ, не имѣющихъ понятія о военномъ дѣлѣ, были болѣе, чѣмъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, что еще болѣе ухудшало положеніе дѣлъ.

Квартирмейстерская часть въ эту эпоху приходитъ въ разстройство. Причиной этого является несоотвѣтствующее выдвиженіе инженерныхъ офицеровъ на эту службу и, во-2-хъ, сильное развитіе адъюнктуры, которая заполнялась обыкновенно родственниками и знакомыми и пріобрѣла несоотвѣтствующее ей вліяніе даже на ходъ военныхъ дѣйствій.

Комплектованіе офицерами производилось, какъ и раньше, но теперь было больше офицеровъ изъ Кадетскаго корпуса.

Вообще въ царствованіе Императрицы Елизаветы было обращено вниманіе на поднятіе образовательнаго уровня офицеровъ.

Въ этихъ видахъ, между прочимъ, совершенствуются артиллерійская и инженерныя школы, которыя соединяются въ одну.

Существенныхъ измѣненій въ обмундированіи и въ вооруженіи въ царствованіе Императрицы Елизаветы не послѣдовало. Слѣдуетъ только отмѣтить, что боевой комплектъ патроновъ для каждаго нижняго чина былъ увеличенъ до 100 штукъ.

Довольствіе въ военное время измѣнилось съ измѣненіемъ условій, въ которыхъ приходилось вести военныя дѣйствія, и основывалось на организованномъ подвозѣ съ хорошо оборудованныхъ базъ и на эксплоатаціи мѣстныхъ средствъ.

Въ связи съ этимъ количество обозовъ уменьшилось.

Строевая и полевая подготовка арміи.

До 1755 г. единственнымъ руководствомъ для подготовки войскъ въ строевой и полевой службѣ былъ Уставъ 1716 г. Это зависѣло отъ двухъ причинъ: 1) другого не было, и 2) этого требовало направленіе, которое создалось въ зависимости отъ повелѣнія Государыни: «Экзерциціи и барабанному бою быть, какъ при Петрѣ». Воинская Комиссія 1754 г. создала новые уставы.

Пѣхотный Уставъ 1754 г. съ внѣшней стороны имѣлъ три главныя особенности: во-1-хъ, въ немъ не заключалось положеній о полевой и гарнизонной службѣ. Послѣдствіемъ этого былъ произволъ въ несеніи этихъ отраслей службы, умаленіе ихъ значенія и упадокъ, что крайне тяжело отражалось на войскахъ въ военное время. Во-2-хъ, одиночное обученіе въ Уставѣ не было отдѣлено отъ совокупнаго, что влекло за собой потерю значенія одиночной подготовки, а, значитъ, и ея пониженіе. Въ-3-хъ, Уставъ 1754 г. давалъ массу формъ и видовъ строя, сложныя правила для ихъ построенія, массу мелочей, не поддающихся разучиванію, — вообще духъ Устава противорѣчилъ высказанной въ немъ же истинѣ, что «всякій тотъ способъ (построенія и стрѣльбы), которымъ непріятеля побѣдить можно, за наилучшій почитается». Причиной такого противорѣчія является недовѣріе вдохновителей и составителей Устава къ тѣмъ, кто долженъ былъ его примѣнять.

Основнымъ строемъ пѣхоты, по Уставу, являлся строй развернутый, 4-шереножный. Въ ружейные пріемы было введено «метаніе артикуловъ по флигельману», «прихлопываніе по сумѣ» и «пристукиваніе крѣпко» по ружью. Кромѣ того, ружейные пріемы были крайне сложны; напр., заряжаніе производилось въ 12 темповъ, составлявшихся изъ 17 пріемовъ.

Въ перестроеніе развернутаго строя была введена новость—колонны:

1) ротная—для отбитія атаки кавалеріи, въ сущности ротныя каре,

2) взводная—для походныхъ движеній,

3) баталіонныя колонны для прорыва тонкихъ линій непріятеля.

Эти колонны не строились изъ частей, бóльшихъ баталіона; если же это нужно было, то баталіонъ становился за баталіономъ на 12 шаговъ дистанціи.

4) Кромѣ того, Уставъ предусматривалъ четыре каре: одно—баталіонное и три полковыхъ. Такія каре разнились между собой формою. Правила построенія каре были крайне сложны и мелочны. Стрѣльбы одиночной, попрежнему, нѣтъ.

Въ общемъ, всѣ виды строевъ, всѣ правила стрѣльбы указываютъ на увлеченіе стрѣльбою и на малое уваженіе къ штыку.

Такимъ образомъ пѣхотный Уставъ 1755 г. уклонился отъ идей Петра. Онъ является поворотнымъ пунктомъ въ сторону западныхъ увлеченій отъ нашихъ самобытныхъ Петровскихъ началъ.

Конница 1755 г. также получила новый Уставъ. Говоря объ этомъ Уставѣ, прежде всего нельзя не сказать, что онъ правильно опредѣляетъ главныя боевыя свойства конницы: быстроту и силу удара холоднымъ оружіемъ; отсюда вытекали и требованія Устава—обученіе совершенной верховой ѣздѣ и владѣнію холоднымъ оружіемъ. Требованія относительно верховой ѣзды были весьма разумны: крѣпко сидѣть и искусно управлять лошадью, а средствомъ для этого рекомендовались полевыя поѣздки; для обученія дѣйствію холоднымъ оружіемъ Уставъ указывалъ на рубку чучелъ.

Въ общемъ, Уставъ конницы 1755 г. дѣлаетъ громадный шагъ впередъ по сравненію съ Уставомъ 1733 г., и въ этомъ отношеніи болѣе отвѣчаетъ идеямъ Петра.

Измѣненія въ матеріальной части артиллеріи, ея составѣ и организаціи, а что самое главное—измѣненія въ условіяхъ веденія боя—дѣлали Уставъ артиллеріи 1730 г. несоотвѣтствующимъ. Требовался новый, но его разработать не успѣли, а потому появилось какъ бы дополненіе къ старому—«Наставленіе для дѣйствія артиллеріи въ бою». Это «Наставленіе» было издано въ 1759 г., и такимъ образомъ при его составленіи использованъ опытъ кампаніи 1757 и 1758 г. г.

Основныя положенія «Наставленія» слѣдующія:

а) Подавляющее количество артиллеріи должно назначаться въ боевую часть и небольшое число орудій—въ резервъ.

б) Дистанція для стрѣльбы: для орудія большого калибра—съ 750 саж.; малаго калибра и полковыя пушки—съ 400 саж.

По приближеніи противника на 250 саж., орудія большого калибра переходили на картечный огонь; по мѣрѣ дальнѣйшаго приближенія противника и другія орудія переходили постепенно на этотъ огонь (полковыя пушки съ 70 саж.).

Орудія второй линіи располагались между линіями и стрѣляли или черезъ головы, чтобы своихъ не повредить и обстрѣливать противника, или вдоль линіи противъ непріятеля, ворвавшагося между линіями съ фланговъ.

Устава полевой службы не было, а потому она неслась лишь по традиціямъ; значенія ей не придавали, а потому, очевидно, выполнялась она неудовлетворительно.

Въ частности, походныя движенія въ началѣ Семилѣтней войны производились въ боевомъ порядкѣ и лишь впослѣдствіи—отдѣльными колоннами, между которыми поддерживалась тѣсная связь. Впереди походнаго порядка шла легкая конница, потомъ—сильный общій авангардъ и, независимо, его передъ каждой колонной частные авангарды. Неподвижное сторожевое охраненіе дополняется подвижнымъ посредствомъ легкой конницы. Вдали отъ непріятеля сторожевую службу несла исключительно конница.

Развѣдку требовалось выдвигать возможно дальше впередъ. Важнѣйшей задачей развѣдки являлся сборъ вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ; отсюда вытекали и способы дѣйствія, а именно: «отнюдь не скоро ретироваться».

Располагались на мѣстѣ войска преимущественно бивакомъ; при расположеніи на квартирахъ требовалось обезпечиваніе ихъ естественными преградами и принятіе мѣръ для быстраго сбора.

Боевой порядокъ—въ три линіи, при чемъ третья—резервъ; между 1-й и 2-й линіями тоже ставились небольшіе резервы.

Дистанція между линіями, въ зависимости отъ мѣстности, была установлена въ 300—500 шаговъ.

Полки строились въ боевомъ порядкѣ на назначенномъ имъ мѣстѣ въ развернутомъ строю.

Полковая артиллерія располагалась впереди своихъ полковъ; полевая—впереди фронта и на флангахъ, при чемъ окончательно мѣста выбираютъ для нея бригадные генералы пѣхотныхъ дивизій.

Конница въ боевомъ порядкѣ ставилась на флангахъ и между линіями. Иногда конница образовывала сильный маневренный уступъ за флангомъ для парированія обхода.

Войска въ боевомъ порядкѣ располагались не равномѣрно, а въ зависимости отъ значенія различныхъ участковъ и вѣроят-

ныхъ дѣйствій противника; всѣ примѣнялись къ мѣстности. Боевой порядокъ допускалъ возможность оказать поддержку не атакованными войсками, а это обстоятельство и резервы устраняли недостатокъ гибкости и невозможность взаимной выручки въ линейномъ боевомъ порядкѣ.

Въ общемъ, въ эпоху Императрицы Елизаветы мы въ вопросахъ военнаго дѣла ничего не потеряли, но зато и мало пріобрѣли. Такимъ образомъ, дѣйствія въ Семилѣтнюю войну—это результаты подготовки въ предшествовавшую эпоху.

IV. Участіе русскихъ войскъ въ Семилѣтней войнѣ.

а) Причины войны и событія до 1759 г.

Стремленіе Фридриха II покончить съ тяжелымъ политическимъ положеніемъ своего молодого королевства, обусловленнымъ, съ одной стороны, черезполосностью и беззащитностью его, а съ другой стороны—бѣдностью государства въ экономическомъ отношеніи, привело Фридриха къ такъ называемой Силезской войнѣ съ Австріей (1740—48 гг.), въ результатѣ которой Пруссія пріобрѣла Силезію и графство Глацъ. Такое положеніе вещей противорѣчило интересамъ Россіи.

Вслѣдствіе этого рѣшено было «сократить силы скоропостижнаго короля Прусскаго», и для этого былъ заключенъ союзный договоръ съ Австріей, по которому Россія и Австрія взаимно обязывались вести наступательную войну противъ Фридриха II (каждая изъ сторонъ обязывалась выставить 80000 т. человѣкъ). Цѣлью войны ставилось: возвращеніе Австріи Силезіи и Глаца и присоединеніе къ Россіи Королевской Пруссіи съ правомъ обмѣнять ее Польшѣ на Курляндію и Семигалію и съ исправленіемъ западной границы.

Главнокомандующимъ нашей арміи, назначенной для дѣйствій противъ Пруссіи въ 1756 г., былъ назначенъ Апраксинъ, которому 5-го октября была дана инструкція, обязывавшая его двинуться къ Прусскимъ границамъ.

Пререканія Апраксина съ Конференціей по поводу данной ему инструкціи и навязываемыхъ ему плановъ кампаніи, а также значительныя затрудненія, которыя встрѣтилъ Апраксинъ при приведеніи его арміи въ полную готовность для заграничнаго далекаго похода, привели къ тому, что русская армія только весной 1757 г. могла открыть кампанію.

Армія Апраксина, силой около 90—100000 человѣкъ, имѣла главной цѣлью «наступать всѣми колоннами въ Пруссію и прочныя начать операціи, имѣя главнымъ предметомъ г. Кенигсбергъ».

Только въ началѣ мая главныя силы русской арміи начали сосредоточиваться въ Ковнѣ, а отдѣльный корпусъ Фермора двинулся противъ Мемеля (связь съ флотомъ).

25-го іюня Мемель былъ взятъ, послѣ чего русская армія двумя группами (отъ Мемеля и отъ Ковны) направилась къ Кенигсбергу.

Оборона Восточной Пруссіи Фридрихомъ была поручена Левальду съ 30000 человѣкъ.

Операціи обѣихъ сторонъ въ 1757 г. въ результатѣ привели 19-го августа къ случайному для насъ сраженію у Гроссъ-Егерсдорфа.

Несмотря на то, что это сраженіе было для насъ случайнымъ, пруссаки потерпѣли здѣсь полное пораженіе и принуждены были отступить.

Однако, неудовлетворительная организація доставки продовольствія и вообще неустройство тыла въ предѣлахъ восточной Пруссіи и усилившаяся болѣзненность заставили Апраксина, по единогласному рѣшенію военнаго совѣта, собраннаго имъ 27-го августа, сначала отступить къ Тильзиту, а затѣмъ и отойти къ Мемелю, откуда разойтись на зимнія квартиры въ Курляндіи и въ Литвѣ.

Еще во время движенія арміи отъ Тильзита къ Мемелю въ октябрѣ 1757 г. фельдмаршалъ Апраксинъ былъ отрѣшенъ отъ должности, преданъ суду за неудачный исходъ кампаніи 1757 г. и замѣненъ граф. Ферморомъ.

31-го декабря 1757 г. русскія войска начали наступленіе, и уже 11-го января Ферморъ занялъ безъ боя Кенигсбергъ, а затѣмъ—всю Восточную Пруссію, которая была обращена въ русское генералъ-губернаторство во главѣ съ Ферморомъ.

1-го іюля армія выступила изъ Познани по направленію къ Франкфурту и 4-го августа русскія войска подошли къ Кюстрину и въ этотъ же день приступили къ бомбардированію крѣпости.

Фридрихъ Великій, видя опасность въ сосредоточеніи на нижней Вартѣ, въ 100 верстахъ отъ Берлина, русской арміи, рѣшилъ дѣйствовать противъ нея энергично.

10-го августа Фридрихъ соединился подъ Кюстринымъ съ отрядомъ графа Дона и 14-го августа атаковалъ русскихъ подъ Цорндорфомъ. Въ результатѣ этого сраженія—обѣ арміи разбились другъ о друга: Фридриху не удалось нанести сколько-нибудь рѣшительнаго пораженія русской арміи, которая сохранила за собой поле сраженія. Правда, къ концу боя русская армія была отрѣзана отъ своего пути отступленія, но Фридрихъ, за истощеніемъ своихъ войскъ, не могъ воспользоваться этимъ.

Въ сентябрѣ рѣшено было перенести дѣйствія въ Померанію.

Здѣсь Ферморъ въ концѣ октября получилъ приказаніе Конференціи кончить кампанію и отойти на зимнія квартиры на правый берегъ Вислы, что и было исполнено къ 15-му ноября.

Такимъ образомъ, лѣтняя кампанія 1758 г. была для Россіи совершенно безрезультатна. Тѣмъ не менѣе, Восточная Пруссія попрежнему оставалась въ нашихъ рукахъ, и русская армія

занимала очень выгодное стратегическое положеніе, позволявшее развивать энергичныя дѣйствія противъ Пруссіи.

Къ сожалѣнію, вліяніе австрійской дипломатіи, проявлявшееся отчасти и раньше, стало все больше и больше тяготѣть надъ стратегическими операціями русской арміи, направляя ихъ исключительно только къ выгодѣ Австріи и совершенно не считаясь съ интересами Россіи вообще и русской арміи въ частности.

Ближайшимъ же слѣдствіемъ этого явилась крайняя зависимость русскихъ отъ австрійскихъ дипломатовъ и главнокомандующихъ.

б) Кампанія 1759 г.

I. Дѣйствія до Куннерсдорфскаго сраженія.

Къ началу 1759 г. общее положеніе на театрѣ войны было слѣдующее: союзныя арміи располагались: 125000 французовъ—на Рейнѣ и Майнѣ, 45000 имперцевъ—во Франконіи, 155000 австрійцевъ—вдоль границы Богеміи, 16000 шведовъ—у Стральзунда и 50000 русскихъ—на нижней Вислѣ.

У Фридриха вмѣстѣ съ гарнизонами крѣпостей было около 220000, изъ которыхъ только 23000 графа Дона—на сѣверо-восточномъ фронтѣ противъ русскихъ. Самъ Фридрихъ былъ въ Силезіи.

Такое положеніе вещей, въ связи съ истощеніемъ матеріальныхъ средствъ въ Пруссіи, вынуждало Фридриха въ 1759 г. отказаться отъ рѣшительныхъ операцій и прибѣгнуть къ маневрамъ и другимъ вспомогательнымъ средствамъ и способамъ для продолженія борьбы.

Отсутствіе единства и общности интересовъ у союзниковъ препятствовало и имъ дѣйствовать энергично.

Русская армія, оставивъ на нижней Вислѣ 10000 чел., должна была двинуться отъ Познани къ Одеру и здѣсь гдѣ-нибудь между Франкфуртомъ и Бреславлемъ соединиться съ австрійской арміей. Дальнѣйшія дѣйствія планомъ кампаніи не намѣчались, и планъ только указывалъ, что они должны будутъ вестись въ зависимости отъ обстановки; гдѣ именно должно произойти соединеніе союзныхъ армій, какая основная идея дальнѣйшихъ, послѣ соединенія армій, операцій,—все это не было сообщено русскому главнокомандующему.

Въ сущности говоря, русская дѣйствующая армія предоставлялась въ распоряженіе Австріи, хотя ея главнокомандующій не подчинялся австрійскому главнокомандующему.

При такихъ условіяхъ положеніе главнокомандующаго русской арміи нельзя не признать въ высшей степени тяжелымъ: съ одной стороны, онъ долженъ былъ вести операціи, попирая

Сраженіе при Цорндорфѣ

(Взято изъ собраній Л.-Гв. Гренадерскаго полка)

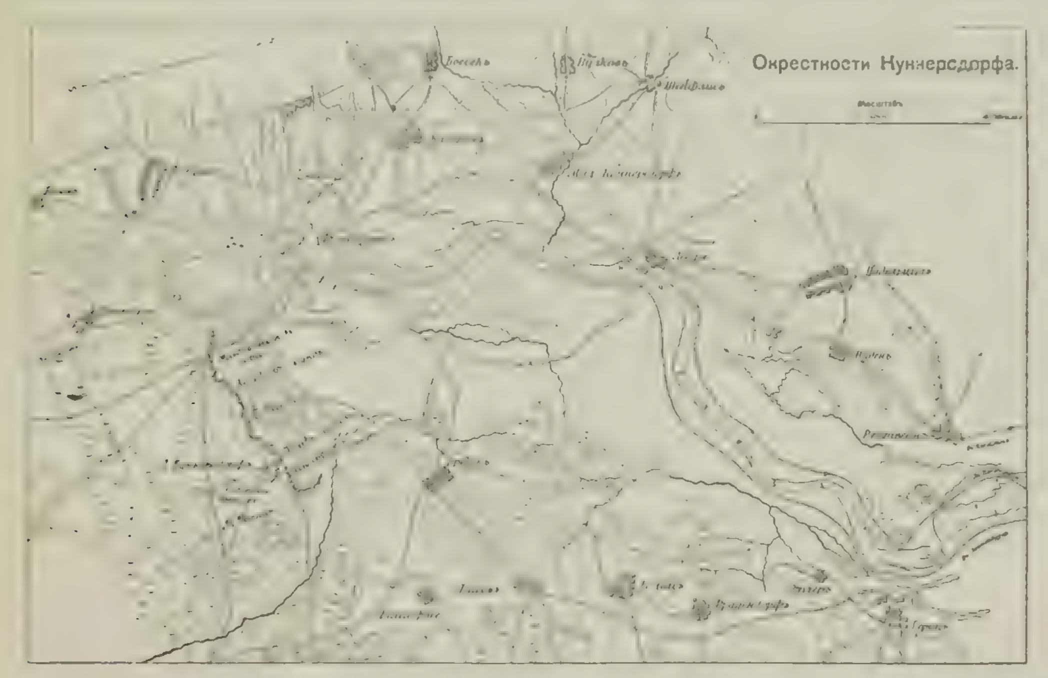
основныя требованія военнаго дѣла, а съ другой стороны—вести ихъ вопреки интересамъ Россіи.

Положеніе Фридриха въ Силезіи давало ему всѣ выгоды помѣшать соединенію русскихъ съ австрійцами и разбить ихъ по частямъ; союзникамъ необходимо было при помощи маневрированія избѣгнуть отдѣльнаго пораженія.

Въ маѣ 1759 г. Ферморъ съ 60000 ч. нѣсколькими колоннами двинулся отъ нижней Вислы къ средней Вартѣ. Далеко впереди арміи двигалась конница, составлявшая непроницаемую завѣсу.

Въ серединѣ іюня войска наши сосредоточились въ Познани.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ были крайне недовольны нераспорядительностью Фермора по снабженію арміи нѣкото-

рыми предметами довольствія, и въ маѣ послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ графа Петра Семеновича Салтыкова.

19-го іюня Салтыковъ прибылъ въ Познань и здѣсь принялъ отъ Фермора армію, которая считала въ своихъ рядахъ не болѣе 40000 человѣкъ. Графъ Ферморъ остался при арміи въ качествѣ начальника дивизіи. Въ Познани графъ Салтыковъ условился съ австрійскимъ главнокомандующимъ Дауномъ соединиться съ нимъ 7-го—8-го іюля или у Кроссена, или у Королата.

Ко времени прибытія къ русской арміи новаго главнокомандующаго пруссаки, подъ начальствомъ графа Дона, перешли въ наступленіе отъ Ландсберга. Тогда 27-го іюня Салтыковъ переходитъ въ наступленіе противъ пруссаковъ, направивъ объединенную въ рукахъ молодого генерала графа Тотлебена нерегулярную конницу на сообщенія пруссаковъ.

Но Дона рѣшительно уклонился отъ боя. Наша армія двинулась за отступившимъ непріятелемъ, и 9-го іюля Салтыковъ достигъ Гольцына. Узнавъ о движеніи Салтыкова, Дона быстро перешелъ къ Цюлихау, который успѣлъ захватить 10-го іюля раньше прибытія туда русскихъ, и такимъ образомъ занялъ разобщающее положеніе относительно союзниковъ.

При такихъ условіяхъ Салтыкову приходилось или атаковать пруссаковъ на позиціи у Цюлихау, или двинуться мимо Цюлихау на Пальцигъ къ Кроссену. Зная, что позиція у Цюлихау очень сильна, и имѣя свѣдѣнія, что у Веделя, смѣнившаго Дона и получившаго инструкцію во что бы то ни стало мѣшать соединенію русскихъ съ австрійцами, имѣется около 60000 человѣкъ, Салтыковъ рѣшилъ двинуться мимо Цюлихау на Пальцигъ къ Кроссену.

Къ 12-ти часамъ дня 12-го іюля Салтыковъ занялъ Пальцигъ и въ этотъ день на позиціи впереди его Ведель атаковалъ русскую армію, но неудачно—корпусъ Веделя, послѣ упорнаго боя въ теченіе цѣлаго дня, былъ разсѣянъ.

Послѣ Пальцигскаго боя Салтыковъ, простоявъ нѣсколько дней на полѣ сраженія, 17-го іюля передвинулся къ Кроссену.

Прибывъ въ Кроссенъ, Салтыковъ не нашелъ здѣсь австрійцевъ, и такъ какъ планъ кампаніи, составленный Конференціей совмѣстно съ дипломатами Вѣнскаго двора, доводилъ нашу армію только до р. Одера, то Салтыкову теперь приходилось самостоятельно, на собственную отвѣтственность, рѣшать вопросъ о томъ, что дѣлать дальше.

Убѣдившись въ полной пассивности Дауна и видя, что путь къ Берлину открытъ, русскій главнокомандующій рѣшился возможно скорѣе захватить Франкфуртъ и угрожать Берлину.

20-го іюля нашъ авангардъ, подъ начальствомъ Вильбуа, занялъ Франкфуртъ. На слѣдующій день, 21-го іюля, прибылъ сюда Лаудонъ съ корпусомъ въ 20000 человѣкъ при 48 орудіяхъ. 22-го же іюля къ Франкфурту прибылъ Салтыковъ со всѣми русскими силами.

Прибывъ во Франкфуртъ, Салтыковъ подчиняетъ себѣ Лаудона и такимъ образомъ сосредоточиваетъ подъ своимъ начальствомъ около 55000 человѣкъ, изъ которыхъ 35000 русскихъ.

Угрожающее положеніе относительно Берлина, занятое Салтыковымъ, вызвало у Фридриха серьезное опасеніе за его столицу и вынудило его принять рѣшительныя мѣры для ея спасенія. Въ виду этого Фридрихъ съ арміей въ 38000 человѣкъ форсированнымъ маршемъ направился къ Мильрозену съ цѣлью, переправившись черезъ р. Одеръ выше Франкфурта, атаковать Салтыкова. Даунъ, попрежнему, дѣйствуетъ весьма вяло, не торопится соединиться съ русскими и предъявляетъ Салтыкову настойчивое требованіе, чтобы вся русская армія присоединилась къ

нему, для чего Салтыкову отступить къ Кроссену, какъ къ пункту, уже раньше намѣченному для соединенія.

Весьма неохотно Салтыковъ согласился на предложеніе Дауна и рѣшилъ 31-го іюля начать обратное движеніе отъ Куннерсдорфа къ Кроссену. Между тѣмъ уже 30-го іюля наши разъѣзды обнаружили начало переправы Фридриха на правый берегъ р. Одера у Герица.

Не признавая русскую армію способной къ наступательному бою противъ Фридриха, Салтыковъ рѣшился принять бой на позиціи, образуемой высотами между Франкфуртомъ и Куннерсдорфомъ.

2. Куннерсдорфское сраженіе.

Высоты, образующія Куннерсдорфскую позицію, представляли собою отдѣльный хребетъ, отъ предмѣстья Франкфурта до д. Куннерсдорфа. Скаты къ Одеру очень круты; съ противоположной стороны къ склонамъ хребта прилегаютъ холмы, перерѣзанные оврагами. Самый хребетъ также перерѣзывается оврагами съ крутыми берегами, отдѣлявшими три отдѣльныя возвышенности. Самая западная изъ нихъ—ближайшая къ Франкфурту, Жидовская гора—командовала всей мѣстностью и отдѣлялась Лаудоновымъ оврагомъ отъ средней, Б. Шпица; эта послѣдняя, въ свою очередь, отдѣлялась оврагомъ Кунгрундъ отъ самой восточной высоты, Мюльберга, имѣвшей наименьшую высоту и обстрѣливаемой даже съ впереди лежащихъ Третинскихъ высотъ. Оба оврага были крайне затруднительны для свободнаго движенія войскъ, въ особенности для артиллеріи и для атакъ конницы. Около деревни Куннерсдорфъ къ Кунгрунду подходитъ съ юга, отъ Франкфуртскаго лѣса, другой оврагъ, проходимый только въ нѣкоторыхъ пунктахъ между значительными прудами.

Между этимъ послѣднимъ оврагомъ и р. Гюнеръ, протекающей восточнѣе позиціи, мѣстность прерывается балкою Бекеръ, отдѣляющею, восточнѣе Мюльберга, отдѣльную высоту—Малый Шпицъ. Въ общемъ, Куннерсдорфская позиція имѣла слѣдующія особенности: фронтъ былъ доступенъ для атаки, но войска наступающаго разъединялись оврагами. Лѣвый флангъ на Мюльбергѣ былъ весьма слабъ по естественнымъ, указаннымъ выше, свойствамъ мѣстности и къ тому же оврагами отдѣлялся отъ войскъ праваго фланга. Путемъ отступленія могла служить только дорога, проходящая на Франкфуртъ по мостамъ, откуда можно было слѣдовать на соединеніе съ Дауномъ по лѣвому берегу Одера, а если бы непріятель завладѣлъ Жидовской горой, то русская армія попала бы въ критическое положеніе.

Такимъ образомъ, особое значеніе пріобрѣтала Жидовская гора; съ потерею ея русская армія лишалась всѣхъ средствъ для

дальнѣйшей борьбы. Переходъ въ руки непріятеля Мюльберга и даже Б. Шпица не могъ имѣть рѣшающаго вліянія на исходъ боя. Участь сраженія зависѣла отъ удержанія въ рукахъ союзниковъ Жидовской горы: полная же побѣда могла быть ими достигнута въ томъ лишь случаѣ, если бы они сумѣли воспользоваться высотами Мюльбергъ и Б. Шпицъ въ цѣляхъ заставить атакующаго потратить на ихъ атаку свои силы и разстроить себя до рѣшительнаго штурма Жидовской горы въ такой мѣрѣ, чтобы оставшіяся войска обороняющагося были въ силахъ не только удержать за собою Жидовскую гору, но, опираясь на нее, перейти въ рѣшительное наступленіе.

Одновременно съ занятіемъ позиціи графъ Салтыковъ, ожидая обхода короля съ юго-востока и вполнѣ правильно оцѣнивая мѣстныя условія на позиціи и относительное значеніе ея отдѣльныхъ частей, приказалъ немедленно приступить къ усиленнымъ работамъ по подготовкѣ позиціи въ инженерномъ отношеніи. При этомъ главное вниманіе главнокомандующаго было обращено на усиленіе окопами не лѣваго фланга (горы Мюльбергъ), ближайшаго къ непріятелю, а праваго и центра: Жидовской горы и Б. Шпица.

На Жидовской горѣ было возведено 5 батарей, изъ которыхъ наиболѣе сильная, по числу орудій, предназначалась для обстрѣливанія пространства южнѣе Куннерсдорфа, а остальныя

должны были обстрѣливать непріятеля фронтальнымъ и фланговымъ огнемъ при дебушированіи его изъ Франкфуртскаго лѣса.

На Б. Шпицѣ была насыпана другая, весьма сильная, батарея, которая, какъ и большая батарея на Жидовской горѣ, выдавалась на фронтѣ позиціи нѣсколько впередъ, что придавало линіямъ русскихъ укрѣпленій видъ бастіоннаго фронта правильной формы, причемъ батареи составляли какъ бы бастіоны, обстрѣливавшіе переходы черезъ пруды у Кунерсдорфа и развертываніе войскъ южнѣе ихъ, а окопы между ними—длинную куртину, изъ-за которой пѣхота съ удобствомъ могла обстрѣливать доступы къ Кунерсдорфскимъ высотамъ съ фронта.

На Мюльбергѣ были построены четыре, относительно слабыя, батареи, которыя предназначались для обстрѣливанія непріятеля, наступающаго со стороны Третинскихъ высотъ, расположенныхъ къ востоку отъ позиціи, и траншеи, прикрывавшія доступъ со стороны М. Шпица. Всѣ укрѣпленія соединялись между собой непрерывными окопами, но профиль ихъ не препятствовала дѣйствію поверхъ бруствера даже полковой артиллеріи.

Кромѣ двухъ мостовъ у Франкфурта (около предмѣстья) и одного моста, ведущаго къ Шетнову, гдѣ располагался вагенбургъ, были построены еще два—за Жидовской горой.

Къ разсвѣту 1-го августа русскія войска расположились на укрѣпленной позиціи у Кунерсдорфа въ слѣдующемъ порядкѣ.

Правый флангъ позиціи, на Жидовской горѣ, подъ начальствомъ генерала Фермора заняли 9 русскихъ полковъ. Центръ позиціи, между Лаудоновымъ оврагомъ и Кунгрундомъ, былъ занятъ 17 полками русской пѣхоты, подъ начальствомъ Вильбуа и графа Румянцева.

Лѣвый флангъ позиціи (гора Мюльбергъ) былъ занятъ только пятью полками Обсерваціоннаго корпуса, подъ начальствомъ князя Голицына. Редутъ и окопы, прикрывающіе мостъ впереди праваго фланга позиціи, были заняты тремя полками кроатъ.

Для прикрытія обоза (русскаго и австрійскаго), построеннаго двумя вагенбургами южнѣе Шетнова, были назначены два полка. Въ городѣ Франкфуртѣ оставлены только залоги, въ составѣ 5 офицеровъ и 260 нижнихъ чиновъ.

Шесть австрійскихъ полковъ расположились на Жидовской горѣ за русскими полками. Эти полки, вмѣстѣ со всей союзной конницей, въ числѣ 71 эскадрона, составляли какъ бы общій резервъ арміи.

Фридрихъ съ арміей въ 48000 чел., переправившись въ ночь на 31 іюля у Лебуса, направился къ Герицу, а оттуда двинулся къ Третину и Бишофзее, куда и прибылъ къ 2 час. дня 31-го іюля.

Въ $2^1/_2$ часа утра 1-го августа главныя силы Фридриха II, построенныя въ двѣ линіи, имѣя конницу Зейдлица впереди

1-й линіи, двинулись къ Бишофзее и далѣе—къ пунктамъ, назначеннымъ для переправы черезъ болотистую р. Гюнеръ.

Русская легкая конница тотчасъ замѣтила переходъ пруссаковъ въ наступленіе и, согласно приказанію графа Салтыкова, уничтоживъ мостъ между озерами южнѣе Куннерсдорфа, отступила за правый флангъ боевой линіи.

Въ исходѣ 9-го часа утра двѣ сильныя прусскія батареи открыли огонь съ Третинскихъ высотъ. Нѣсколько позднѣе непріятельская артиллерія выѣхала на позицію на М. Шпицѣ и около прудовъ, южнѣе Куннерсдорфа; въ этихъ же двухъ направленіяхъ показались маневрирующія прусскія войска. Русская артиллерія, съ своей стороны, тотчасъ же отвѣчала сильнымъ огнемъ, и въ 10 часовъ утра артиллерійская канонада была уже въ полномъ разгарѣ.

Зорко слѣдя за маневрами Фридриха, графъ Салтыковъ пришелъ къ заключенію, что король «въ одно время противъ нашего праваго и лѣваго крыла атаку начнетъ», и рѣшилъ заставить противника атаковать свой лѣвый флангъ и тѣмъ возможно дольше удерживать свой правый флангъ, дабы впослѣдствіи имѣть возможность, опираясь на него и сохраняя свободу дѣйствій, оперировать въ зависимости отъ хода боя и «предпріятій» противника. Для лучшаго выполненія этой задачи, кромѣ уничтоженія моста между озерами южнѣе Куннерсдорфа, Салтыковъ приказалъ зажечь эту деревню и тѣмъ уменьшить непріятелю удобство развертыванія силъ противъ центра и праваго фланга позиціи. Въ 12-мъ часу дня непріятель явно обнаружилъ направленіе своей атаки на Мюльбергъ. Несмотря на критическое положеніе Обсерваціоннаго корпуса, главнокомандующій не усилилъ свой лѣвый флангъ ни однимъ человѣкомъ, но зато имъ были приняты мѣры къ устройству возможно сильной обороны центра, Б. Шпица за Кунгрундомъ, на случай атаки со стороны Мюльберга. Для этого, еще до атаки послѣдняго, два полка и всѣ гренадерскія роты корпуса Лаудона были переведены на Б. Шпицъ и поставлены здѣсь въ частномъ резервѣ за центромъ первой линіи. Кромѣ того, Салтыковъ измѣнилъ группировку конницы: 1) 15 эскадроновъ русскихъ конно-гренадеръ и драгунъ стали у подошвы высотъ, около Кунгрунда; 2) 13 эскадроновъ кирасиръ, съ легкой конницей Тотлебена помѣстились за крайнимъ правымъ флангомъ; 3) 9 эскадроновъ кирасиръ съ Чугуевскими казаками поставлены въ Лаудоновомъ оврагѣ; 4) 2 гусарскихъ австрійскихъ полка продвинулись между 1-й и 2-й линіями на Жидовской горѣ, составивъ какъ бы частный резервъ 1-й линіи; 5) 2 полка австрійскихъ гусаръ поднялись на Б. Шпицъ, за 2-ю линію русской пѣхоты; 6) въ общемъ резервѣ у Ротефорверка оставались 3 гусарскихъ полка.

Въ 11½ часовъ дня прусская пѣхота и конница, сосредоточившись въ трехъ группахъ около М. Шпица, Бишофзее и Третина, начали спускаться съ высотъ и направились противъ фронта и лѣваго фланга войскъ князя Голицына.

Первый ударъ пруссаки направили на гренадерскій полкъ Обсерваціоннаго корпуса, атакуя его сначала съ фланга, а затѣмъ съ фронта войсками, успѣвшими подойти со стороны Третина. Шуваловскіе гренадеры не выдержали стремительнаго натиска многочисленнаго противника и въ полномъ безпорядкѣ бросились съ Мюльберга къ болотистому берегу Одера, увлекая за собою и прочіе полки Обсерваціоннаго корпуса, которые, перемѣнивъ фронтъ и образовавъ двѣ линіи, могли задержать непріятеля лишь на самое короткое время.

Съ занятіемъ Мюльберга королемъ были достигнуты немаловажные результаты: силы обѣихъ армій почти уравновѣшивались — Русская армія сразу уменьшилась въ своемъ составѣ на 15 баталіоновъ и 42 орудія; нравственный духъ прусскихъ войскъ отъ этого перваго блестящаго успѣха подымался; послѣ занятія Мюльберга, Фридрихъ II получилъ возможность продольнымъ огнемъ обстрѣливать русскую армію именно въ то время, когда послѣдней, столь мало способной къ маневрированію, предстояло подъ выстрѣлами, по частямъ, перемѣнять фронтъ налѣво; когда ей приходилось подъ тѣмъ же огнемъ массировать войска на тѣсной площади Б. Шпица, вслѣдствіе чего ни одинъ выстрѣлъ противника не пропадалъ даромъ; наконецъ, присутствіе прусской конницы и батарей на М. Шпицѣ обязывало русскихъ беречь и свой фронтъ, т.-е. готовиться къ бою на два фронта. Къ счастью, тѣснота на Мюльбергѣ не дала возможности прусскимъ батареямъ развернуться на этой горѣ въ значительномъ числѣ, но тѣмъ не менѣе огонь ставшей тамъ артиллеріи былъ такъ дѣйствителенъ, что на Б. Шпицѣ «... мѣста почти не было, гдѣ бы пушки его (непріятеля) не вредили, отчего многіе у насъ ящики подорваны и у пушекъ лафеты повреждены».

Успѣшная атака Фридриха II на Мюльбергъ убѣдила графа Салтыкова въ томъ, что непріятель «до самаго нашего праваго крыла и до рѣки Одера пробиваться будетъ», а потому онъ нашелъ нужнымъ «употребить сильные противъ него способы».

Главнокомандующій приказалъ ген. Панину перемѣнить фронтъ налѣво крайними полками обѣихъ линій и усилилъ ихъ гренадерскими ротами корпуса Лаудона. Общее начальство надъ этими войсками было поручено генералу Брюсу, которому приказано поддержать князя Голицына. Узкій хребетъ не позволялъ вытянуть въ одну линію болѣе двухъ полковъ, а потому слѣдующіе полки 2-й линіи получили приказаніе образовать новыя линіи позади Брюса. Такимъ образомъ образовалось шесть линій, выстроившихся поперекъ бывшаго фронта позиціи.

Генералъ Брюсъ не только двинулся на поддержку Голицына, но и произвелъ контръ-атаку, однако безуспѣшно: Мюльбергъ обратно не былъ взятъ; тѣмъ не менѣе, дальнѣйшее наступленіе Фридриха II было задержано.

Эта задержка имѣла чрезвычайно важное значеніе для дальнѣйшаго хода боя, такъ какъ съ потерею сильной батареи на Б. Шпицѣ, защищаемой графомъ Румянцевымъ, едва ли русскіе могли бы держаться на центральномъ участкѣ своей позиціи.

Сосредоточеніе остатковъ корпуса Голицына у западнаго подножья Мюльберга, сосредоточеніе тамъ же русскихъ конно-гренадеръ указали пруссакамъ, что болота Одера не такъ непроходимы, какъ предполагали. Вслѣдствіе этого прусскія войска, бывшія у Третина, рѣшили атаковать въ тылъ участокъ нашей позиціи, гдѣ первоначально располагалась 2-я линія войскъ, занимавшихъ Б. Шпицъ.

Одновременно съ атакой со стороны Третина Фридрихъ II рѣшилъ форсировать переходъ черезъ Кунгрундъ. Для этого имъ выдвинута была на край оврага сильная батарея для фронтальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ продольнаго обстрѣливанія Б. Шпица; пѣхота же была выстроена на Мюльбергѣ линія за линіею, такъ что «толстотѣ ея и густотѣ конца видѣть нельзя было». Наконецъ, особая колонна готовилась къ атакѣ со стороны Куннерсдорфа. Въ это же время конница Зейдлица приготавливалась атаковать центръ нашего расположенія со стороны прудовъ, лежащихъ южнѣе Куннерсдорфа.

Сначала непріятельская батарея выѣхала на одну очень удобную высоту на правомъ берегу р. Гюнеръ и открыла огонь по нестройной толпѣ шуваловцевъ, которая быстро стала отходить къ Ротефорверку. Тогда войска обходной колонны перешли р. Гюнеръ, благополучно прошли по лежащему на ихъ пути болотистому участку, подошли къ Кунгрунду и бросились на высоты въ двухъ направленіяхъ: пѣхота—правѣе, а конница—лѣвѣе, ближе къ оврагу. Правая прусская атака встрѣтила блестящій отпоръ, участіе въ которомъ приняли 5 полковъ пѣхоты (три изъ второй линіи центра и два прибыли съ Жидовской горы), шуваловскія гаубицы и австрійская артиллерія. Общими усиліями этихъ войскъ правая колонна пруссаковъ (пѣхота), осыпаемая градомъ ружейныхъ пуль, а также картечью съ фронта и фланга, съ громадными потерями, въ полномъ безпорядкѣ, безповоротно отброшена назадъ.

Лѣвая атака пруссаковъ у Кунгрунда, т.-е. атака конницы принца Вюртембергскаго, сперва была успѣшна. Неудержимо бросились прусскіе латники на флангъ ближайшаго къ нимъ пѣхотнаго полка, сбили его и затѣмъ вынеслись на площадь Б. Шпица; вмѣстѣ съ ними, съ фронта, черезъ оврагъ Кунгрундъ бросились и войска, находившіяся на Мюльбергѣ, а со стороны

Ген.-фельдмаршалъ гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

Кунерсдорфа показались войска атакующаго. Въ эту критическую для союзниковъ минуту графъ Румянцевъ и Лаудонъ схватываютъ бывшіе у нихъ подъ рукой три слабыхъ полка конницы, бросаются съ ними на прусскихъ кирасиръ и опрокидываютъ послѣднихъ съ высотъ.

Атака короля на Кунгрундъ съ фронта сначала также была удачна: его войска успѣли уже взобраться на Б. Шпицъ, но не могли продвинуться даже до мѣста, занятаго полкомъ, составлявшимъ крайнее прикрытіе слѣва укрѣпленія этой горы, переходъ котораго въ руки непріятеля такъ рѣшительно повліялъ бы на ходъ сраженія. Наши гаубицы успѣли занять выгодную позицію и съ большимъ успѣхомъ разстрѣливали густыя массы прусскихъ войскъ на Мюльбергѣ, а 3 полка, пришедшіе съ Жидовской горы, задержали наступленіе противника.

Такимъ образомъ маневры короля не дали благопріятныхъ результатовъ, и Фридрихъ принужденъ вести простой фронтальный бой, сбивать шагъ за шагомъ русскія войска, прибывавшія все въ большихъ и большихъ силахъ съ Жидовской горы.

При этихъ условіяхъ весьма понятно, что атака конницы Зейдлица во флангъ массы русской пѣхоты, столпившейся на Б. Шпицѣ, была единственнымъ средствомъ въ рукахъ короля для одержанія побѣды. Но теперь, когда удержаніе укрѣпленій Б. Шпица было обезпечено, атака эта для Салтыкова не была опасна, и онъ въ правѣ былъ сказать, что теперь «можно уже было баталію почитать одержанною».

Зейдлицъ отлично понималъ создавшееся положеніе дѣлъ и долго не рѣшался атаковать; лишь уступая настойчивымъ требованіямъ короля, онъ двинулъ свою конницу.

Поле для атаки прусской конницы западнѣе прудовъ у Кунерсдорфа было вполнѣ удобно: переходъ черезъ пруды, развертываніе и разбѣгъ хотя и были подъ артиллерійскимъ огнемъ, но при тогдашней дѣйствительности послѣдняго это была относительно легко разрѣшимая задача для образцовой кавалеріи. Ей оставалось только довершить сильный ударъ на окопы, занятые неразстроенною пѣхотою, подъ личнымъ начальствомъ Румянцева, что и являлось труднѣйшей задачей.

Зейдлицъ перевелъ всю свою конницу черезъ пруды восточнѣе Кунерсдорфа, развернулъ ее на глазахъ у русскихъ и затѣмъ бросился на окопы Б. Шпица. Атака Зейдлица «подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ съ нашихъ батарей»... была моментально отбита съ большимъ урономъ.

Въ трехъ мѣстахъ, выйдя съ неудобной для ея дѣйствія позиціи, союзная конница устремилась за разстроенною прусскою кавалеріею. Регулярная кавалерія отыскала себѣ выходъ со стороны Лаудонова оврага, а бывшая на правомъ флангѣ — около

Франкфуртскаго лѣса. Уже послѣ того, какъ Зейдлицъ успѣлъ укрыться за прудами, почти вся конница союзниковъ выстроилась въ слѣдующемъ порядкѣ: австрійскіе гусары — впереди и лѣвѣе батареи на Б. Шпицѣ; подъ прямымъ же къ нимъ угломъ — русская регулярная конница въ двѣ линіи. Общее начальство надъ этими частями принялъ Лаудонъ; позади него сосредоточилась конница графа Тотлебена.

Воспользовавшись отбитіемъ атаки Зейдлица, 4 русскихъ полка, подъ начальствомъ бригадира Берга, стремительно перешли въ наступленіе противъ пруссаковъ, успѣвшихъ утвердиться на восточной оконечности Б. Шпица. Поддержанный еще 4-мя полками, бригадиръ Бергъ заставилъ противника отступить за Кунгрундъ и навелъ панический ужасъ на толпы пруссаковъ, которые занимали Мюльбергъ и къ тому же несли громадныя потери отъ губительнаго огня русской артиллеріи, въ особенности — шуваловскихъ гаубицъ, удачно поставленныхъ Бороздинымъ.

При такихъ условіяхъ прусская пѣхота, конечно, не могла оказать никакого сопротивленія наступавшимъ русскимъ войскамъ, въ самое непродолжительное время штыками очистившимъ Мюльбергъ и прочно утвердившимся на прежней позиціи.

Фридрихъ, видя паническое бѣгство своей пѣхоты, рѣшилъ сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе и пустить въ дѣло все, что оставалось у него подъ рукой, т.-е. конницу Зейдлица и нѣсколько эскадроновъ лейбъ-кирасиръ.

Русская конница съ тремя австрійскими полками отошла къ Франкфуртскому лѣсу. Зейдлицъ вторично перевелъ свою конницу черезъ пруды и снова бросился на окопы. Но атака была доведена только на половину пушечнаго выстрѣла отъ ретраншемента: огнемъ артиллеріи и атакою союзной конницы слѣва Зейдлицъ вторично былъ отброшенъ назадъ. Желая хотя бы немного задержать наступленіе русскихъ, Фридрихъ приказываетъ двумъ эскадронамъ лейбъ - кирасиръ атаковать головные полки контръ - атаки русскихъ, но «слабость въ непріятелѣ уже такъ велика была, что однихъ Чугуевскихъ казаковъ довольно было сіи два эскадрона истребить. Посему непріятельская армія въ совершенное бѣгство обратилась». Къ 7-ми часамъ вечера пораженіе прусской арміи было полное, однако и побѣдители, ведшіе бой въ необычныхъ для нихъ условіяхъ въ теченіе цѣлаго дня, пришли въ сильное разстройство. Это и было причиною того, что побѣда не была завершена энергичнымъ преслѣдованіемъ.

Только австрійская конница и главнымъ образомъ не бывшая въ дѣлѣ легкая конница графа Тотлебена была въ готовности для преслѣдованія. Генералъ Лаудонъ двинулся за разбитою имъ конницею Зейдлица на югъ, а графъ Тотлебенъ — на Бишофзее къ Герицу, т.-е. въ самомъ важномъ направленіи.

Преслѣдованіе союзной кавалеріи прекратилось на крайнихъ границахъ поля сраженія, и энергическаго преслѣдованія внѣ поля сраженія не было ведено совсѣмъ ни Тотлебеномъ, ни Лаудономъ.

Вся союзная армія заночевала на полѣ сраженія, разбросанная отъ Мюльберга до Жидовской горы, на пространствѣ до 5 верстъ.

Въ первой, наскоро составленной реляціи главнокомандующій засвидѣтельствовалъ, что «если найдется гдѣ побѣда ея славнѣе и совершеннѣе, то, однако, ревность и искусство генераловъ и офицеровъ, и мужество, храбрость, послушаніе и единодушіе солдатства должны навсегда примѣромъ остаться...»

Но эта блестящая побѣда стоила намъ громадныхъ жертвъ. Союзники потеряли 15000 (13000 русскихъ и 2000 австрійцевъ), т.-е. 25%, а пруссаки—17000, т.-е. 34%.

Трофеями Куннерсдорфской побѣды были: 26 знаменъ, 2 штандарта, 172 орудія и большое количество огнестрѣльныхъ запасовъ, изъ коихъ однихъ патроновъ болѣе 93000.

Отсутствіе преслѣдованія со стороны Салтыкова послѣ Куннерсдорфской побѣды привело къ тому, что прусская армія къ 3-му августа сосредоточилась у Фюрстевальде, непосредственно прикрывая Берлинъ. Но впечатлѣніе отъ пораженія было настолько сильно у пруссаковъ, что въ Берлинѣ, какъ и въ прусской арміи, царила паника, а немедленное наступленіе Салтыкова къ Берлину могло бы безъ особаго труда закончиться взятіемъ столицы геніальнаго короля.

Однако, наступленія къ Берлину не послѣдовало, виновникомъ чего является австрійскій главнокомандующій.

Тѣмъ не менѣе, Куннерсдорфское сраженіе является однимъ изъ славныхъ подвиговъ русской арміи и служитъ показателемъ высокаго уровня военнаго искусства Россіи въ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда у насъ не было военнаго генія, дѣятельность котораго придаетъ блескъ военнымъ операціямъ и скрашиваетъ до нѣкоторой степени недостатокъ искусства у его современниковъ.

Вслѣдствіе настоянія Дауна, съ которымъ русскій главнокомандующій долженъ былъ считаться, согласно указаніямъ Конференціи, 19-го августа Салтыковъ очистилъ Франкфуртъ.

Дальнѣйшія настоянія Дауна и его отказъ дѣйствовать совмѣстно съ Салтыковымъ заставили послѣдняго въ концѣ октября двинуться на зимнія квартиры къ нижней Вислѣ, куда русская армія и прибыла въ декабрѣ.

в) Дѣйствія русской арміи въ 1760 и 1761 г.г.

Послѣ кампаніи 1759 г. русская армія еще два года вела борьбу съ Пруссіей и, несмотря на то, что предыдущія кампа-

ніи явно доказали невыгоды совмѣстныхъ дѣйствій съ австрійцами, тѣмъ не менѣе и въ 1760 и 1761 г. г. Конференція составляла для нашихъ армій такіе планы дѣйствій, по которымъ русскіе главнокомандующіе должны были, соображая свои дѣйствія съ австрійскими арміями, исполнять желанія вѣнской дипломатіи.

Въ 1760 г. Салтыковъ передовымъ корпусомъ Чернышева 28-го сентября занялъ Берлинъ. Главныя силы въ это время находились у Франкфурта. Получивъ свѣдѣнія, что Фридрихъ лично спѣшитъ съ 7000 на выручку своей столицы, и что Даунъ не можетъ оказать существенной поддержки русскимъ, Салтыковъ бросилъ Берлинъ и отвелъ свои войска къ Ландсбергу.

Въ ноябрѣ русская армія стала на зимнія квартиры на нижней Вислѣ, но еще въ октябрѣ, за болѣзнью Салтыкова, главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ. Отдѣльный корпусъ Румянцева (20000) дѣйствовалъ въ Помераніи и 5 декабря 1761 г. взялъ кр. Кольбергъ.

25-го декабря 1761 г. скончалась Императрица Елизавета.

На престолъ вступилъ Петръ III, поклонникъ Фридриха II. 8-го февраля 1762 г. Россія особой декларацiей отказалась отъ союза съ Австріей. 5-го марта было заключено формальное перемиріе съ Пруссіей, а 24-го апрѣля Петръ III заключилъ трактатъ съ Фридрихомъ, по которому былъ возстановленъ съ Пруссіей вѣчный миръ, а всѣ завоеванія русскаго оружія были возвращены Великому королю безъ всякаго вознагражденія. Напротивъ, часть русской арміи (20000 Чернышева) отдавалась въ распоряженіе Фридриха II.

Такимъ образомъ, несмотря на блестящія побѣды русской арміи, Россіи не удалось сократить силы «скоропостижнаго Прусскаго короля». Однако, побѣды эти не были совершенно безплодными: силы Пруссіи были крайне надорваны ими, и это сказалось въ царствованіе Екатерины, когда Великая Государыня, рѣшая міровые политическіе вопросы въ интересахъ Россіи, находила возможнымъ не особенно считаться съ мнѣніями и желаніями Фридриха.

Въ спеціально военномъ отношеніи наше участіе въ Семилѣтней войнѣ имѣетъ громадное значеніе.

Во главѣ дѣйствующихъ армій въ эту эпоху стояли генералы, которые служебный и боевой опытъ получили въ царствованіе Императрицы Анны. Съ другой стороны, война, веденная арміей, руководимой генералами предшествовавшей эпохи, послужила школой для такихъ будущихъ дѣятелей, какъ Румянцевъ, Панинъ, Прозоровскій, Суворовъ.

Характерной чертой нашей стратегіи въ разсматриваемую эпоху была осторожность, которая являлась слѣдствіемъ, во-1-хъ,

стремленія Конференціи руководить операціями въ ущербъ «полной мочи» главнокомандующаго, и, во-2-хъ, полнаго подчиненія нашей стратегіи вліянію австрійской дипломатіи.

Въ эту войну въ значительной мѣрѣ получили развитіе стратегическія дѣйствія массы легкой конницы впереди фронта арміи, при чемъ отличительными особенностями этихъ операцій являются: независимость отъ тыла, быстрота налета отдѣльными партіями съ разными цѣлями, широкій фронтъ, въ нѣсколько разъ превосходящій фронтъ арміи, и значительно выдвинутый впередъ раіонъ освѣщенія мѣстности конницей драгунскаго типа.

Наконецъ, въ отношеніи стратегіи необходимо отмѣтить умѣлое и полезное сочетаніе, при довольствіи арміи, пользованія мѣстными средствами съ процвѣтавшей тогда въ чистомъ видѣ магазинной системой. Особенностью тактики русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну является активно-оборонительный бой. Чисто-наступательный бой въ эту войну не получаетъ достаточнаго развитія.

Однако, нужно замѣтить, что активность при оборонѣ высказывала въ то время только одна русская армія.

Что касается артиллеріи, то, перерождаясь въ своемъ устройствѣ, она на поляхъ сраженія оказываетъ могущественное содѣйствіе пѣхотѣ и конницѣ. Особенностями дѣйствій артиллеріи являются: распредѣленіе ея на батареи по линіи, защита ея огнемъ промежутковъ между линіями, стрѣльба черезъ головы пѣхоты. Эти особенности въ дѣйствіяхъ артиллеріи показываютъ усовершенствованіе не только техники и организаціи нашей артиллеріи, но и прямое вліяніе этого на ея дѣйствія въ бою.

Наконецъ, необходимо указать на проявленное еще разъ въ Семилѣтнюю войну классическое упорство русскихъ войскъ и на то нравственное значеніе, которое имѣли побѣды наши надъ лучшими войсками, руководимыми лучшимъ полководцемъ.

Эти побѣды несомнѣнно укрѣпили увѣренность нашихъ войскъ въ себѣ, подняли духъ и дали пищу для нравственнаго воздѣйствія, при воспитаніи, какъ на отдѣльныхъ людей, такъ и на цѣлыя войсковыя части, чѣмъ съ такимъ успѣхомъ пользовались дѣятели слѣдующей эпохи.

V. Царствованіе Императрицы Екатерины II.

27-го іюня 1762 года на престолъ русскихъ царей вступила Императрица Екатерина II, и съ этого дня, можно сказать, начинается наиболѣе блестящая эпоха въ исторіи русскаго военнаго искусства.

Какая же основная причина столь высокаго развитія въ Россіи военнаго искусства въ Екатерининскую эпоху? Личность

самой Императрицы и наличность соотвѣтствующихъ сотрудниковъ дали возможность родному военному искусству достигнуть своего мощнаго развитія.

Пониманіе Императрицей Россіи, русскаго дѣла, интересовъ Россіи, ея историческихъ задачъ, свойствъ и характера русскаго народа, а отсюда — стремленіе слѣдовать завѣтамъ Петра Великаго и вести Россію по пути, указанному имъ.

Второй отличительной чертой Екатерины II являлось то, что она сама выразила слѣдующими словами: «Крупные и рѣшительные успѣхи достигаются только дружными усиліями всѣхъ,... а кто умнѣе, тому и книги въ руки...» Другими словами, Екатерина отлично понимала всю пользу и необходимость въ дѣлѣ управленія того, что можно выразить однимъ словомъ «довѣріе».

Екатерина отлично понимала, что только при довѣріи возможно проявленіе и развитіе иниціативы, самодѣятельности, а значитъ, — и высшее проявленіе плодотворной дѣятельности. Однако, она сама говорила: «А кто умнѣе, тому и книги въ руки». Другими словами, довѣріе должно оказывать не всякому, «а тому, кто умнѣе», кто сумѣетъ разумно и съ толкомъ воспользоваться этимъ довѣріемъ. Такимъ образомъ, сознавая, что только усилія всѣхъ приведутъ къ крупнымъ и рѣшительнымъ успѣхамъ, что книги должно отдать въ руки тому, кто умнѣе, Екатерина должна была умѣть выбирать этихъ болѣе умныхъ. И она дѣйствительно умѣла дѣлать это, что и составляетъ третье ея личное свойство, которое способствовало, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, расцвѣту военнаго искусства у насъ въ Россіи въ эпоху ея царствованія.

Широкое право, не на словахъ только данное Екатериной, проявлять въ военномъ дѣлѣ частный починъ, несомнѣнно должно было способствовать развитію способности въ этомъ отношеніи, что, въ связи съ умѣніемъ Екатерины отличать и выбирать людей, обусловливало наличность военныхъ талантовъ, дружными усиліями поднявшихъ военное дѣло у насъ до той высоты, съ которой можетъ равняться только эпоха Петра I.

Въ вѣкъ Екатерины появилось дѣйствительно много талантливыхъ военныхъ людей, къ которымъ нужно причислить Захара Чернышева, Петра Панина, князя Репнина, Вейсмана, Кречетникова, Каменскаго, Семена Воронцова, Голенищева-Кутузова, но изъ среды которыхъ особенно выдѣлялись своими способностями и талантами фельдмаршалы: Румянцевъ, Потемкинъ и Суворовъ.

Каждый изъ только что названныхъ фельдмаршаловъ имѣлъ свои характерныя особенности, которыя и положили особый отпечатокъ на ихъ дѣятельность, вліявшую въ томъ или иномъ отношеніи на русское военное искусство и поставившую послѣднее на столь высокую ступень.

а) Румянцевъ.

Отецъ графа Петра Александровича Румянцева былъ любимый денщикъ Петра Великаго, Александръ Ивановичъ Румянцевъ, извѣстный по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича, котораго онъ отыскалъ за границей и привезъ въ Москву. По исполненіи этого порученія Петръ въ 1718 году сосваталъ Александра Ивановича за фрейлину своего Двора, графиню Марію Андреевну Матвѣеву, родную внучку боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, пользовавшуюся особыми симпатіями Петра Великаго.

Александръ Ивановичъ Румянцевъ, отличавшійся расторопностью, исполнительностью и честностью, постоянно былъ въ разъѣздахъ, выполняя различныя порученія Петра Великаго, преимущественно порученія дипломатическаго характера.

Его отлучки изъ Петербурга иной разъ длились по нѣсколько лѣтъ.

Въ его отсутствіе у жены его, Маріи Андреевны, въ 1725 году родился сынъ, который въ честь царя былъ названъ Петромъ.

Александръ Ивановичъ своего сына впервые увидѣлъ, когда ему было 5 лѣтъ.

Первымъ дѣломъ Румянцева по отношенію къ сыну — это была запись его, по обычаю того времени, солдатомъ въ гвардію.

Императрица Анна Іоанновна сначала весьма милостиво относилась къ Александру Ивановичу Румянцеву: ему повелѣно было присутствовать въ Кабинетѣ; онъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и, наконецъ, въ январѣ 1732 года назначенъ «главноуправляющимъ государственными доходами».

Однако, Румянцевъ, отговариваясь тѣмъ, что онъ не способенъ къ такого рода занятіямъ, отказался отъ послѣдняго мѣста, за что и навлекъ на себя немилость Государыни. Она лишила Румянцева чиновъ, орденовъ и повелѣла ему удалиться въ свои Казанскія деревни.

Семилѣтній Петръ Румянцевъ, конечно, долженъ былъ отправиться съ отцомъ, и здѣсь онъ впервые сѣлъ за обученіе грамотѣ, лѣниво зубря букварь подъ надзоромъ своего отца.

Царская опала крайне угнетала Александра Ивановича.

Въ 1735 году Румянцевъ былъ прощенъ, получилъ назадъ чины и ордена и назначенъ губернаторомъ въ Казань, а въ іюлѣ 1736 года—главнымъ начальникомъ Малороссіи.

Петръ Александровичъ Румянцевъ всюду слѣдовалъ за отцомъ. Въ 1739 году, когда Александръ Ивановичъ, въ должности начальника дивизіи, долженъ былъ принять участіе въ Ставучанскомъ походѣ Миниха, онъ устроилъ сына для пріобрѣтенія дипломатическаго опыта дворяниномъ при посольствѣ, отправлявшемся тогда въ Берлинъ.

Послѣ заключенія мира съ Оттоманской Портой въ 1740 году Александръ Ивановичъ Румянцевъ, наконецъ, возвратился въ Петербургъ. Петръ Александровичъ былъ вызванъ изъ Берлина и опредѣленъ въ Сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ; въ корпусѣ Петръ Румянцевъ пробылъ недолго,—всего четыре мѣсяца. Воспользовавшись отсутствіемъ изъ Петербурга отца, Петръ Александровичъ Румянцевъ въ концѣ сентября 1740 года самовольно покинулъ корпусъ.

По выраженію одного изъ его біографовъ, «пылкій, огненный юноша не могъ подчинить ума своего единообразнымъ занятіямъ, и онъ сбросилъ узы, на него положенныя».

Тѣмъ не менѣе, однако, въ этомъ же году Петръ Александровичъ Румянцевъ, имѣя 15 лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ офицеры.

Даровитый юноша, «сбросивъ узы, на него положенныя», и пользуясь отсутствіемъ строгаго отца, проводилъ жизнь, полную всевозможныхъ увлеченій и разгула, ничѣмъ и никѣмъ несдерживаемаго, что, однако, не мѣшало ему стремительно возвышаться въ чинахъ.

Александръ Ивановичъ Румянцевъ возвратился въ Петербургъ уже послѣ воцаренія Императрицы Елизаветы Петровны и въ 1743 году былъ отправленъ въ Або для заключенія мира съ Швеціей.

Петру Александровичу Румянцеву въ это время шелъ 19-ый годъ; онъ былъ уже армейскимъ капитаномъ и съ полкомъ находился въ Финляндіи.

Упоминаемый уже его біографъ говоритъ, что молодой Румянцевъ «удальствомъ превосходилъ товарищей, пламенно любилъ прекрасный полъ, и самъ былъ любимъ женщинами, не выносилъ препятствій и часто, окруженный солдатами, въ виду ихъ торжествовалъ надъ непреклонными».

Александру Ивановичу Румянцеву, конечно, не могло нравиться такое поведеніе сына, и онъ воспользовался первымъ же случаемъ, чтобы хотя на время разлучить его съ его полковыми товарищами, которые несомнѣнно способствовали проявленію удальства молодого капитана.

Заключивъ въ іюнѣ 1743 года весьма выгодный для Россіи миръ со Швеціей, Александръ Ивановичъ съ извѣстіемъ объ этомъ въ Петербургъ отправилъ своего сына Петра.

Въ высшей степени довольная условіями мира, Императрица Елизавета крайне благосклонно приняла посланца и произвела его прямо въ полковники, а самому Александру Ивановичу съ нисходящимъ потомствомъ было пожаловано графское достоинство.

Однако, и столь высокія царскія милости не успокоили молодого Румянцева. Его проказамъ не было конца. Дошло, нако-

Побѣда русской арміи, предводительствуемой фельдмаршаломъ П. А. Румянцевымъ, надъ турками при Кагулѣ 21 іюля 1770 года.

нецъ, до того, что Императрица Елизавета Петровна, узнавъ о какой-то новой необыкновенной выходкѣ Петра Румянцева, велѣла отправить его къ отцу для примѣрнаго наказанія.

Александръ Ивановичъ приказалъ подать розогъ.... «Да вѣдь я—полковникъ!» — заявилъ Петръ Александровичъ.—«Знаю, отвѣтилъ отецъ, и уважаю твой мундиръ, но ему ничего не сдѣлается: я буду наказывать не полковника, а сына»....

Вскорѣ послѣ этой отеческой экзекуціи Петръ Александровичъ получилъ въ командованіе Воронежскій полкъ.

Въ сентябрѣ 1745 года Императрица Елизавета Петровна, принимавшая живѣйшее и прямо родственное участіе въ судьбѣ Петра Александровича Румянцева, выбрала для него весьма богатую невѣсту, дочь извѣстнаго Кабинетъ-Министра Волынскаго. «Такой богатой и доброй дѣвки, писалъ Александръ Ивановичъ сыну, едва найтить будетъ можно. За ней болѣе двѣ тысячъ душъ, и не знаю, не будетъ ли трехъ. Дворъ московскій.... каменный великій домъ въ Петербургѣ... конскій заводъ и всякій домашній скарбъ...» Заканчивалось письмо знаменательными словами по поводу личнаго участія въ этомъ дѣлѣ Императрицы: «Вы вѣдаете, какъ она по крови близко обязана свойствомъ....»

Но никакіе доводы отца не подѣйствовали на сына: Петръ Александровичъ не поѣхалъ въ Петербургъ, и его женитьба, задуманная самой Императрицей, разстроилась. Онъ же продолжалъ вести прежній разгульный образъ жизни.

Лишь въ 1747 году графъ Петръ Александровичъ нѣсколько угомонился. Въ этомъ году онъ съ полкомъ пріѣхалъ въ Москву.

Въ слѣдующемъ 1748 году графъ Петръ Александровичъ женился, но избралъ себѣ въ подруги жизни не Волынскую, а дочь фельдмаршала князя Михайла Михайловича Голицына старшаго, княжну Екатерину Михайловну.

Женитьба эта примирила графа Петра Александровича съ отцомъ, который въ слѣдующемъ году умеръ.

Въ томъ же 1748 году Румянцевъ принималъ участіе со своимъ полкомъ въ походѣ князя Репнина во Франконію, куда мы, согласно нашего договора съ Австріей, отправили вспомогательный корпусъ. Впрочемъ, въ военныхъ дѣйствіяхъ корпусъ этотъ участія не принималъ.

По возвращеніи въ Россію графъ Румянцевъ, обогащенный личнымъ знакомствомъ съ военнымъ дѣломъ въ Европѣ, повелъ спокойную жизнь, научился до нѣкоторой степени сдерживать свой пылкій характеръ; пристрастился къ серьезному чтенію, которое отнынѣ никогда не бросалъ, даже въ походахъ.

Однако, горячность темперамента Румянцева вскорѣ разстроила его семейное счастіе, но это осталось его домашнимъ дѣломъ и нисколько не отразилось на благотворности его дѣятельности.

Въ 1756 году Румянцевъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ начавшейся въ этомъ году Семилѣтней войнѣ, ставшей его боевой школою.

Румянцеву въ Семилѣтнюю войну приходилось работать въ области стратегіи, тактики и военной администраціи и при томъ — противъ прусской арміи, руководимой Фридрихомъ Великимъ, т.-е. «подъ мечомъ строгаго непріятеля», въ тотъ періодъ нашей военной исторіи, когда при существованіи Конференціи даже главнокомандующіе не могли пользоваться какой бы то ни было иниціативой.

Свою дѣятельность въ Семилѣтнюю войну Румянцевъ началъ формированіемъ новыхъ гренадерскихъ полковъ, а затѣмъ ему поручено было переформированіе части драгунъ въ кирасиры.

То и другое онъ исполнилъ отлично.

Въ началѣ похода 1757 года, когда наша армія шла черезъ Литву, Румянцевъ командовалъ отдѣльной колонной конницы, силою до 6000 ч., а по вступленіи арміи въ Восточную Пруссію принялъ пѣхотную бригаду.

Во главѣ этой бригады онъ и рѣшилъ участь Гроссъ-Егерсдорфскаго сраженія (19 августа 1757 г.).

Въ наиболѣе критическую минуту Румянцевъ, бригада котораго составляла резервъ 1-й дивизіи, по своей иниціативѣ, двинулъ ее черезъ лѣсъ, считавшійся непроходимымъ, на помощь 2-й дивизіи и во флангъ атаковалъ пруссаковъ такъ, что «они тотчасъ помѣшались и по жестокомъ кровавомъ сраженіи съ достаточнымъ числомъ своихъ войскъ, въ наивящшемъ безпорядкѣ свое спасеніе дѣйствомъ искать стали».

Въ зимнемъ походѣ 1757 — 58 г.г. въ Восточную Пруссію Румянцеву съ особымъ отрядомъ было приказано возможно скорѣе занять Тильзитъ.

Несмотря на то, что главнокомандующій указывалъ ему «возможно поспѣшать», Румянцевъ до тѣхъ поръ не приступалъ къ исполненію этой боевой задачи, пока не придалъ своему отряду возможно лучшую организацію и не обезпечилъ его всѣмъ необходимымъ.

Работая энергично и вполнѣ самостоятельно, Румянцевъ на эти предварительныя изготовленія отряда потратилъ двѣ недѣли, но зато впослѣдствіи отлично организованный и снабженный всѣмъ необходимымъ отрядъ съ громаднымъ успѣхомъ выполнялъ всѣ возлагаемыя на него боевыя задачи.

Высылая впередъ конницу своего отряда, Румянцевъ начальнику ея далъ подробную инструкцію, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ:

1) Во время похода соблюдать строжайшую дисциплину.

2) Командирамъ частей особенно заботиться о сбереженіи здоровья людей и надзирать за конскимъ составомъ.

3) Младшимъ офицерамъ постоянными разговорами съ нижними чинами поднимать нравственный духъ солдата.

4) Принять особыя мѣры осторожности противъ нечаяннаго нападенія, столь опаснаго для конницы, особенно при расположеніи ея на отдыхѣ по квартирамъ, при чемъ на закрытой мѣстности лучшей мѣрой для этого Румянцевъ считалъ посылку патрулей (дозоровъ) впередъ и въ стороны.

5) Поддерживать постоянную связь между передовыми частями конницы.

Такимъ образомъ, Румянцевъ, впервые поставленный во главѣ крупнаго тактическаго соединенія, получившаго самостоятельную задачу, въ основу всего ставитъ строгую дисциплину и нравственный духъ солдата при постоянной заботѣ о немъ его ближайшихъ начальниковъ.

Румянцевъ искусно выполнилъ задачу по занятію Тильзита.

Затѣмъ, Румянцевъ 11-го января съ прочими войсками арміи принималъ участіе въ занятіи Кенигсберга, находясь все время при своихъ войскахъ и вмѣстѣ съ ними перенося всѣ труды и лишенія тяжелаго зимняго похода.

Послѣ занятія Кенигсберга Румянцевъ вскорѣ былъ отправленъ въ Столбцы, около Минска, для переформированія нашей совершенно разстроенной конницы.

Это порученіе, какъ и всѣ вообще организаціонныя тактическія задачи, было исполнено Румянцевымъ съ громадной энергіей и очень успѣшно: уже черезъ три мѣсяца Румянцевъ привелъ на Вислу 18 эскадроновъ отлично устроенной конницы, оставивъ на мѣстѣ кадры для дальнѣйшаго пополненія.

Эти эскадроны вмѣстѣ съ переформированными имъ же кирасирами составили до 7000 регулярной конницы, которая въ слѣдующую кампанію въ значительной своей части составила самостоятельную конницу подъ начальствомъ Румянцева.

Въ лѣтнемъ походѣ 1758 года при движеніи нашей арміи сначала въ Померанію, а потомъ къ Познани и въ періодъ маневрированія арміи на нижней Вартѣ и Нетцѣ Румянцевъ съ 24 эскадронами и 6 конными орудіями прикрывалъ фланги и тылъ арміи и въ то же время демонстраціями отвлекалъ противника отъ опасныхъ для насъ направленій.

Всѣ эти задачи выполнялись прекрасно, но еще бо́льшая заслуга Румянцева при этомъ заключается въ умѣніи организовать дальнюю развѣдку, результатами которой было точное полученіе свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ противника.

Въ этотъ періодъ дѣятельности Румянцева выказываются слѣдующія его особенности, какъ военноначальника: онъ предоставляетъ своимъ подчиненнымъ полную иниціативу, широко поощряетъ отличающихся и жестоко караетъ подчиненныхъ ему на-

чальниковъ за нерѣшительность и за невыполненіе данныхъ имъ боевыхъ задачъ, если это явилось слѣдствіемъ недостаточной настойчивости въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей, боязни потерь и т. п.

Здѣсь же Румянцевъ выказываетъ большое вниманіе стратегической обстановки въ широкомъ смыслѣ этого слова, почему безошибочно оцѣниваетъ значеніе того или другого пункта на театрѣ войны, заблаговременно опредѣляя ту роль, которую онъ можетъ играть въ общемъ ходѣ операціи.

Въ концѣ іюня Румянцевъ получилъ въ командованіе одну изъ трехъ дивизій, на которыя дѣлилась тогда наша армія.

Когда въ сентябрѣ 1758 года обстоятельства заставили Фермора передвинуть свою армію на сѣверъ въ Померанію, то на Румянцева съ конницей было возложено обезпеченіе этого движенія, а по прибытіи арміи на квартиры къ Старгардту—и прикрытіе осады Кольберга со стороны нижняго Одера.

Первая задача была Румянцевымъ выполнена съ такимъ искусствомъ, что противникъ лишь черезъ 10 дней узналъ, что наша армія покинула берега Варты.

Не менѣе искусно Румянцевъ разрѣшилъ и вторую задачу. Для ея выполненія Румянцевъ близъ Старгардта (у Пасъ Круга) занялъ укрѣпленную позицію, на которой 22-го сентября и былъ атакованъ графомъ Дона.

Въ этомъ сраженіи Румянцевъ, правильно оцѣнивая обстановку, несмотря на всѣ вызывающіе маневры пруссаковъ и вопреки своему всегдашнему стремленію къ активности, не перешелъ въ наступленіе, выказавъ поучительную въ данномъ случаѣ осторожность; въ частности же необходимо отмѣтить, что здѣсь онъ даетъ рѣдкій образчикъ работы спѣшенной конницы драгунскаго типа на укрѣпленной позиціи.

Въ началѣ 1759 года гр. Румянцевъ былъ назначенъ начальникомъ тылового корпуса на нижней Вислѣ. Задача этого корпуса состояла въ прикрытіи отъ противника Восточной Пруссіи и магазиновъ на Вислѣ. Главнокомандующій находилъ необходимымъ поручить указанную задачу графу Румянцеву: «...какъ особо искусстному генералу»...

Однако, назначенный въ этомъ году новый главнокомандующій, графъ П. С. Салтыковъ, нашелъ, что такой талантливый генералъ, какъ Румянцевъ, долженъ выполнять болѣе важныя боевыя задачи и потому графъ Петръ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ одной изъ дивизій арміи, которая въ маѣ выступила къ Одеру. Румянцевъ прибылъ, однако, къ арміи лишь незадолго до Куннерсдорфскаго сраженія.

Въ этомъ сраженіи, въ которомъ Салтыковъ на-голову разбилъ Фридриха Великаго, Румянцевъ со своей дивизіей находился

на самомъ важномъ пунктѣ и, проявивъ широкое пониманіе обстановки, умѣнье оцѣнить важность момента, способность быстро рѣшиться и вполнѣ самостоятельно по своему почину избрать средства для приведенія въ исполненіе своего, отвѣчающаго обстановкѣ, рѣшенія, весьма много способствовалъ выигрышу нами этого кровопролитнаго боя.

Въ этомъ же году, по порученію графа Салтыкова, Румянцевъ приступилъ къ организаціи отряда для набѣга на Берлинъ. Однако, привести въ исполненіе этотъ набѣгъ ему не пришлось: онъ былъ съ полнымъ успѣхомъ произведенъ въ слѣдующемъ году другимъ генераломъ, но по плану, составленному раньше Румянцевымъ.

Въ 1761 году, когда рѣшено было овладѣть весьма важной для насъ приморской крѣпостью Кольбергомъ, командиромъ отдѣльнаго корпуса, предназначеннаго для этого, «съ общаго согласія и совѣта дивизіоннымъ генералитетомъ», былъ избранъ графъ Румянцевъ.

Кольбергская операція есть первая, самостоятельно веденная Румянцевымъ. И здѣсь Румянцевымъ были установлены новыя начала, послужившія при Екатеринѣ основой русскаго военнаго искусства; начала эти, еще установленныя Петромъ Великимъ, сообразовались съ развитіемъ военнаго дѣла въ Западной Европѣ, но соотвѣтствовали и особенностямъ русскаго военнаго искусства.

Румянцевъ прежде всего обратилъ вниманіе на правильную его организацію, положивъ начало постоянной организаціи высшихъ, послѣ полка, тактическихъ соединеній.

Въ корпусѣ Румянцевымъ были образованы «легкіе баталіоны» изъ охотниковъ для дѣйствія въ лѣсахъ, которыми были богаты окрестности Кольберга, и для поддержки отдѣльныхъ операцій легкой конницы.

Правила для обученія легкихъ баталіоновъ впервые устанавливали у насъ начала разсыпного строя. Всѣ же вообще войска корпуса Румянцева тоже впервые обучались дѣйствію въ бою колоннами.

Довольствіе войскъ корпуса Румянцевъ основывалъ главнымъ образомъ на правильномъ устройствѣ подвозовъ, при чемъ всѣ его мѣры въ этомъ отношеніи рѣзко выдѣляются предусмотрительностью, точностью и ясностью отдаваемыхъ приказаній.

Въ самихъ операціяхъ подъ Кольбергомъ Румянцевъ успѣлъ проявить въ полной мѣрѣ недюжинныя дарованія полководца. Прежде всего онъ обнаружилъ замѣчательный характеръ и силу воли въ достиженіи разъ поставленной цѣли: дважды, вслѣдствіе крайне неблагопріятной обстановки, военный совѣтъ единогласно постановлялъ снять осаду крѣпости и отступить съ флотомъ отъ Кольберга, и, только благодаря энергіи Румянцева и рѣшимости принять отвѣтственность на себя, дѣло было доведено до конца.

Постановка Румянцевымъ во время операцій подъ Кольбергомъ ближайшихъ цѣлей высоко поучительна, такъ какъ эти цѣли ставились, строго сообразуясь съ имѣвшимися у него подъ руками средствами и дѣйствительнымъ положеніемъ противника.

Румянцевъ подъ Кольбергомъ крайне свободно и вполнѣ самостоятельно относился къ подробнымъ планамъ кампаніи, составленнымъ въ Петербургѣ, за 1000 верстъ отъ театра войны.

Онъ развиваетъ здѣсь активныя начала какъ въ стратегіи, такъ и въ тактикѣ; работой самостоятельной конницы достигаетъ рѣшительныхъ цѣлей; наконецъ, здѣсь же подъ Кольбергомъ Румянцевъ кладетъ начала общему положенію относительно строевой, полевой и сторожевой службы, которое впослѣдствіи развилось въ имѣвшій потомъ столь большое значеніе для всей арміи «Обрядъ службы».

Если къ этому прибавить, что Румянцевъ, обладая самъ широкимъ починомъ дѣйствій и постоянно упорно отстаивая свою самостоятельность, съ перваго же шага предоставляетъ своимъ подчиненнымъ свободу дѣйствій при исполненіи данной имъ задачи, то мы получимъ довольно полное и ясное представленіе о новыхъ Румянцевскихъ началахъ въ русскомъ военномъ искусствѣ. Эти начала были весьма родственны по духу идеямъ Петра. Впрочемъ, это вполнѣ естественно...

За отличія въ Семилѣтнюю войну Румянцевъ былъ награжденъ чинами генералъ-поручика и генералъ-аншефа.

Если до войны Румянцевъ былъ только баловнемъ судьбы, то съ первыхъ же шаговъ своей самостоятельной боевой дѣятельности онъ рѣзко выдѣлился своимъ оригинальнымъ самобытнымъ талантомъ.

Отрицательное отношеніе къ кордонной системѣ при расположеніи войскъ по квартирамъ; сообразное съ обстоятельствами охраненіе квартиро-бивачнаго расположенія съ примѣненіемъ сильныхъ дежурныхъ частей, правильнымъ распредѣленіемъ очередныхъ смѣнъ зимою, приспособленіемъ селеній и ближайшихъ окрестностей къ бою, внѣшнимъ дальнимъ охраненіемъ легкой конницей; не шаблонное, а сообразное съ обстановкой распредѣленіе марша; образцовая организація службы конницы, находящейся впереди фронта арміи, съ оставленіемъ главной части ея въ одной массѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ Румянцева на нѣсколько переходовъ впереди въ важнѣйшемъ направленіи и съ выдѣленіемъ отъ этой массы къ сторонѣ непріятеля до соприкосновенія съ нимъ «конныхъ партій» различной силы; активность и рѣшительность въ бою вообще, сильный ударъ въ конномъ строю холоднымъ оружіемъ безъ пренебреженія, въ случаѣ необходимости, дѣйствіями въ спѣшенномъ строю, въ бою конницы въ частности, таковъ заключительный выводъ от-

носительно проявленія полководческаго таланта Румянцева въ Семилѣтнюю войну.

По восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II Румянцеву, весьма рѣзко отзывавшемуся о новой Императрицѣ и не присягнувшему ей до смерти Императора Петра III, было разрѣшено, согласно его просьбѣ, «жить въ деревнѣ или ѣхать къ цѣлительнымъ водамъ». Но когда въ 1763 году Румянцевъ просилъ объ отставкѣ, то ему въ этомъ было отказано, а въ 1764 году онъ былъ назначенъ на важный постъ Малороссійскаго генералъ-губернатора и президента Малороссійской коллегіи, учрежденной въ Глуховѣ.

Прибывъ въ Малороссію и ознакомившись съ мѣстными условіями края, Румянцевъ высказалъ ту мысль, что развитіе народной жизни у насъ на югѣ «въ дикихъ степяхъ» возможно только при обезпеченіи границъ естественными преградами, какими являлись, по мнѣнію Румянцева, Черное море и Бугъ.

Исходя изъ этого, Румянцевъ рѣшительно высказался за необходимость вести съ Турціей войну и при этомъ наступательную.

При необходимости охранять существующія границы, Румянцевъ высказался противъ кордонной системы, находя нецѣлесообразнымъ оборонять Украинскую линію войсками, растянутыми «въ нитку», и организовалъ оборону этой линіи сильными подвижными колоннами. Лучшимъ же способомъ обороны границы Румянцевъ считалъ наступательныя дѣйствія.

При вспыхнувшихъ въ 1768 году безпорядкахъ въ Польшѣ и объявленіи войны Турціей, Румянцевъ назначенъ былъ главнокомандующимъ Украинской, одной изъ двухъ дѣйствующихъ армій.

По плану войны, выработанному въ Петербургѣ, Первая армія, главная, подъ начальствомъ князя Голицына, должна была въ первыхъ числахъ марта 1769 года сосредоточиться къ Кіеву, затѣмъ двинуться къ Днѣстру и овладѣть Каменецъ-Подольскомъ и Хотинымъ. Армія же Румянцева, численностью въ 40.000 человѣкъ, должна была сосредоточиться въ двухъ пунктахъ: у устья р. Самары и Бахмута, и прикрывать южныя границы.

Вынужденный въ 1769 году къ оборонѣ открытыхъ границъ на обоихъ берегахъ Днѣпра, Румянцевъ организуетъ оборону слѣдующимъ образомъ: сомкнутыя укрѣпленія Украинской линіи онъ занимаетъ лишь слабыми гарнизонами, прочія же войска сосредоточиваетъ въ три подвижныхъ отряда, располагая каждый за однимъ изъ трехъ участковъ, на которые была раздѣлена линія. При нападеніи на одинъ изъ участковъ сосѣдніе участки, совмѣстно съ Донскимъ войскомъ, должны были рѣшительнымъ наступленіемъ на тылъ вторгнувшихся татаръ отрѣзать нападавшихъ.

Неудача послѣднихъ въ 1769 году попытокъ вторженія татаръ въ южную Россію вполнѣ оправдала планъ Румянцева.

Предвидя, что исходъ кампаніи 1769 года долженъ рѣшиться на главномъ театрѣ, на правомъ берегу Днѣпра, Румянцевъ оказывалъ здѣсь всевозможное содѣйствіе арміи Голицына, искусными маневрами привлекая на себя значительныя турецкія силы.

Недовольная княземъ Голицынымъ, Императрица Екатерина II, возведя его въ званіе фельдмаршала, отозвала отъ арміи, вручивъ ее Румянцеву.

Принявъ Первую армію въ сентябрѣ 1769 года, Румянцевъ въ 1770 году производитъ свою знаменитую Ларго-Кагульскую операцію, которая является высочайшимъ образцомъ въ области стратегіи и тактики [1]).

Блестящія побѣды Румянцева въ 1770 году при Рябой Могилѣ, Ларгѣ и Кагулѣ въ конечномъ результатѣ привели къ прочному занятію нами Дунайскихъ княжествъ и къ отпаденію отъ Турціи Буджакскихъ и Едиганскихъ татаръ, которые переселились въ Россію, что заставило и Крымскаго хана, Капланъ-Гирея, склониться къ сближенію съ Россіей.

Въ 1771 году на 60,000 армію Румянцева, прочно владѣвшую всѣмъ краемъ на лѣвомъ берегу Дуная отъ Краевскаго Баната до устья Дуная, была возложена второстепенная задача сохранить княжества и отвлечь силы турокъ отъ Крыма, куда былъ направленъ главный ударъ арміей князя Долгорукова.

Характеръ поставленныхъ Румянцеву задачъ и соотношеніе между ними и средствами, данными ему для ихъ выполненія, вынудили Румянцева въ 1771—72 годахъ обратиться къ пассивной оборонѣ Дуная съ постоянными короткими набѣгами (поисками) небольшихъ отрядовъ на правый его берегъ.

Здѣсь онъ примѣнилъ ту же систему обороны линіи Дуная, какую онъ примѣнялъ уже на Украинской линіи въ 1769 г.

Раздѣливъ линію обороны на три участка, Румянцевъ на каждомъ изъ нихъ держалъ сосредоточенно, подъ прикрытіемъ крѣпостей, опредѣленную группу арміи; сзади же участковъ, примѣрно, за серединой всей обороняемой линіи былъ расположенъ общій резервъ.

Результатомъ всѣхъ крайне цѣлесообразныхъ мѣръ въ 1771 году была, съ одной стороны, неудача турокъ въ ихъ стремленіи проникнуть на лѣвый берегъ Дуная, а, съ другой стороны, покореніе княземъ Долгоруковымъ безъ особеннаго труда Крыма, объявленнаго независимымъ отъ Порты и вступившаго въ союзъ съ Россіей. Планъ кампаніи, утвержденный Императрицей въ мартѣ 1773 года [2]), требовалъ отъ Румянцева перейти на пра-

---

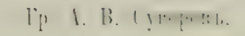
[1]) Подробное описаніе этой операціи, обезсмертившей имя Румянцева, дано ниже.

[2]) Въ 1772 году обѣ стороны бездѣйствовали, такъ какъ было заключено перемиріе и велись переговоры о мирѣ, но безрезультатно.

Кн. Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

Гр. А. В. Суворовъ.

вый берегъ Дуная и, направившись къ Шумлѣ, разбить главную армію визиря.

Недостаточность силъ, ихъ разстройство и сильная разброска, неясность обстановки, являющаяся слѣдствіемъ измѣненія необходимыхъ свѣдѣній для ея уясненія, все это заставило Румянцева высказаться противъ этого плана и вмѣстѣ съ тѣмъ попутно указать Императрицѣ на то, что диктовать планъ изъ Петербурга невозможно, что для его установленія необходимо, чтобы онъ пользовался полною мочью.

«Планы, указываетъ Румянцевъ, обыкновенно дѣлаемые въ началѣ войны,... для согласнаго учрежденія движеній и содѣйствій,... но при приближеніи къ непріятелю предается тогда искусству военноначальника располагать дальнія предпріятія, по видимой на то время удобности и предстоящихъ обстоятельствъ».

Екатерина II, подъ вліяніемъ Петербургскаго Совѣта, не соглашалась съ Румянцевымъ, и ему, вѣря въ свои силы и свой талантъ, пришлось поступиться своимъ взглядомъ, по которому цѣль, направленіе и время удара за Дунаемъ зависятъ отъ «случаевъ и начальнаго (т.-е. высшей командной власти) усмотрѣнія», и исполнить планъ, одобренный Императрицей.

Съ началомъ кампаніи 1773 года Румянцевъ пассивную оборону Дуная замѣняетъ активной и, захвативъ инициативу въ свои руки, производитъ по всей линіи рядъ поисковъ въ извѣстной системѣ.

Воспользовавшись результатами дѣятельности развѣдочнаго отряда, а также всѣхъ вообще поисковъ, Румянцевъ весьма удачно, съ точки зрѣнія стратегической соотвѣтственности и тактическихъ свойствъ, избираетъ пунктъ для переправы у Гуробалъ.

Соотвѣтственный выборъ пункта переправы; прочное обезпеченіе его передовыми войсками; искусно веденныя демонстраціи; быстрое сосредоточеніе и рѣшительность дѣйствій на пунктѣ переправы передовыхъ войскъ, наконецъ, смѣлое и образцовое пользованіе слабыми средствами рѣчной флотиліи, бывшими въ распоряженіи главнокомандующаго,—все это привело къ тому, что переправа арміи черезъ Дунай у Гуробалъ была произведена весьма успѣшно.

Такимъ образомъ, Румянцевъ, совершивъ, по выраженію Екатерины II, то, что «до него русскіе не дѣлали въ теченіе 800 лѣтъ», далъ первый въ исторіи русскаго военнаго искусства образецъ активныхъ дѣйствій на рѣкахъ, установилъ средства, облегчающія атаку оборонительной линіи, выяснилъ относительную легкость этого способа дѣйствій.

Сила крѣпости Силистріи, недостаточное число войскъ для ея взятія и для другихъ вспомогательныхъ назначеній, непрочность сообщеній съ пунктомъ переправы выдвинувшейся впередъ

арміи, крайняя трудность дальнѣйшей доставки запасовъ заставили Румянцева, по одержаніи имъ на правомъ берегу Дуная трехъ побѣдъ, согласно рѣшенія имъ собраннаго военнаго совѣта, отступить обратно за Дунай, а вскорѣ затѣмъ и закончить кампанію 1773 года. Это не помѣшало, однако, Екатеринѣ II наградить Румянцева за переправу за Дунай, и она къ его фамиліи вполнѣ справедливо добавила «Задунайскій».

Но недовольная обратнымъ переходомъ Румянцева черезъ Дунай и пользуясь побѣдой Суворова у Гирсова (3-го сентября 1773 года), Императрица потребовала, чтобы армія вновь немедленно вернулась на правый берегъ Дуная.

Румянцевъ въ виду поздняго времени не сочувствовалъ этой идеѣ и рѣшилъ начать наступательныя дѣйствія за Дунай весной 1774 года (съ появленіемъ подножнаго корма), конецъ же 1773 года употребить на приведеніе арміи въ порядокъ и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ.

Въ 1774 году Румянцевъ, которому теперь Екатерина II, убѣжденная его доводами и предшествующимъ опытомъ, предоставила полную мочь, рѣшилъ распространить наступательныя дѣйствія до самыхъ Балканъ, при чемъ въ основу своихъ операцій онъ положилъ идею, выраженную имъ такъ: «Я приложу стараніе поставить всѣ части во взаимную связь и тѣснить непріятеля, вовлекая его на бой въ полѣ изъ мѣстъ, на которыя безъ крайности не почитаю я полезнымъ вести поспѣшно атаку, и отваживать въ началѣ кампаніи людей на большую потерю».

Руководясь этой идеей, Румянцевъ, нетеряя людей и времени на взятіе крѣпостей, а оставивъ противъ нихъ лишь наблюденіе и изолировавъ ихъ, главныя свои силы одновременно и концентрически направилъ противъ арміи великаго визиря, находившейся въ Шумлѣ.

Побѣды Каменскаго при Базарджикѣ, Салтыкова—у Туртукая и особенно — Суворова подъ Козлуджей, въ связи съ организованнымъ Румянцевымъ набѣгомъ нашей конницы за Балканы въ тылъ Шумлинскаго прохода для перерыва связи Шумлы съ Адріанополемъ и рѣшимостью Румянцева двинуть свои главныя силы къ Шумлѣ, заставили турокъ заключить миръ, который и былъ подписанъ 10-го іюля 1774 года въ Кучукъ-Кайнарджи.

При веденіи операцій въ 1774 году Румянцевъ искусно руководилъ дѣйствіями отдѣльныхъ частей арміи, соотвѣтственно съ обстановкой ставя имъ частныя задачи и направляя ихъ отдѣльныя усилія къ достиженію общей главной цѣли кампаніи.

Напоминая постоянно подчиненнымъ генераламъ, что на войнѣ «не дни да часы, а и моменты дороги», Румянцевъ, однако,

предоставлялъ имъ полную свободу и самостоятельность въ достиженіи поставленныхъ имъ частныхъ задачъ.

Но въ эту кампанію Румянцевъ проявилъ не только высокое искусство полководца, онъ заявилъ себя также талантливымъ дипломатомъ, основывающимъ свои дѣйствія на хорошемъ знаніи свойствъ противника и его характера, на твердости и настойчивости, вытекающихъ изъ правильнаго пониманія интересовъ своего отечества, на умѣньи поддержать достоинство и честь великаго государства, представителемъ котораго онъ былъ.

По Кучукъ-Кайнарджійскому миру Россія пріобрѣла: города Азовъ, Керчь, Еникале и Кинбурнъ и степь между Днѣстромъ и Бугомъ, кромѣ крѣпости Очакова; южная граница Россіи къ востоку отъ Днѣпра была подвинута къ рѣчкамъ Бердѣ и Конскія Воды. Русскій флотъ получилъ такія же права плаванія по Черному и Средиземному морямъ, какъ флоты Англіи и Франціи. Крымъ признанъ Турціей самостоятельнымъ въ политическомъ отношеніи. Наконецъ, Турція уплатила Россіи контрибуцію въ 4,500,000 рублей.

Столь богатые результаты нашей первой Турецкой войны въ царствованіе Императрицы Екатерины II являются слѣдствіемъ высокаго полководческаго и дипломатическаго искусства Румянцева, а потому эта война по справедливости должна называться Румянцевской, какъ онъ самъ волей Государыни носитъ имя Задунайскаго.

Въ періодъ первой Турецкой войны, а также въ ближайшіе годы послѣ этой войны, когда онъ въ 1775 году вновь занялъ должность Малороссійскаго генералъ-губернатора и былъ назначенъ начальникомъ всей регулярной конницы, Румянцевъ много времени, силъ и труда посвящалъ организаціонно-административнымъ реформамъ, а также вопросамъ тактики, обученія и воспитанія войскъ.

Самой выдающейся реформой въ дѣлѣ организаціи пѣхоты царствованія Екатерины II было сформированіе егерей. Румянцевъ еще въ 1761 году подъ Кольбергомъ ввелъ егерей, которые дѣйствовали въ разсыпномъ строю. Этимъ опытомъ воспользовался Петръ Панинъ, командовавшій Финляндской дивизіей и сформировалъ у себя команду изъ 300 егерей, давъ ей первыя инструкціи для организаціи, обученія и дѣйствій.

Воинская Комиссія, учрежденная въ 1762 году для обсужденія военныхъ реформъ по весьма обширной программѣ, ознакомившаяся съ этой командой, нашла ее соотвѣтствующей службѣ легкихъ войскъ. Въ виду этого въ 1765 году было повелѣно сформировать въ 4-хъ западныхъ дивизіяхъ полковыя егерскія команды, въ составѣ 60 рядовыхъ, 4 унтеръ-офицеровъ и одного офицера каждая. Въ общей сложности эта мѣра дала 1650 человѣкъ от-

борныхъ прекрасно обученныхъ людей. Они вооружены были лучшимъ ружьемъ, имъ щедрѣе отпускались средства для обученія стрѣльбѣ, имъ дана была иная форма, амуниція. Выработаны были указанія относительно особенностей обученія, цѣлей, которыя при этомъ надлежало преслѣдовать; установленъ былъ нѣсколько отличный строй съ широкимъ примѣненіемъ дѣйствія въ одиночку «въ разсыпку».

Самое учрежденіе этихъ командъ, съ 1767 года выдѣленныхъ изъ общаго штата, и способъ ихъ боевого употребленія подготовляли естественнымъ путемъ принятіе въ нашей арміи разсыпного строя.

Число егерей постепенно увеличивалось, и, по мысли Румянцева, въ 1770 году полковыя егерскія команды были сведены въ отдѣльные егерскіе баталіоны. Румянцевъ настаивалъ на этомъ потому, что онъ придавалъ егерямъ особенно важное значеніе и что онъ считалъ необходимымъ никогда не разрушать цѣльность полка, къ чему приходилось прибѣгать, когда егеря составляли только полковыя команды.

Такимъ образомъ, Румянцевъ, выказывая вполнѣ правильный взглядъ какъ на назначеніе егерей, такъ и на сохраненіе цѣльности полка, оказалъ сильное вліяніе на развитіе у насъ егерскихъ войскъ.

Умѣлое пользованіе егерями Румянцевымъ, а затѣмъ и Суворовымъ въ первую Турецкую войну привело къ тому, что они оказали существенную пользу во всѣхъ случаяхъ боевой дѣятельности. Егеря встрѣтили горячаго сторонника въ лицѣ Потемкина, что обезпечило имъ не только существованіе, но и дальнѣйшее организаціонное развитіе. Дѣйствительно, въ 1767 году въ арміи было всего 3540 егерей; въ 1777 году—уже 6 баталіоновъ, въ 1788 году—24 баталіона, а къ концу царствованія Екатерины—всего 43 баталіона, которые составили 10 егерскихъ корпусовъ, по 4 баталіона въ каждомъ, и 3 отдѣльныхъ баталіона.

Придавая огромное значеніе кадрамъ запасныхъ частей для подготовки рекрутъ, Румянцевъ проектировалъ три категоріи гарнизонныхъ войскъ: крѣпостныхъ (собственно гарнизонныхъ) для пограничныхъ крѣпостей, вполнѣ способныхъ слѣдовать на усиленіе полевыхъ; губернскихъ,—исключительно для внутренней службы, и запасныхъ отдѣльныхъ баталіоновъ—для подготовки рекрутъ.

Взгляды Румянцева на конницу сводились къ тому, что онъ требовалъ отъ нея подвижности и силы удара холоднымъ оружіемъ; наиболѣе соотвѣтственнымъ типомъ ея онъ считалъ драгунскій; съ 1775 года стремится къ развитію у насъ драгунъ и къ образованію у насъ новаго вида конницы—легко-конныхъ полковъ, отличающихся отъ драгунскихъ только отсутствіемъ въ нихъ полковой артиллеріи.

Изъ Малороссійскихъ казаковъ Румянцевъ образовалъ 7 регулярныхъ полковъ Малороссійской конницы, которые Потемкинъ въ 1784 году преобразовалъ въ карабинеровъ; изъ трехъ охочеконныхъ полковъ Румянцевъ сформировалъ три легкоконныхъ полка, которые впослѣдствіи Потемкинымъ тоже были обращены въ карабинерные. Поселеннымъ коннымъ полкамъ Румянцевъ въ 1776 году придалъ болѣе прочную организацію и образовалъ Украинскую и Екатеринославскую конницы, предназначенныя для охраны нашихъ южныхъ границъ и составившія къ 1784 году достаточно подготовленный и надежный элементъ, которымъ весьма удачно воспользовался Потемкинъ для сформированія 15 легкоконныхъ полковъ.

Въ артиллеріи Румянцеву принадлежитъ идея уменьшенія калибровъ и устройства постоянныхъ батарей.

Развивая свои идеи относительно постоянныхъ высшихъ тактическихъ соединеній, Румянцевъ впервые высказываетъ мысль о формированіи постоянныхъ армій, сообразно съ особенностями пограничнаго театра военныхъ дѣйствій и вѣроятныхъ противниковъ, въ связи съ чѣмъ должна была быть установлена и дислокація арміи въ мирное время.

Въ бытность Румянцева Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ населеніе Малороссіи было привлечено для отбыванія воинской повинности, чѣмъ, съ одной стороны, увеличивался источникъ комплектованія арміи, а, съ другой стороны, воинская повинность распредѣлялась болѣе равномѣрно между жителями государства. Не безъ участія Румянцева окончательно былъ введенъ 25-лѣтній срокъ службы для нижнихъ чиновъ.

Съ 1777 года Румянцевъ настаивалъ на устройствѣ постоянныхъ округовъ комплектованія, т.-е. на принятіи у насъ территоріальной системы комплектованія, что, впрочемъ, не было проведено въ жизнь, и на томъ, чтобы каждый родъ войскъ комплектовался изъ населенія, способнаго по своимъ прирожденнымъ свойствамъ къ спеціальной службѣ. Въ этомъ отношеніи кое-что было достигнуто, такъ какъ конница преимущественно комплектовалась изъ южныхъ областей и частью изъ Бѣлоруссіи, а лѣсники Польши пополняли егерскія войска. Особое вниманіе Румянцевъ всегда обращалъ на боевую подготовку войскъ. Съ этой точки зрѣнія прежде всего необходимо отмѣтить изданіе имъ такъ называемаго «Обряда службы».

«Обрядъ службы» былъ изданъ Румянцевымъ въ 1770 году для того, чтобы сравнять чрезвычайно разнообразную подготовку полковъ, вошедшихъ въ составъ его арміи. Онъ являлся съ одной стороны дополненіемъ и исправленіемъ дѣйствующихъ тогда уставовъ, а съ другой стороны—мѣрой для объединенія многочисленныхъ инструкцій, изданныхъ въ то время различными начальниками.

Пѣхотный и кавалерійскій уставы, дѣйствовавшіе въ то время, были изданы Воинской Комиссіей въ 1763 году.

Несмотря на то, что Комиссіи было указано Императрицей на желательность уставныя формы ограничить строго необходимыми для боя, «чтобы ничѣмъ таковымъ въ экзерциціяхъ и маневрахъ люди напрасно къ единому только въ видѣ украшенія утруждаемы не были»; несмотря на то, что Воинская Комиссія сама признавала, что конница должна вести бой на конѣ, не злоупотребляя спѣшиваніемъ, и что на конѣ она должна быть готова «къ нападенію и разрыву пѣхотныхъ фронтовъ», несмотря на все это, уставы 1763 года почти совсѣмъ не отличались отъ уставовъ Елизаветинскаго времени, что съ несомнѣнностью указывало на крайне одностороннее использованіе опыта Семилѣтней войны.

Вотъ для дополненія этихъ уставовъ и были изданъ «Обрядъ службы». Въ основу «Обряда службы» Румянцевымъ были положены тѣ же идеи, которыя имъ были высказаны еще въ 1761 г. подъ Кольбергомъ.

Въ «Обрядѣ службы», который въ 1788 году съ небольшими измѣненіями, сдѣланными Потемкинымъ, принимается офиціально во всей арміи, Румянцевъ:

1) ввелъ какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ конницѣ двушереножный строй; 2) упростилъ ружейные пріемы; 3) упростилъ производство огня частями, чрезвычайно сложное и непрактичное по Уставу; 4) придалъ большее значеніе колоннамъ, обращая ихъ въ строй маневренный и боевой; 5) установилъ правила быстраго перестроенія изъ развернутаго строя; 6) установилъ въ конныхъ ученіяхъ аллюры не меньше рыси, а при атакахъ— «вскачь, имѣя саблю на-голо»; 7) ввелъ требованія отъ начальниковъ всѣхъ степеней обучать подчиненныя имъ войска только тому, что нужно на войнѣ.

Роль «Обряда службы» была очень велика, такъ какъ онъ далъ правильныя отправныя точки въ области боевой дѣятельности войскъ на ближайшее время, а впослѣдствіи Суворовъ, исходя изъ нихъ и въ связи съ опытомъ войны 1768—1774 г.г. на польскомъ и турецкомъ театрахъ, вырабатывалъ свой извѣстный образъ дѣйствій, свою систему. Въ это же время Румянцевымъ были даны указанія для дѣйствія артиллеріи, которыя являлись дополненіемъ къ изданному у насъ въ 1759 году «Наставленію для дѣйствія артиллеріи». Указанія Румянцева были изданы въ 1770 году подъ названіемъ «Наставленіе всѣмъ г.г. батарейнымъ командирамъ». Въ 1788 году это «Наставленіе» Потемкинъ предложилъ къ руководству частнымъ начальникамъ, бывшимъ у него въ непосредственномъ подчиненіи.

Въ «Наставленіи батарейнымъ командирамъ» говорится: 1) о походныхъ движеніяхъ артиллеріи, 2) о порядкѣ всѣхъ

дѣйствій при расположеніи артиллеріи на мѣстѣ послѣ марша и 3) о стрѣльбѣ.

Въ указаніяхъ относительно походныхъ движеній устанавливалась непремѣнная наличность при артиллеріи піонеровъ, на обязанности которыхъ лежало устраненіе всѣхъ препятствій для движенія; затѣмъ порядокъ движенія, при чемъ батареямъ указывалось двигаться въ колоннѣ въ одно орудіе, имѣя за каждымъ орудіемъ его зарядные ящики, т.-е. проводилась идея, что орудіе и его зарядный ящикъ составляютъ одно цѣлое.

Въ указаніяхъ относительно стрѣльбы проводилась мысль о необходимости стрѣлять преимущественно на среднія и ближнія дистанціи, не увлекаясь стрѣльбой на дистанціи дальнія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ «не всегда бываетъ желаемое дѣйствіе», къ тому же при стрѣльбѣ на болѣе ближнихъ дистанціяхъ «сверхъ сдѣланнаго ему (непріятелю) великаго урона можно соблюсти и заряды, которыхъ тогда менѣе издержано будетъ».

«Наставленіе» заканчивается чрезвычайно характерными для Румянцева словами, показывающими, насколько онъ былъ проникнутъ сознаніемъ необходимости частнаго почина: «впрочемъ, въ подробное о сей полезности описаніе я не вхожу болѣе, а отдаю на собственное примѣчаніе господъ офицеровъ, яко на искусныхъ артиллеристовъ».

Въ обученіи войскъ Румянцевъ рѣзко отличалъ одиночную подготовку солдата, какъ основаніе, отъ подготовки частей, при чемъ успѣхъ одиночной подготовки онъ обусловливалъ «трудолюбивымъ примѣромъ» младшихъ начальниковъ и простотою устава.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцевъ рѣзко подчеркивалъ, что образованіе солдата должно быть не сложное, но основательное, и что мирныя упражненія должны быть непосредственной подготовкой для боя. Ознакомленіе съ ружьемъ, обращеніе съ нимъ, стойка и маршировка безъ увлеченія, ружейные пріемы и стрѣльба— вотъ, что требовалъ Румянцевъ отъ обученія войскъ, при чемъ онъ особенно налегалъ на «скорый зарядъ и исправный прикладъ», т.-е. на стрѣльбу.

Въ дѣлѣ воспитанія войскъ Румянцевъ широко развивалъ идеи такъ называемыхъ «полковничьихъ» инструкцій, внося въ нихъ много самобытнаго.

Изданныя Воинской Комиссіей въ 1764 году (для пѣхоты) и въ 1766 году (для конницы) «полковничьи инструкціи» возстанавливали нѣкоторыя изъ забытыхъ въ арміи идей и постановленій Петра Великаго, касающихся воспитанія. Въ нихъ, между прочимъ, говорится, что необходимо «объяснять солдату силу и содержаніе воинскаго артикула, уставовъ и приказовъ, а паче что до солдата касается, изъяснять должность службы и требуе-

мую отъ солдата неустрашимую храбрость, и что никакіе страхи и трудности храбрость и вѣрность россійскихъ солдатъ никогда поколебать не могли, въ которыхъ число и онъ принятъ».

Далѣе въ инструкціяхъ указывалось, что солдатамъ должно быть внушено, что «солдатъ именемъ и чиномъ отъ всѣхъ прежнихъ его званій преимуществуетъ».

Затѣмъ инструкціи, обязывая полковыхъ и ротныхъ командировъ заботиться о подготовкѣ хорошаго солдата, указываютъ и путь къ этому, а именно: нравственное воспитаніе личности и дисциплина, основаніемъ которой должны служить чинопочитаніе, сознательное отношеніе къ воинскому долгу и развитіе нравственныхъ побужденій, на первомъ планѣ которыхъ ставится честолюбіе.

Тѣ же идеи инструкціи проводилъ въ жизнь Румянцевъ, который на первый планъ также выдвинулъ мѣры, способствующія развитію нравственнаго элемента: «высшее развитіе воинскаго долга, строгая, но сознательная дисциплина—не за страхъ только, а за совѣсть, утверждающая между командиромъ и подчиненными взаимное довѣріе и являющаяся «душою службы»; непосредственная работа офицеровъ для приведенія нижнихъ чиновъ въ приличное военнымъ людямъ состояніе; строгія и однообразныя требованія гарнизонной и внутренней службы; твердое знаніе солдатами ихъ правъ и обязанностей».

Изъ воспитательной школы Румянцева выходитъ цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей, которые разносятъ его идеи повсюду, и къ числу которыхъ принадлежатъ Воронцовъ, Потемкинъ и, наконецъ, Суворовъ.

Въ основѣ тактическихъ взглядовъ Румянцева лежали слѣдующія высказанныя имъ мысли: «Я того мнѣнія всегда былъ и буду, что нападающій до самаго конца дѣла все думаетъ выиграть, а обороняющійся оставляетъ всегда страхъ соразмѣрно сдѣланному на него стремленію», и «наступленіемъ можно унизить выгоды противника предъ своими невыгодами».

Исходя изъ этого, Румянцевъ для построенія боевого порядка намѣчаетъ слѣдующія отправныя точки:

1) Расчленить линейный порядокъ или общее каре, преимущественно употреблявшіеся до сихъ поръ, на части, негрузныя, поворотливыя, удобныя для движенія, маневрированія и удара въ штыки.

2) Придать этимъ частямъ боевого порядка такое построеніе, которое давало бы возможность встрѣчать атаку главнымъ образомъ непріятельской конницы, имѣющей сноровку окружать атакуемаго со всѣхъ сторонъ, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ.

Карт. Шубертъ.

Сдача Краковскаго замка въ 1771 году.

Карт. Норблин.

Суворовъ, объѣзжающій войска въ Италіи (Итальянскій походъ).

3) Эти части должны быть устойчивы, возможно нечувствительны къ прорыву, способны къ развитію огня, наиболѣе дѣйствительнаго.

4) Располагать и двигать эти части такъ, чтобы онѣ могли оказывать взаимное содѣйствіе огнемъ, а въ случаѣ возможности — и ударомъ въ штыки. Для этого начальникамъ частей боевого порядка нужно было предоставить извѣстную самостоятельность.

Наиболѣе соотвѣтствующимъ типомъ для построенія частей боевого порядка Румянцевъ признавалъ каре той или другой силы. Оно могло дѣйствовать ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ во всѣ стороны и болѣе другой формы построенія было способно сохранять сомкнутость рядовъ; при этомъ свойственныя русскому солдату стойкость и выдержка благопріятствовали отраженію первыхъ наиболѣе опасныхъ ударовъ турокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцевъ сознавалъ, что конница наша слабѣе непріятельской, что ей нужно дать точку опоры, даже укрытіе за пѣхотою или въ ея интервалахъ до наступленія благопріятной минуты.

Въ виду этого, согласно ордръ де батайль, установленному Румянцевымъ, армія, раздѣленная на три дивизіи, должна была строиться въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ:

Каждая пѣхотная дивизія составляетъ отдѣльное каре и всѣ онѣ строятся въ одну линію: въ центрѣ — болѣе сильная, другія — по флангамъ; кавалерія — въ интервалахъ между дивизіями и на флангахъ боевого порядка; полковыя орудія — по угламъ каждаго каре, полевыя — передъ ихъ фасами въ 60 шагахъ.

Среднее каре — по фигурѣ продолговатое, передній и задній фасы — вдвое длиннѣе боковыхъ, другіе два — квадраты.

Въ такомъ боевомъ порядкѣ каре предоставлялась маневренная самостоятельность, и они связываются въ своихъ дѣйствіяхъ только общею внутреннею идеею боя, почему взаимное удаленіе и расположеніе ихъ различно въ каждомъ частномъ случаѣ. Наступленіе въ одну линію не является правиломъ. Осаженное уступомъ назадъ, то или другое каре играетъ роль резерва и даетъ возможность полководцу сосредоточить къ различнымъ точкамъ поля сраженія превосходныя силы.

Впослѣдствіи Румянцевъ, по условіямъ боя, дивизіонныя каре расчленяетъ на нѣсколько меньшихъ, выдвигая впередъ и на фланги егерей, которые или строятся въ каре или же дѣйствуютъ «въ разсыпку».

Указанный боевой порядокъ Румянцева обладаетъ: гибкостью, т.-е. способностью, сообразно мѣстности и дѣйствію противника, измѣнять внѣшнія формы; подвижностью, предоставляющей возможность принять участіе въ бою всѣмъ родамъ войскъ;

онъ обезпечиваетъ взаимную поддержку; предоставляетъ артиллеріи видную роль въ подготовкѣ удара.

Только размѣщеніе кавалеріи противорѣчитъ основнымъ свойствамъ этого рода войскъ. Причины указаны выше. Но ставя конницу подъ укрытіе пѣхоты, Румянцевъ принимаетъ мѣры къ поднятію боевого ея значенія.

Какъ же построенная въ такой боевой порядокъ армія должна была вести бой, по мнѣнію Румянцева?

Отвѣтъ на это можно найти въ одной изъ его инструкцій, въ которой преподаны важнѣйшія указанія, оригинальныя и правильныя по идеѣ, для веденія наступательнаго боя:

1) Предварительная подготовка удара артиллеріей, которой предоставляется извѣстная свобода въ выборѣ позицій, и отъ которой требуется искусство, «вѣрный взглядъ военный», опредѣлять, противъ какихъ пунктовъ непріятельскаго расположенія сосредоточивать свой огонь.

2) Пѣхотѣ своимъ мало дѣйствительнымъ огнемъ не увлекаться, начальникамъ предоставить подготовку артиллеріи и, слѣдя за дѣйствіемъ ея, ловить минуту для наступленія, которое производить быстро «со всѣмъ военнымъ звукомъ» и атаковать въ штыки.

Къ частнымъ начальникамъ, какъ видно, предъявлялись новыя требованія, о чемъ и рѣчи не было при пользованіи линейнымъ порядкомъ.

Понять общее положеніе дѣлъ, уловить удобную минуту для дѣйствія, принять на собственный страхъ рѣшеніе,—все это являлось необходимымъ для исполненія идей, приведенныхъ въ вышеупомянутой инструкціи Румянцева.

Въ тактикѣ походныхъ движеній для Румянцева типичнымъ является его маршъ-маневръ въ 1770 году отъ Хотина долиною Прута.

Здѣсь онъ ведетъ армію въ семи колоннахъ, при чемъ распредѣленіе войскъ по колоннамъ и величина интерваловъ между ними соображены такъ, что въ каждую данную минуту армія можетъ выстроить указанный выше боевой порядокъ.

Такое движеніе разъединенными группами, сосредоточиваемыми только къ полю сраженія,—идея современныхъ намъ маршей-маневровъ—выдвинуло опять-таки запросъ на самостоятельность частныхъ начальниковъ.

Съ 1775 года началъ возвышаться Потемкинъ, и съ этого времени всѣ военные вопросы мало-по-малу стали переходить въ его руки.

Впрочемъ, до 1780 года Румянцевъ имѣлъ еще довольно замѣтное вліяніе на военно-административныя реформы. Кромѣ того, въ этотъ же періодъ (съ 1775 по 1780 годъ) имъ была про-

изведена громаднѣйшая работа по подготовкѣ мирнаго завоеванія Крыма, чѣмъ всецѣло воспользовался впослѣдствіи Потемкинъ, осуществивъ основныя идеи Румянцева по заселенію южнаго края и по присоединенію Крыма.

Сущность взглядовъ, высказанныхъ Румянцевымъ въ это время по военно-административнымъ вопросамъ, сводится къ слѣдующему:

1) Устройство вооруженныхъ силъ государства должно быть строго соображено съ историческими и географическими особенностями Россіи, по которымъ мы «мало сходствуемъ съ другими европейскими народами», а потому надо въ «приличномъ только подражать» иностранцамъ.

2) Благосостояніе нашей арміи всецѣло зависитъ отъ благосостоянія народа, дающаго и людей, и деньги, а потому особенно важно сберегать народныя силы, чтобы... «несоразмѣрнымъ и безповоротнымъ взиманіемъ не оскудѣть народъ».

3) Соблюденіе строгой соразмѣрности расходовъ на военныя потребности съ другими государственными надобностями и согласное дѣйствіе разныхъ управленій—тоже одно изъ коренныхъ основаній, а безъ того—«или часть воинская будетъ въ нестроеніи и терпѣть недостатки или (будутъ) другія чувствительныя угнетенія».

Наконецъ, Румянцевъ высказывался за возможно широкое развитіе военныхъ школъ.

Что касается Крыма, то дѣло его присоединенія Румянцевъ велъ весьма тонко и искусно, выказывая въ одинаковой мѣрѣ какъ крупный военный талантъ, такъ и незаурядное дипломатическое дарованіе. Результатомъ его трудовъ было: обезсиленіе Крыма, сформированіе тамъ нашей партіи и организація мѣстнаго правительства, которое всецѣло зависѣло отъ Россіи. Все это настолько подготовило почву для дальнѣйшей здѣсь дѣятельности Потемкина, что послѣдняя является лишь результатомъ дѣятельности Румянцева, и простая справедливость требуетъ признать, что славу безкровнаго присоединенія Тавриды князь Таврическій долженъ раздѣлить съ графомъ Задунайскимъ.

Во все время съ 1774 по 1779 годъ графъ Румянцевъ жилъ въ Малороссіи, въ своихъ имѣніяхъ—Вишенькахъ, Ташани, Гомелѣ; исполнителями-же его распоряженій были: Прозоровскій, Суворовъ, Бринкъ и друг.

Предоставляя своимъ непосредственнымъ помощникамъ полную самостоятельность, Румянцевъ изъ своего кабинета слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, согласовалъ и направлялъ дѣятельность всѣхъ и каждаго къ одной цѣли, что и приводило всѣ дѣйствія нашихъ генераловъ въ Крыму и на Кубани къ полному успѣху.

Совершенное знаніе людей и страны, безошибочная оцѣнка обстоятельствъ, правильный выборъ средствъ, точный расчетъ,

отсутствіе надежды лишь на удачу,—вотъ тѣ свойства, которыя всегда были присущи Румянцеву, и которыя въ Крыму выказали его подчиненные, являясь, несмотря на всю свою самостоятельность, лишь точными исполнителями воли и указаній фельдмаршала, насколько это, конечно, было необходимо въ установленіи единства мысли и согласованности въ развитіи операціи.

При этомъ Румянцеву неоднократно приходилось высказывать, что главнѣйшими правилами военнаго искусства онъ считаетъ: не раздроблять своихъ силъ, охранять свои сообщенія и обезпечивать взаимное содѣйствіе войскъ.

Съ 1780 года Потемкинъ рѣшительно выдвигается въ первые ряды сотрудниковъ Государыни и затмеваетъ Румянцева, который во многомъ не сходился съ могущественнымъ уже тогда любимцемъ Екатерины.

Румянцевъ продолжалъ выполнять обязанности Малороссійскаго губернатора и хотя время отъ времени былъ награждаемъ Императрицей, но значенія и вліянія уже не имѣлъ.

Однако, во 2-ю Турецкую войну, начавшуюся въ 1787 году, командованіе одной изъ дѣйствующихъ армій было вручено Румянцеву.

Послѣ блестящей Кинбурнской операціи Суворова въ 1787 году, сохранившей намъ Крымъ, въ 1788 году рѣшено было дѣйствовать двумя арміями: Екатеринославская, подъ начальствомъ Потемкина, должна была взять Очаковъ; Украинская армія, подъ начальствомъ Румянцева, должна была поддерживать австрійцевъ у Хотина, прикрывать Польшу и обезпечивать осаду Очакова при условіи, что Бендеры находились въ рукахъ турокъ.

Такимъ образомъ, Румянцевъ съ арміей въ 40000 человѣкъ долженъ былъ прикрывать 400-верстное пространство.

Въ 1789 году Румянцевъ предполагалъ открыть кампанію наступленіемъ долиною Прута къ Дунаю, но въ мартѣ этого года фельдмаршалъ, по указанію Потемкина, былъ отозванъ отъ арміи, которая также поручалась князю Таврическому.

Послѣ сдачи арміи во временное командованіе, до прибытія изъ Петербурга Потемкина, князю Репнину Румянцевъ, несмотря на неудовольствіе Императрицы, оставался жить въ Яссахъ въ надеждѣ снова получить командованіе войсками въ томъ случаѣ, если бы Потемкинъ, по какимъ-либо причинамъ, отказался отъ таковаго.

Нелегко было развѣнчанному герою, всѣми позабытому, заброшенному, проживать въ томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ еще такъ недавно пользовался громаднымъ вліяніемъ и почетомъ, но сознаніе возможности еще послужить Россіи своимъ талантомъ заставляло Румянцева терпѣть весь нравственный гнетъ личнаго самолюбія и жертвовать собой.

Лишь Суворовъ нѣсколько смягчалъ тяжесть положенія своего бывшаго главнокомандующаго: не слѣдуя примѣру другихъ, Суворовъ часто посѣщалъ Румянцева, въ торжественные дни являлся къ нему въ парадной формѣ, посылалъ ему вторые экземпляры всѣхъ своихъ донесеній и распоряженій.

Въ 1790 году Румянцевъ удалился, наконецъ, въ свою деревню Ташань, гдѣ получилъ послѣ заключенія Ясскаго мира шпагу, украшенную бриллiантами, съ надписью «За занятіе части Молдавіи въ началѣ войны».

Начавшаяся въ 1794 году третья Польская война и возможность новаго столкновенія съ Турціей заставили вспомнить Румянцева, и предположенія его сбылись. Въ этомъ году Екатерина II писала престарѣлому фельдмаршалу: «Я слышала о лучшемъ состояніи теперь здоровья Вашего, обрадовалась и желаю, чтобы оно дало Вамъ новыя силы раздѣлить со мною тягости мои; ибо Вы сами довольно знаете, сколь отечество помнитъ Васъ, содержа незабвенно всегда заслуги Ваши въ сердцѣ своемъ; знаете также и то, сколь много и все войско самое любитъ Васъ и сколь оно порадуется, услыша только, что обожаемый Велизарій опять ихъ пріемлетъ, какъ дѣтей своихъ, въ свое попеченіе».

Роль Румянцева въ 1794 году, когда онъ былъ назначенъ командовать войсками на югѣ на случай войны съ Турціей, не была активной. Однако, онъ оказалъ большое вліяніе на ходъ войны въ Польшѣ, правильно оцѣнивъ обстановку на польскомъ театрѣ и предписавъ туда отправиться Суворову.

Румянцевъ умеръ 8-го декабря 1796 года.

Современники Румянцева такъ оцѣнивали его: Императрица Екатерина говорила, что онъ «займетъ въ ея вѣкѣ несомнѣнно превосходное мѣсто предводителя, искуснаго и усерднаго». Суворовъ о Румянцевѣ выражался такъ: «Ему нѣтъ равнаго... Суворовъ—ученикъ Румянцева».

Солдаты, которыхъ Румянцевъ не разъ водилъ къ побѣдамъ, оцѣнивали его, обращаясь къ нему съ краткими, но многознаменательными словами: «Ты—прямой солдатъ».

Знаменитый историкъ Карамзинъ такъ характеризуетъ Румянцева:

«Задунайскаго можно смѣло назвать Тюреномъ Россіи. Онъ былъ мудрый полководецъ, зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойствамъ; мало вѣрилъ слѣпому случаю и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницательнымъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы

въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный геніемъ натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы въ глубинѣ сердца, если бы кто-нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія».

Въ настоящее время мы, ознакомившись съ боевыми дѣяніями Румянцева, съ его административно-организаціонными взглядами, проводимыми имъ въ жизни, съ его мыслями о военномъ дѣлѣ, должны, не боясь преувеличенія, сказать, что Румянцевъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые одарены печатью военнаго генія, и что, поэтому, онъ долженъ быть поставленъ въ немногочисленные ряды великихъ полководцевъ.

б) Ларго-Кагульская операція.

1) Краткій очеркъ кампаніи 1769 года.

Послѣ того, что было сдѣлано Петромъ и Анной на пути разрѣшенія турецкаго вопроса, ближайшей цѣлью Екатерины на этомъ пути было завоеваніе Крыма и утвержденіе на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, что, съ одной стороны, давало Россіи на югѣ естественныя границы, а съ другой—служило важнымъ этапомъ на пути обращенія Чернаго моря въ русское море и завладѣнія свободнымъ выходомъ изъ него.

При такихъ обстоятельствахъ борьба съ Турціей въ царствованіе Екатерины являлась неизбѣжной.

Несмотря, однако, на всѣ старанія французовъ, а также бѣжавшихъ въ Турцію польскихъ конфедератовъ, турецкій султанъ Мустафа II долго уклонялся отъ навязываемой ему войны и еще въ началѣ 1768 года объявилъ всѣмъ сторонникамъ войны съ Россіей, что «Турція не намѣрена вмѣшиваться въ дѣла конфедератовъ, потому что всѣ ея дѣйствія клонятся только къ охраненію ея собственной чести и спокойствія».

Вызвавъ искусственно столкновеніе между татарами и гайдамаками на р. Кодымѣ у м.м. Балты и Голты, добились того, что мусульманская кровь была пролита русскими на землѣ, принадлежавшей Портѣ.

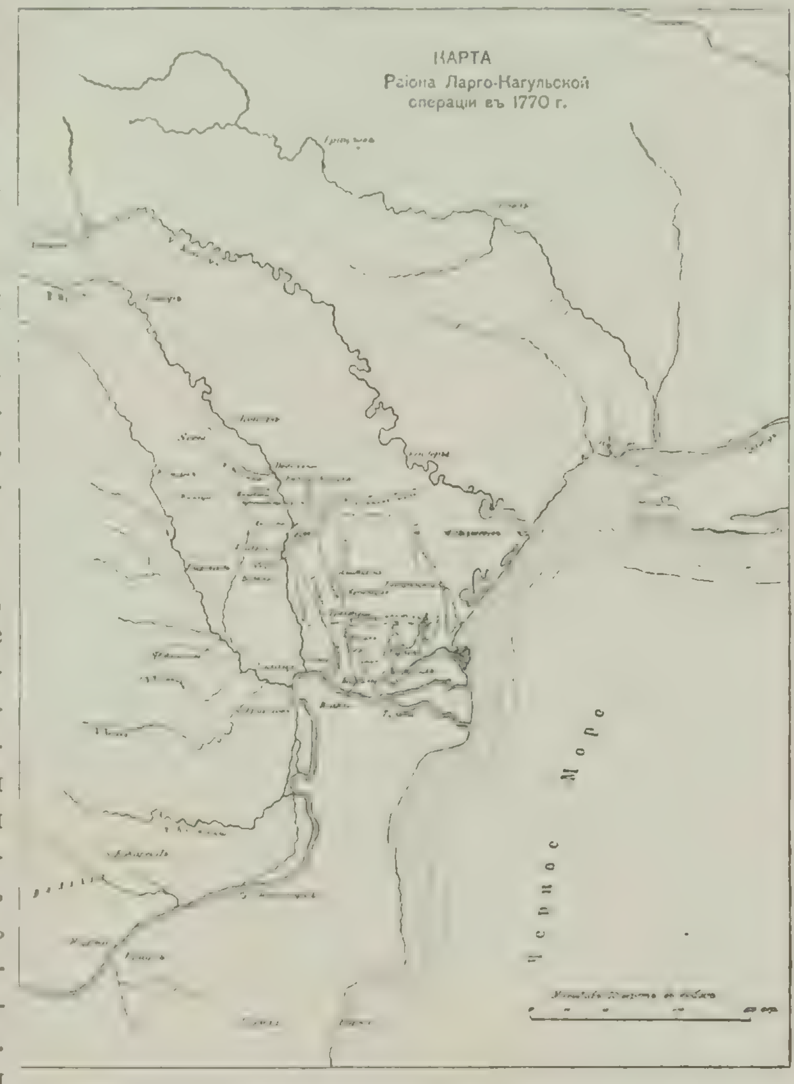
Фактъ этотъ и послужилъ предлогомъ для объявленія намъ Турціей войны въ концѣ 1768 года.

Объявивъ Россіи войну, Турція рѣшила дѣйствовать наступательно.

Пользуясь слабой защитой нашего пограничнаго съ нею пространства, Турція предполагала произвести вторженіе въ наши предѣлы съ трехъ сторонъ: главной арміей верховнаго визиря,

силой около 400000 человѣкъ, отъ Адріанополя къ Хотину и далѣе къ Варшавѣ, а оттуда на Кіевъ и Смоленскъ.

Другая армія—Крымскаго хана, численностью въ 60000 человѣкъ, должна была вторгнуться въ предѣлы Россіи со стороны Крыма, и наконецъ, третья армія, посаженная на суда, имѣла назначеніемъ высадиться въ Азовскомъ морѣ, овладѣть Таганрогомъ и Азовомъ и, соединившись съ горцами Кавказа, двинуться къ Астрахани.

Для рѣшенія вопроса о планѣ войны со стороны Россіи 4-го ноября 1768 года былъ собранъ въ Петербургѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императрицы, военный совѣтъ, который прежде всего единодушно рѣшилъ вести войну наступательную и постановилъ для операцій противъ турокъ сформировать двѣ арміи: главную, подъ начальствомъ кн. Голицына для овладѣнія Каменецъ-Подольскомъ и Хотинымъ и вторую армію гр. Румянцева, численностью до 40000 человѣкъ, сосредоточиваемую у Екатеринослава и у Бахмута, для прикрытія южныхъ границъ государства.

Дѣйствія арміи кн. Голицына въ 1769 году, несмотря на ея наступательную задачу, были крайне медленны и нерѣшительны: только 10-го сентября ему удалось занять кр. Хотинъ.

Вторая армія, бывшая подъ начальствомъ Румянцева, пока первая оперировала у Хотина, двинулась къ Бугу, при чемъ,

искусно организуя это движеніе и высылая сильные передовые отряды, доходившіе до Бендеръ, гр. Румянцевъ ввелъ въ заблужденіе визиря относительно своихъ силъ. Это и послужило главной причиной бездѣйствія визиря и его нерѣшительности вторгнуться въ Новороссію и итти всѣми силами къ Хотину. Когда же Голицынъ окончательно отошелъ за Днѣстръ, то вторая армія расположилась на зимнихъ квартирахъ по обѣ стороны Днѣпра около Кременчуга.

2) Кампанія 1770 года.

а) Событія до сраженія у Рябой Могилы.

По предположеніямъ Военной Коллегіи для дѣйствій противъ турокъ въ кампаніи 1770 года было назначено 148000 человѣкъ съ 40000 разныхъ нерегулярныхъ войскъ.

Всѣ эти войска распредѣлялись на двѣ арміи и 4 отдѣльныхъ корпуса.

Первая армія — гр. Румянцева — 71000 чел., 162 орудія, 9000 нерегулярныхъ.

Вторая армія—гр. Панина—$33^1/_2$ т. человѣкъ, 97 орудій и 2000 нерегулярныхъ.

Крымскій корпусъ—$7^1/_2$ т. регулярныхъ и 14 т. нерегулярныхъ, 87 орудій.

Польскій корпусъ—13 т., 38 орудій, 2500 нерегулярныхъ.

Кубанскій корпусъ—600 регулярныхъ, 4 орудія и 12 т. нерегулярныхъ.

Закавказскій корпусъ—3 т. регулярныхъ, 12 орудій, 500 человѣкъ нерегулярныхъ.

17-го сентября Румянцевъ съ небольшимъ конвоемъ изъ Малороссійскихъ казаковъ прибылъ къ арміи, которая располагалась, попрежнему, у Меджибожа.

Не зная еще точно намѣреній Петербургскаго совѣта и того плана на 1770 годъ, который вытекалъ бы изъ этихъ намѣреній, Румянцевъ, ознакомившись съ общимъ положеніемъ дѣлъ, ставитъ себѣ ближайшей цѣлью: сильнымъ передовымъ корпусомъ прочно занять Молдавію и подготовить, въ зависимости отъ обстоятельствъ, наивыгоднѣйшее стратегическое положеніе для наступательныхъ операцій весной 1770 года.

Такое рѣшеніе вызвало со стороны Румянцева:

Во-1-хъ, —высылку сильнаго корпуса въ Молдавію.

Во-2-хъ,—соотвѣтственное расположеніе своихъ главныхъ силъ на зимнихъ квартирахъ.

Въ-3-хъ,—установленіе, насколько возможно, тѣсной связи со второй арміей, которая была отдѣлена отъ первой громаднымъ разстояніемъ въ 400 верстъ.

Осада Очакова 6-17 декабря 1788 г. подъ начальствомъ кн. Потемкина.

Румянцевъ усилилъ войска, занимавшія Яссы, пятью пѣхотными полками и, передавъ начальствованіе надъ ними и надъ всѣмъ краемъ, занятымъ нашими войсками, генералъ-поручику Штофельну, приказалъ послѣднему прочно занимать Молдавію и высылать значительныя партіи для развѣдокъ къ Браилову, къ Галацу и Бендерамъ.

Составъ корпуса Штофельна былъ слѣдующій: 8 батал. гренадеръ, 3 батал. егерей, 7 пѣхотныхъ и 11 гусарскихъ полковъ.

Главныя силы своей арміи Румянцевъ расположилъ подъ прикрытіемъ Хотина за Днѣстромъ.

Для установленія же связи со 2-й арміей Румянцевъ выслалъ изъ своей арміи лѣвымъ берегомъ Днѣстра, къ Бендерамъ, отрядъ легкихъ войскъ кн. Прозоровскаго, который долженъ былъ соединиться около Бендеръ съ отрядомъ Витгенштейна.

Планъ кампаніи 1770 года, составленный въ Петербургѣ, сводился къ слѣдующему: 2-й арміи гр. Панина вести правильную осаду Бендеръ, а 1-й арміи гр. Румянцева—прикрывать эту осаду.

Пользуясь тѣмъ, что, давая ему задачу, не опредѣлили способа, какимъ онъ долженъ былъ выполнить прикрытіе осады Бендеръ, Румянцевъ, вѣрный своей наступательной тенденціи и признававшій, что если живая сила противника стоитъ на пути выполненія намѣченной задачи, то лучшій способъ дѣйствій—энергично наступать на нее, рѣшилъ двинуться «между Прутомъ и Серетомъ, и не допустить непріятелю свободный переходъ на лѣвую сторону Дуная, какъ отъ Браилова и Исакчи, такъ и черезъ Валахію со стороны Виддина и Орсовы».

Въ виду осуществленія своей основной идеи операціи, Румянцевъ приказалъ Штофельну при первой возможности начать энергичныя дѣйствія.

Выдвинувъ впередъ корпусъ Штофельна, Румянцевъ свои главныя силы располагаетъ на зимнихъ квартирахъ между Збручемъ и Бугомъ.

Армія Румянцева въ это время была раздѣлена на три дивизіи и резервъ и состояла изъ 58 баталіоновъ, 60 эскадроновъ и 103 орудій.

11-го ноября передовой отрядъ Штофельна, въ составѣ 1000 человѣкъ пѣхоты, послѣ боя противъ 6—7-тысячнаго отряда лучшей пѣхоты и конницы турокъ, занялъ Галацъ.

Затѣмъ вмѣсто указаннаго ему овладѣнія Браиловымъ Штофельнъ ставитъ себѣ задачей занятіе Валахіи.

Но Румянцевъ немедленно высылаетъ къ Штофельну резервъ Потемкина, усиливъ его еще двумя пѣхотными полками, и настойчиво повторяетъ приказаніе немедленно взять Браиловъ.

Между тѣмъ, турки въ Валахіи сами перешли въ наступленіе, и овладѣть Браиловымъ намъ не удалось. Въ результатѣ въ

февралѣ мѣсяцѣ Штофельнъ сосредоточилъ свои войска, дѣйствующія въ Валахіи, къ Бухаресту, имѣя сильный резервъ въ Фокшанахъ.

Вскорѣ руководство операціями передового корпуса было передано въ руки кн. Николая Репнина, а Штофельнъ остается только генералъ-губернаторомъ занятаго края.

Лишенія, испытываемыя войсками, побудили Румянцева рѣшиться на очищеніе Валахіи и южной части Молдавіи. Румянцевъ самъ отлично понималъ, что это произведетъ весьма невыгодное впечатлѣніе, но онъ рѣшается на это, чтобы имѣть возможность при измѣнившейся обстановкѣ выполнить основную мысль своего плана—активными дѣйствіями прикрыть осаду Бендеръ; для этого онъ считаетъ необходимымъ сосредоточить всѣ свои силы на Прутѣ между Бендерами и Яссами, а сосредоточившись, броситься на врага къ устьямъ рр. Прута и Серета. Это движеніе привело его къ бою при Рябой Могилѣ 17 іюня 1770 г., въ которомъ гр. Румянцевъ, имѣя 65 бат., 50 эскадр., 5 гус. полк. и 115 ор. (42.000 ч.), разбилъ на-голову 72-тыс. отрядъ турокъ и татаръ, занявшій сильную позицію на лѣвомъ берегу р. Калмацуй. Побѣда эта была добыта, главнымъ образомъ, благодаря искусному маневрированію арміи гр. Румянцева.

Конница преслѣдовала противника на протяженіи 20 верстъ; пѣхота же Бауэра и Репнина—на разстояніи 10—6 верстъ.

Къ вечеру вся армія Румянцева сосредоточилась у дер. Тимликишъ, на рѣкѣ Лопушна, верстахъ въ 4—5 отъ мѣста сраженія.

Потери непріятеля были довольно значительны: однихъ убитыхъ, неподобранныхъ при отступленіи, найдено нами было до 400 человѣкъ. Наши потери были совершенно ничтожны и не превосходили 50-ти человѣкъ, выбывшихъ изъ строя за все время дѣйствія съ 15-го іюня.

в) Сраженіе при Ларгѣ.

Побѣда Румянцева при Рябой Могилѣ установила господство русскихъ въ долинѣ р. Прута, за исключеніемъ его низовьевъ, и обезпечила связь со второй арміей. Однако, недостатокъ свѣдѣній о непріятелѣ, вслѣдствіе потери соприкосновенія съ нимъ, дѣлалъ обстановку для Румянцева совершенно невыясненной; первой его заботой являлось производство развѣдки.

Рѣшивъ оставить свои главныя силы на лѣвомъ берегу Прута, онъ высылаетъ впередъ три авангарда: одинъ – Потемкина—по правому берегу Прута и два Бауэра и Репнина—по лѣвому берегу; главныя силы три дня оставались близъ поля сраженія при Рябой Могилѣ.

Уже 21-го іюня Румянцевъ получилъ отъ Потемкина донесеніе, что его разъѣздъ обнаружилъ непріятеля впереди р. Елани.

26-го іюня онъ достигаетъ Фальчи. Бауэръ въ этотъ день прибылъ къ р. Тегечи противъ Фальчи.

Главныя силы находились въ этотъ день у р. Сороты. Впереди ихъ уступомъ влѣво находился авангардъ Репнина противъ д. Цыганки.

30-го іюня Румянцевъ прибылъ къ мѣсту расположенія Бауэра, и здѣсь имъ были получены свѣдѣнія, что непріятель въ

значительныхъ силахъ замѣченъ въ 25 верстахъ впереди Бауэра на лѣвомъ берегу Прута около р. Ларги. На правомъ же берегу турки отступили передъ наступавшимъ авангардомъ Потемкина.

Румянцевъ тотчасъ двинулъ къ Ларгѣ авангардъ Бауэра, а за нимъ и авангардъ Репнина.

Въ это время Румянцевъ получилъ извѣстіе съ Дуная, что визирь все еще стоитъ у Исакчи и никакъ не можетъ построить тамъ прочнаго моста, однако, успѣлъ уже выслать до 20 т. на присоединеніе къ войскамъ, сосредоточеннымъ на р. Ларгѣ.

Румянцевъ принимаетъ рѣшеніе атаковать и разбить непріятельскую армію, сосредоточенную на р. Ларгѣ, прежде чѣмъ къ ней присоединятся высланныя съ Дуная подкрѣпленія.

Принявъ такое рѣшеніе, Румянцевъ ближайшей цѣлью ставитъ себѣ сосредоточеніе къ бою возможно большаго числа изъ своихъ войскъ. Для этого онъ всѣ войска, находившіяся на правомъ берегу Прута, переводитъ на лѣвый и только у мостовъ въ Фальчахъ былъ оставленъ незначительный отрядъ Каковинскаго. Сосредоточеніе арміи, начавшееся 2-го же іюля, было совершенно закончено 5-го числа.

Непріятельская армія, силой до 80,000 человѣкъ, изъ которыхъ 15,000 было турокъ и 65,000 татаръ, занимала чрезвычайно сильную, по мѣстнымъ условіямъ и хорошему укрѣпленію, позицію при сліяніи рр. Ларги и Прута.

Позиція представляла собой возвышенное плато, которое образовывалъ высокій и крутой лѣвый берегъ р. Ларги, командовавшій надъ правымъ его берегомъ.

Въ самой западной своей части, которая, собственно, и была занята турками, плато было разрѣзано двумя крутыми оврагами, впадающими въ р. Ларгу и препятствующими свободному сообщенію вдоль позиціи.

Съ фронта позиція прикрывалась р. Ларгой, непроходимой въ бродъ. Лѣвый флангъ позиціи обезпечивался р. Прутомъ и ея болотистой долиной.

Съ юго-востока и съ юга позиція турокъ ограничивалась широкой долиной р. Бабикула, имѣющей довольно высокія и крутые берега.

Отмѣченное взаимное расположеніе рр. Ларги и Бабикула приводило къ тому, что, окруженная со всѣхъ сторонъ, она только съ восточной стороны на правомъ флангѣ имѣла открытый выходъ. Этотъ выходъ, лежащій между рр. Ларгой и Бабикуломъ, достигалъ ширины до 4-хъ верстъ и имѣлъ при данныхъ условіяхъ чрезвычайное значеніе: черезъ него проходили пути отступленія съ позиціи къ Бендерамъ; онъ дѣлалъ правый флангъ позиціи наиболѣе слабымъ; онъ, наконецъ, являлся наиболѣе удобнымъ подступомъ для атаки непріятельскаго расположенія. Позиція турокъ за р. Ларгой была наиболѣе уязвима съ праваго фланга.

Турки прекрасно оцѣнивали какъ выгодныя, такъ и невыгодныя стороны своей позиціи; они построили четыре ретраншамента: три — на фронтѣ позиціи между оврагами, его раздѣляющими, а четвертый—на правомъ флангѣ, въ видѣ подковы, для прегражденія удобнѣйшихъ подступовъ къ позиціи и съ цѣлью затруднить ея обходъ съ этой стороны.

Вообще же, всѣ укрѣпленія въ совокупности способствовали пассивной оборонѣ противника и облегчали ему отраженіе одновременныхъ ударовъ съ фронта и съ открытаго праваго фланга.

Пѣхота противника заняла всѣ укрѣпленія, а конница (60,000 чел.) сосредоточилась за правымъ флангомъ, имѣя назначеніемъ дѣйствовать активно въ широкой Бабикульской долинѣ.

Румянцевъ рѣшилъ въ основу предстоящаго боя положить слѣдующую идею: демонстрируя съ фронта, нанести рѣшительный ударъ въ правый флангъ противника.

Взявъ въ основаніе боя эту идею, Румянцевъ, въ зависимости отъ условій мѣстности и свойствъ противника, а также принимая во вниманіе опытъ сраженія при Рябой Могилѣ, при составленіи плана боя вноситъ существенныя противъ прежняго поправки. Эти поправки, съ одной стороны, свидѣтельствуютъ о дальнѣйшемъ развитіи тѣхъ новыхъ началъ въ веденіи боя и въ построеніи боевого порядка, которыя были намѣчены Румянцевымъ и отчасти проведены имъ въ жизнь при Рябой Могилѣ, а съ другой стороны онѣ указываютъ на стремленіе Румянцева принимать болѣе смѣлыя рѣшенія, полнѣе соотвѣтствующія природѣ наступательнаго боя.

Составленный Румянцевымъ планъ для атаки турокъ и татаръ, расположившихся на позиціи за р. Ларгой, сводился, согласно заблаговременно отданной диспозиціи, къ слѣдующему:

1) Для атаки назначались всѣ войска, находившіяся въ рукахъ Румянцева. Къ полю сраженія не былъ притянутъ только 2000-ый отрядъ Каковинскаго, который имѣлъ задачу прикрывать мосты у Фальчи.

2) Для наступленія всѣ войска были раздѣлены на три группы: а) правая группа подъ начальствомъ Племянникова, 11 бат. 6 эск. и 25 ор., численностью до 6000 человѣкъ; б) лѣвая группа, состоявшая изъ двухъ частей—отрядовъ Бауэра и кн. Репнина: первый до 4000 чел. (6 бат., 14 ор.) и второй—до 11 тыс. чел. (23 бат. и 30 ор.); в) главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ Румянцева, въ составѣ 24 баталіоновъ, 42 эскадроновъ регулярной конницы, 50 орудій и 2000 гусаръ, общей численностью въ 19,000 человѣкъ, изъ которыхъ 11,000 пѣхоты и 8,000 человѣкъ конницы.

3) Задачи каждой группы были слѣдующія: а) правая группа Племянникова должна была наступленіемъ съ первымъ разсвѣтомъ на центръ непріятельской позиціи привлечь на себя вниманіе и силы турокъ, а затѣмъ перейти къ рѣшительной атакѣ одновременно съ войсками, атакующими во флангъ и «нанесть ему ужасъ и вредъ..., ударивъ на противостоящихъ или бѣгущихъ прочь, что будетъ дѣломъ» — говоритъ Румянцевъ — «вашего (Племянникова) искусства и предусмотрительности»; б) лѣ-

выя группы Бауэра и Репнина должны были, по наведеннымъ Бауэромъ мостамъ, скрытно переправиться въ строго установленномъ порядкѣ черезъ Ларгу значительно выше непріятельскаго лагеря, занять хребетъ, идущій къ его правому флангу, и сначала прикрыть переправу главныхъ силъ, а затѣмъ наступать по отмѣченному хребту и, обойдя такимъ образомъ правый флангъ позиціи турокъ, атаковать ихъ въ самый чувствительный и въ наиболѣе важный пунктъ ихъ расположенія. Согласно диспозиціи, войска Бауэра должны были выступить изъ лагеря 16-го іюля тотчасъ послѣ пробитія вечерней зари и къ часу пополуночи навести уже черезъ Ларгу четыре моста. Репнинъ обязанъ былъ слѣдовать тотчасъ же за Бауэромъ. в) Главныя силы должны были итти, а затѣмъ и переправиться въ строго установленномъ порядкѣ: пѣхота въ двухъ колоннахъ, конница—въ третьей колоннѣ, а пороховые ящики въ четвертой — за отрядами Бауэра и Репнина, служа резервомъ. Назначеніемъ этого резерва было: во-1-хъ, совмѣстно съ лѣвой группой нанести рѣшительный ударъ въ избранную точку, а во-2-хъ, обезпечить все наступленіе съ лѣваго фланга, на который по условіямъ мѣстности и въ соотвѣтствіи съ наличіемъ въ составѣ непріятельской арміи значительнаго количества конницы, можно было ожидать атаки послѣдней. Такимъ образомъ, изъ всего состава арміи въ 40,000 здоровыхъ людей для главнаго удара предназначалось 34,000 человѣкъ, а для демонстративныхъ цѣлей всего лишь 6,000 человѣкъ.

Бывшіе при арміи арнауты и казаки должны были, держась лѣвѣе ударнаго крыла, направляться для атаки противника во флангъ и тылъ.

Наконецъ, въ своемъ распоряженіи передъ боемъ Румянцевъ требуетъ отъ частныхъ начальниковъ принятія мѣръ для подъема нравственнаго элемента: «для обнадеживанія себѣ лучшимъ успѣхомъ въ таковомъ предпріятіи ободрять людей помощью Божескою къ благословенному отъ него оружію Ея Императорскаго Величества, и поощрять любовью и должностью, коими они обязаны, къ своей Государынѣ и отечеству».

Само наступленіе войскъ между Ларгой и Бабикуломъ предписывалось производить такъ: отряды Бауэра и Репнина должны были наступать отдѣльными каре, имѣя между ними свою конницу. Главнымъ силамъ указывалось наступать отдѣльнымъ дивизіоннымъ каре, которому быть почти линейнымъ съ небольшимъ числомъ баталіоновъ между переднимъ и заднимъ фасами каре. Отрядамъ Бауэра и Репнина указывалось быть готовыми къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, дать въ первой линіи мѣсто главнымъ силамъ, съ чѣмъ и сообразоваться при наступленіи. Регулярная конница должна была располагаться между каре.

Диспозиція для атаки непріятеля на р. Ларгѣ была разослана 6-го іюля, наканунѣ боя, всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ; Племянниковъ же вслѣдствіе особой задачи, возложенной на его отрядъ, былъ снабженъ еще спеціальной инструкціей.

Переправа войскъ черезъ р. Ларгу, а также развертываніе ихъ на хребтѣ между долинами Ларги и Бабикула, были исполнены точно по диспозиціи.

Однако, непріятель скоро узналъ о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Ларгу.

Въ два часа ночи всѣ войска начали наступленіе.

Племянниковъ, построивъ пѣхоту въ два каре, поставивъ сзади конницу и выдвинувъ на фланги егерей, двинулся къ устью р. Ларги, направляясь на имѣющійся тамъ мостъ. Не доходя приблизительно трехъ верстъ до моста, Племянниковъ остановился у крутого оврага, привлекая на себя первое вниманіе турокъ.

Отряды Бауэра и Репнина, выстроивъ послѣ переправы боевой порядокъ, стали наступать по хребту въ юго-западномъ направленіи; уступомъ впереди и справа каре Репнина наступали егеря. Бауэръ принялъ влѣво къ долинѣ р. Бабикула и наступалъ въ одномъ каре, имѣя своихъ егерей также впереди и слѣва. Еще лѣвѣе егерей Бауэра двигалась легкая конница. Румянцевъ съ главными силами двигался за Бауэромъ и Репнинымъ, составляя общій резервъ. Главныя силы наступали въ одномъ каре, имѣя сзади за собою всю регулярную конницу.

Къ 4 часамъ утра каре Бауэра, Потемкина и Репнина, сбивъ передовые татарскіе посты, подошли безъ всякаго препятствія къ крутому оврагу, прикрывавшему доступъ къ сильному, правофланговому, подковообразному турецкому укрѣпленію.

Въ непріятельскомъ лагерѣ началась тревога, поднялась общая суматоха, раздались тревожные крики. Въ то же время изъ укрѣпленій былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь.

Тогда Румянцевъ отдалъ приказаніе немедленно взять непріятельское укрѣпленіе. Каре Репнина было направлено для атаки ретраншамента справа, Потемкина — съ фронта, Бауэра — слѣва, причемъ послѣднему было указано проникнуть во внутренность ретраншамента, открытаго съ этой стороны.

Атаку ретраншамента Румянцевъ приказалъ тщательно подготовить артиллерійскимъ огнемъ; при этомъ, чтобы возможно скорѣе достигнуть результатовъ подготовки, онъ артиллерію Бауэра и Репнина подкрѣпляетъ изъ главныхъ силъ 17-й орудійной бригадой полевой артиллеріи Мелисино.

Между тѣмъ, всѣ три каре боевой части продолжали продвигаться впередъ и, подойдя на 200 шаговъ къ ретраншаменту, остановились и открыли по немъ картечный огонь изъ 60 полковыхъ пушекъ, поставленныхъ въ семи батареяхъ между каре.

Въ то же время бригада Мелиссино заняла позицію на высотѣ нѣсколько позади и между каре Репнина и Потемкина.

Огонь русской артиллеріи, особенно бригады Мелиссино, былъ весьма дѣйствителенъ, и турецкая артиллерія вскорѣ вынуждена была замолчать.

Съ открытіемъ канонады на лѣвомъ флангѣ арміи Племянниковъ сталъ продвигаться впередъ и, подойдя къ правому берегу р. Ларги, открылъ фронтальный артиллерійскій огонь.

Угрожаемые атакою съ фронта отрядомъ Племянникова и видя, что успѣхъ на правомъ ихъ флангѣ склоняется на сторону русскихъ, турки рѣшили задержать наступленіе Румянцева противъ подковообразнаго ретраншамента и выслали всю татарскую конницу долиною рѣки Бабикула съ тѣмъ, чтобы ея атакою на легкія войска и на лѣвый флангъ главнаго каре Румянцева принудить его остановиться, послѣ чего атаковать съ тыла войска Репнина и Бауэра.

Зорко слѣдившій за ходомъ боя Румянцевъ скоро замѣтилъ движеніе татаръ и, сознавая всю его опасность, выслалъ для его парированія бригаду Римскаго-Корсакова изъ дивизіи Брюсса, стоявшей на лѣвомъ флангѣ главнаго каре, и бригаду полевой артиллеріи Внукова.

Бригада Римскаго-Корсакова спустилась въ долину Бабикула и открыла продольный огонь вдоль долины. Артиллерія Внукова расположилась на высотахъ праваго берега долины и также начала продольно обстрѣливать татаръ.

Дѣйствія Римскаго-Корсакова и Внукова вполнѣ обезпечили тылъ Репнина и Бауэра, и они свободно могли продолжать свою атаку.

Въ это время Румянцевъ, передавъ оставшіяся въ главныхъ силахъ дивизію Олица и часть дивизіи Брюсса подъ начальство Олица, прибылъ въ боевую часть для непосредственнаго руководства ею.

Въ моментъ прибытія Румянцева къ боевой части Репнинъ и Потемкинъ вели атаку противъ фронта непріятельскаго правофлангового ретраншамента; часть войскъ изъ каре Потемкина, подъ начальствомъ бригадира Ржевскаго,—во флангъ и тылъ того же окопа. Бауэръ, двигаясь лѣвѣе Ржевскаго и будучи прикрытъ егерями и дѣйствіями бригады Римскаго-Корсакова отъ татарской конницы, продвинулся на удобную позицію, находящуюся въ 200 шагахъ отъ него, и артиллерійскимъ огнемъ сталъ обстрѣливать тылъ непріятельской позиціи.

Мѣткій огонь русской артиллеріи, охватъ Ржевскаго и обходъ Бауэра дали возможность Репнину въ замѣчательномъ порядкѣ и безъ особыхъ потерь ворваться въ укрѣпленіе и овладѣть правофланговымъ участкомъ позиціи, съ котораго турки отступили на второй ея участокъ.

Штурмъ Измаила 11-22 декабря 1790 г. подъ начальствомъ А. Суворова.

Между тѣмъ, Племянниковъ, подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи и строго сообразуясь съ развитіемъ успѣха атаки Репнина, перешелъ къ рѣшительной атакѣ фронта непріятельской позиціи. Для противодѣйствія атакѣ Племянникова турки встрѣтили контръ-атакою его каре войсками, занимавшими крайній лѣвый неатакованный участокъ позиціи.

Контръ-атака турокъ, несмотря на ея стремительность, успѣха не имѣла.

При дальнѣйшемъ развитіи боя Племянникову пришлось преодолѣть только сильныя мѣстныя препятствія, такъ какъ сопротивленіе непріятеля было парализовано постепеннымъ вдоль позиціи продвиженіемъ къ ея лѣвому флангу войскъ Репнина, а за ними и Бауэра.

При такихъ условіяхъ вскорѣ всѣ непріятельскія укрѣпленія были заняты русскими войсками.

Къ этому же времени турецко-татарская конница, направленная противъ главныхъ силъ Румянцева долиною Бабикула, не выдержавъ огня артиллеріи Внукова и пѣхоты Римскаго-Корсакова, обратилась въ бѣгство.

Для ея преслѣдованія тотчасъ была направлена легкая конница и вся регулярная конница Салтыкова.

Удачныя дѣйствія Репнина, успѣхи Племянникова, бѣгство турецко-татарской конницы распространили въ арміи противника панику, и къ 12 часамъ дня сраженіе было окончено полной побѣдой Румянцева. Турки и татары обратились въ поспѣшное бѣгство.

Въ сраженіи при р. Ларгѣ турки потеряли одними убитыми около 1000 человѣкъ. Потери русскихъ не превосходили 100 человѣкъ выбывшими изъ строя.

Наши трофеи составляли: 30 орудій, 8 знаменъ, ставки пашей и весь непріятельскій лагерь.

За побѣду въ сраженіи при Ларгѣ Румянцевъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія первой степени, получивъ первымъ этотъ высокій знакъ отличія.

г) Сраженіе при Кагулѣ.

Послѣ боя на р. Ларгѣ 7-го іюля обстановка для Румянцева складывалась крайне неблагопріятно.

При дальнѣйшемъ наступленіи вслѣдъ за отступившими турками и татарами русской арміи приходилось втягиваться въ крайне пересѣченную мѣстность, неудобную для маневрированія; Румянцеву нужно было бы дробить свои силы для наблюденія за отдѣльными участками; наконецъ, пополненіе запасовъ сдѣлалось бы крайне затруднительнымъ.

Въ виду этого Румянцевъ принужденъ былъ со всей арміей оставаться на мѣстѣ, выдѣливъ впередъ для прикрытія арміи верстъ на 20 сильный авангардъ. Но такое рѣшеніе давало возможность визирю совершенно безнаказанно переправиться черезъ Дунай.

Не мѣшая въ силу необходимости противнику сосредоточиваться, Румянцевъ не отказывается, однако, совершенно отъ мысли разбить армію визиря, но желаетъ по возможности сдѣлать это, не углубляясь далеко за Трояновъ Валъ.

Принявъ такое рѣшеніе, Румянцевъ уже на второй день послѣ Ларгинскаго боя выслалъ впередъ авангардъ Бауэра, который 10-го іюля подошелъ къ д. Гречени, на р. Кагулѣ, не доходя 10 верстъ до Троянова Вала.

Здѣсь Румянцевъ узналъ, что визирь, не будучи въ состояніи на Дунаѣ навести мостъ, переправился на 300 лодкахъ и выслалъ подкрѣпленія къ отступавшимъ отъ Ларги туркамъ.

Зорко слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ непріятеля, Румянцевъ тотчасъ выслалъ полковой обозъ навстрѣчу транспорту въ направленіи къ Фальчи съ тѣмъ, чтобы на этихъ обозахъ подвезти къ арміи возможно скорѣе хотя бы 10-дневный запасъ продовольствія. Въ виду этого онъ 11-го іюля перешелъ къ д. Алимурза на р. Сальчѣ.

13-го іюля Румянцевъ получилъ отъ Бауэра донесеніе, что турки въ значительныхъ силахъ сосредоточились въ 20 верстахъ отъ этого селенія. Въ то же время было получено извѣстіе, что массы татаръ появились на лѣвомъ берегу озера Ялпухъ.

Узнавъ объ этомъ, Румянцевъ усилилъ авангардъ Бауэра войсками Репнина, а войска, бывшія подъ его непосредственнымъ начальствомъ, на случай общаго сосредоточенія, двинулъ по р. Сальчѣ и 14-го іюля занялъ д. Мусантулъ.

Въ виду того, что въ турецкомъ лагерѣ была слышна салютаціонная пальба, Бауэръ сдѣлалъ предположеніе о прибытіи туда визиря съ его главными силами.

Въ результатѣ 16-го же іюля главныя силы Румянцева оставили долину р. Сальчи и подошли къ д. Гречени. Для прикрытія же лѣваго фланга въ д. Мусантулъ былъ выдѣленъ особый отрядъ подъ начальствомъ кн. Волконскаго, всего болѣе 10,000 ч.

За этимъ выдѣленіемъ у Румянцева при полномъ сосредоточеніи остальныхъ его войскъ оставалось: 24,000 чел. пѣхоты, 5,500 чел. конницы, а всего 29,500 чел. строевыхъ и нестроевыхъ при 118 орудіяхъ.

20-го іюля турки начали наступленіе и въ этотъ день расположились бивакомъ въ 7-ми верстахъ отъ нашей арміи. Тогда Румянцевъ сдѣлалъ распоряженіе для атаки непріятеля.

Силы турокъ, которыхъ предстояло атаковать, достигали 150,000 чел., состоя изъ 50,000 пѣхоты и 100,000 конницы; кромѣ того, въ тылу у Румянцева было 80,000 татаръ.

Поле сраженія при Кагулѣ ограничивается съ сѣвера Трояновымъ Валомъ отъ р. Кагула по прямой линіи на протяженіи 7—8 верстъ, на западѣ — непроходимою въ бродъ р. Кагуломъ, на востокѣ—широкою лощиною. Эта послѣдняя и р. Кагулъ постепенно сближаются между собою съ сѣвера на югъ, и 7—8-верстное разстояніе между ними по Троянову Валу доходитъ мало-по-малу до полутораверстнаго открытаго пространства, образующаго южную границу поля сраженія. Внутреннее пространство поля сраженія раздѣлено четырьмя гребнями высотъ разной длины, идущими параллельно Кагулу и восточной лощинѣ, т.-е. сходящимися къ узкому южному выходу съ поля сраженія. Средній хребетъ, имѣющій едва 1 версту въ ширину, простирается за валъ въ направленіи къ югу на 4 версты и въ концѣ почти сходится съ болѣе широкимъ восточнымъ гребнемъ, обнимающимъ съ востока всѣ три хребта.

Визирь, Галилъ-бей, имѣя 150—170 т. человѣкъ при 130 орудіяхъ, занялъ южный край командующаго, наиболѣе длиннаго средняго хребта и, по обыкновенію, приступилъ къ возведенію сильныхъ укрѣпленій. За ночь они успѣли возвести на пространствѣ болѣе двухъ верстъ ярусную оборону въ 4 ряда окоповъ съ пятью рвами впереди нихъ и размѣстить въ нихъ свою многочисленную артиллерію. При всѣхъ невыгодахъ турецкой позиціи, — тѣсной и открытой съ праваго фланга, она имѣла и огромныя преимущества, дающія возможность туркамъ совершенно свободно атаковать русскихъ въ разныхъ направленіяхъ лощинами, между гребнями.

Оцѣнивая условія, при которыхъ приходилось вести бой, Румянцевъ рѣшилъ направить главный ударъ на лѣвый флангъ турокъ.

Для боя армія оставалась при прежнемъ подраздѣленіи, т.-е. была въ составѣ трехъ дивизій, двухъ авангардовъ и конницы.

По диспозиціи на 21-ое іюля, каждое изъ этихъ подраздѣленій получило самостоятельную частную задачу: а) авангардъ Бауэра, силою до 4000 чел., долженъ былъ слѣдовать по крайнему гребню къ долинѣ Кагула и, перейдя Трояновъ Валъ, атаковать турокъ въ обходъ ихъ лѣваго фланга, б) дивизіи Племянникова, численностью до 4500 чел., указано было наступать по тому же хребту и, перейдя Трояновъ Валъ, принять влѣво и, закрывъ собою лощину, атаковать лѣвый флангъ турокъ, в) дивизія Олица, около 7500 чел., должна была слѣдовать по наиболѣе длинному хребту, на оконечности котораго турки заняли позицію, и въ связи съ дивизіей Племянникова атаковать лѣвый флангъ позиціи, г) дивизія Брюсса, силою до 3000 чел., и аван-

гардъ Репнина, въ составѣ около 5000 чел., слѣдуя по двумъ восточнымъ концентрически сходящимся хребтамъ, должны были атаковать центръ непріятеля; д) конница распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: 1) Сербскій гусарскій полкъ - между Бауэромъ и Племянниковымъ, 2) шесть эскадроновъ карабинеровъ—между послѣднимъ и Олицомъ, 3) главныя силы конницы Ив. Салтыкова, всего до 3500 чел.—между Олицомъ и Брюссомъ и, наконецъ, 4) два полка—между Репнинымъ и Брюссомъ.

Всѣ обозы оставлены были въ вагенбургѣ сзади арміи.

Принимая численный составъ только здоровыхъ людей и не считая командированныхъ и нестроевыхъ, изъ 27000 чел. Румянцева въ одинъ пунктъ удара направлялось до 20000 чел.

Въ 1 часъ ночи русскія войска, расположенныя на р. Кагулѣ верстахъ въ 6—7 отъ Троянова Вала, начали движеніе строго согласно диспозиціи. Каждое подраздѣленіе арміи шло отдѣльно, въ двухъ колоннахъ.

По занятіи мѣстъ на соотвѣтствующихъ гребняхъ на лѣвомъ флангѣ вынуждены были отступить отъ точнаго указанія диспозиціи, а именно: Брюссъ примкнулъ къ Репнину, образовавъ на лѣвомъ флангѣ одну группу войскъ до 8000 чел.

Только въ 5-мъ часу утра русскія войска начали переходить Трояновъ Валъ, при чемъ конница Салтыкова была переведена съ лѣваго фланга каре Олица на правый.

Вскорѣ сильная турецкая артиллерія изъ-за ярусныхъ окоповъ открыла канонаду, и масса турецкой конницы повела атаку на весь фронтъ нашего наступленія. Каре наши остановились и открыли жестокій огонь по непріятелю. Пользуясь лощинами между двумя группами нашей арміи, турецкая конница окружила со всѣхъ сторонъ Брюсса съ Репнинымъ, заскакала за Трояновъ Валъ и, засѣвъ во рву, открыла огонь въ тылъ каре Олица.

Когда Румянцевъ замѣтилъ, что наиболѣе усиленныя атаки направлены на Брюсса, и что лощина между нимъ и Олицомъ вся наполнена непріятельской конницей, то тотчасъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: изъ каре Олица былъ высланъ внутренній резервъ и охотники съ нѣсколькими пушками, которые, ставъ въ каре на Трояновомъ Валу, открыли продольный огонь вдоль его и этимъ скоро обезпечили тылъ Олица. Въ то же время каре Олица было двинуто впередъ и нѣсколько влѣво. Этимъ движеніемъ оно закрывало выходъ изъ лощины, гдѣ скопился противникъ, чѣмъ угрожало его пути отступленія. Открывъ артиллерійскій огонь вдоль лощины, отдѣлявшей главныя силы Олица отъ Брюсса и Репнина, каре Олица къ 8-ми часамъ утра возстановило, наконецъ, связь съ лѣвой группой.

Въ отрядѣ Брюсса и Репнина въ критическомъ положеніи находилась конница. Пѣхотныя каре спокойно отражали удары, но конница вынуждена была прибѣгнуть къ стрѣльбѣ съ коня.

На правомъ флангѣ Бауэръ и Племянниковъ также были атакованы непріятельской конницей, но успѣшно отбивали атаки.

Послѣ 8-ми часовъ утра центръ и лѣвый флангъ русскихъ, отразивъ первый натискъ непріятеля, перешли въ наступленіе.

Указанный порядокъ движенія открывалъ лощину между Олицомъ и Бауэромъ. Этимъ воспользовались турки и направили на Бауэра свою конницу, мгновенно окружившую его со всѣхъ сторонъ и заставившую его остановиться. Между тѣмъ, войска, атакующія центръ позиціи, около 9-ти часовъ утра появились впереди окоповъ. Только что каре Племянникова приготовилось штурмовать крайній флангъ турецкихъ укрѣпленій, какъ толпа въ 10 т. янычаръ изъ передовыхъ рвовъ бросилась лощиною между Племянниковымъ и задержаннымъ Бауэромъ, ворвалась въ каре Племянникова и сбила его полки въ нестройную кучу, бросившуюся назадъ и готовую разстроить спокойно наступавшее каре Олица. Моментально оцѣнивъ критическую минуту, Румянцевъ обратился къ герцогу Брауншвейгскому со словами: «Теперь настало наше дѣло», выѣхалъ изъ каре, встрѣтилъ бѣгущихъ словами: «Ребята, стой!» — и этимъ личнымъ своимъ примѣромъ магически воодушевилъ всѣ войска.

Войска Племянникова, видя, какой опасности отъ янычаръ подвергается Румянцевъ, остановились, задержали потомъ янычаръ и дали возможность бригадиру Озерову съ 1-мъ гренадерскимъ полкомъ изъ каре Олица встрѣтить янычаръ картечью и штыками. Въ то же время бригада Мелисино открыла по янычарамъ сильный огонь, а конница Салтыкова и Долгорукова, пользуясь минутою, по-эшелонно, атаковала турокъ и тѣмъ способствовала окончательному отраженію турецкой контръ-атаки.

Быстро приведя въ порядокъ каре Племянникова, Румянцевъ тотчасъ направилъ его по слѣдамъ бѣжавшихъ янычаръ въ укрѣпленія, которыя къ этому времени были охвачены съ ихъ лѣваго фланга гренадерскимъ баталіономъ Воронцова изъ отряда Бауэра, высланнымъ лощиною и наткнувшимся на необезпеченный, вслѣдствіе перехода янычаръ въ наступленіе, лѣвый флангъ турецкой укрѣпленной линіи. Удачныя дѣйствія Воронцова всецѣло облегчили фронтальный ударъ Племянникова, а за нимъ и Олица. Къ моменту атаки Племянникова и Олица съ фронта Бауэръ поддержалъ Воронцова, а Брюссъ атаковалъ правый флангъ турокъ. Въ то же время Репнинъ, видя успѣхъ въ центрѣ, свернулъ влѣво и открылъ огонь въ тылъ турокъ. Этимъ онъ увеличилъ панику, обыкновенно охватывающую ихъ въ подобномъ положеніи. Въ 10-мъ часу утра позиція была уже взята, и непріятель обращенъ въ полнѣйшее бѣгство.

Усталость войскъ и поспѣшность отступленія непріятеля позволили преслѣдовать его въ этотъ день пѣхотой не болѣе 4-хъ

верстъ, а конницей—нѣсколько дальше. Къ вечеру вся армія Румянцева расположилась вблизи бывшей турецкой позиціи.

Потери турокъ огромны: 130 орудій большого калибра со всѣми запасами и весь обозъ достались побѣдителю. Наши потери не превышаютъ 1.000, а турокъ—до 20.000 человѣкъ.

За побѣду при Кагулѣ Румянцевъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

Слѣдствіемъ Кагульскаго боя было: занятіе нами въ половинѣ ноября 1770 года всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ на нижнемъ Дунаѣ.

Въ общемъ, стройная и цѣльная Ларго-Кагульская операція Румянцева съ неуклоннымъ преслѣдованіемъ своей цѣли, съ неизмѣннымъ стремленіемъ къ рѣшительному бою, съ искуснымъ веденіемъ наступательныхъ боевъ при использованіи въ полной мѣрѣ техническихъ средствъ того времени и принциповъ глубокой тактики, съ постояннымъ духовнымъ взаимодѣйствіемъ полководца и ведомыхъ имъ войскъ, съ проявленіемъ въ высшей степени взаимной выручки, а частными начальниками—частнаго почина, показываютъ, что въ разбираемую эпоху военное искусство у насъ на Руси стояло очень высоко и гораздо выше, чѣмъ на Западѣ, въ такъ называемыхъ передовыхъ военныхъ державахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ларго-Кагульская операція Румянцева показываетъ, что въ лицѣ его не только наша военная исторія, но военная исторія всего міра имѣетъ дѣло съ геніальнымъ военачальникомъ, съ великимъ полководцемъ, который, глубоко понимая основы военнаго искусства какъ въ стратегіи, такъ и особенно въ тактикѣ, внесъ много новаго, направившаго развитіе военнаго дѣла по новымъ путямъ, наиболѣе отвѣчающимъ природѣ войны и боя.

Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Изслѣдованіе ординарнаго профессора Императорской Николаевской Военной Академіи, генералъ-маіора А. Г. Елчанинова.

I. Жизнь Суворова до перваго боевого опыта (1730—1758 г.г.).

Александръ Васильевичъ Суворовъ происходилъ изъ стараго, но незнатнаго дворянскаго рода [1]).

Родители не готовили Суворова къ военной службѣ: онъ былъ худъ, хилъ, малъ ростомъ, плохо сложенъ и некрасивъ.

Однако, едва узнавъ грамоту, Суворовъ непреодолимо пристрастился къ военнымъ книгамъ, и когда ему минуло 11 л., генералъ Ганибалъ, воспитанникъ Петра Великаго, послѣ жалобы отца Суворова на военныя склонности сына, разговорился съ нимъ и посовѣтовалъ не мѣшать этимъ склонностямъ.

Тогда отецъ Суворова, въ 1741 г., записалъ его рядовымъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, и 15 лѣтъ Суворовъ началъ службу.

Къ этому времени онъ успѣлъ изучить походы Александра Македонскаго, Цезаря, Аннибала, Густава-Адольфа, Тюреня, Евгенія Савойскаго, исторію военную и общую, географію, философію, иностранные языки: рядовой Суворовъ зналъ больше многихъ офицеровъ того времени.

Всего онъ достигъ самоучкой; лишь фортификацію, артиллерію и языки проходилъ съ помощью отца и посѣщая кадетскій корпусъ.

Въ полку Суворовъ съ особой любовью взялся за солдатскую науку,—даже за то, чего ему не полагалось. Ружье онъ назвалъ «женой»; вмѣстѣ со всѣми исполнялъ черныя работы.

Здѣсь онъ и привыкъ къ жизни, которою навсегда закалилъ свое здоровье. Но, главное, здѣсь зародилась прочная связь Суворова съ солдатомъ, основа всей его дѣятельности.

---

1) Его предокъ Юда Суворъ вышелъ въ Москву изъ Швеціи при Симеонѣ Гордомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая читать все свободное время, Суворовъ къ 20 годамъ пріобрѣлъ знанія, которыхъ ему не могли дать тогда учебныя заведенія. Но онъ не остановился и продолжалъ учиться—до конца дней...

Только 24 л. Суворовъ, пройдя всѣ нижнія званія, былъ произведенъ въ поручики въ Ингерманландскій пѣх. полкъ, когда многіе его сверстники были уже штабъ-офицеры и генералы. Но Суворовъ самъ отчасти не хотѣлъ быстраго производства въ офицеры. Онъ хотѣлъ въ совершенствѣ изучить солдатскую среду,— и эта настойчивость, отличительная черта всей его жизни, вполнѣ вознаградилась: за 9 лѣтъ совмѣстной жизни онъ сдѣлался неограниченнымъ властителемъ сердца и ума солдата, а добываемыя попутно познанія дали ему могучее средство примѣнить эти сердце и умъ въ дѣло на почвѣ военной науки. Одинъ иностранный писатель говоритъ: «Суворовъ завоевалъ сперва область наукъ и опыта вѣковъ, а затѣмъ—побѣду и славу».

II. Боевая дѣятельность Суворова.

1. Первый боевой опытъ и начальство полкомъ.

Къ началу Семилѣтней войны Суворовъ—уже штабъ-офицеръ, получивъ въ 4 года 2 чина.

Въ 1758 г. ему поручено набрать въ Лифляндіи и Курляндіи 17 б-новъ и отвести ихъ въ Пруссію. Затѣмъ онъ—комендантъ Мемеля, а въ 1759 г., подполковникомъ, попалъ къ Фермору «дивизіоннымъ дежурнымъ»,—въ родѣ начальника штаба корпуса. Съ этого перваго шага своей боевой службы въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, Суворовъ уже могъ широко знакомиться съ войной.

1 августа 1759 г.—первое боевое крещеніе Суворова подъ Куннерсдорфомъ. Здѣсь богъ войны принялъ сразу молодого русскаго витязя подъ свое особое покровительство, и яркое сіяніе побѣды осѣнило Суворова, а его «глазомѣръ» сразу же обрисовался словами: «На мѣстѣ главнокомандующаго я бы пошелъ теперь на Берлинъ». Въ 1760 г.—новый успѣхъ при участіи Суворова—извѣстный набѣгъ Чернышева на Берлинъ. Многіе начальники уже знали Суворова, какъ дѣльнаго и знающаго штабъ-офицера, въ томъ числѣ Бергъ, просившій Фермора «уступить» ему Суворова. У Берга Суворовъ и получилъ первое свое боевое крещеніе, какъ болѣе самостоятельный начальникъ.

Много разъ явилъ онъ себя здѣсь лихимъ штабъ-офицеромъ, особенно у Старгарда, гдѣ съ горстью конницы напалъ на цѣлый полкъ, а будучи окруженъ,—быстро пробился и сохранилъ взятыхъ плѣнныхъ.

Вообще, всѣ дѣла Суворова въ эту войну были сплошнымъ подвигомъ личной храбрости, находчивости и хладнокровія. Онъ

Переходъ Суворова черезъ Альпы въ 1799 г. Гравюра Вендрамини по рисунку Портера въ Суворовскомъ Музеѣ.

былъ оцѣненъ, какъ отличный офицеръ генеральнаго штаба и пѣхотный, но особенно, какъ выдающійся офицеръ конницы [1]).

Два раза онъ былъ раненъ, и довольно сильно.

Послѣ войны Суворовъ, посланный въ Петербургъ съ депешами, явился Императрицѣ и приказомъ Ея 26 августа 1762 г. былъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Астраханскаго пѣх. полка, а вскорѣ—Суздальскаго.

Семилѣтняя война произвела на Суворова сильное впечатлѣніе.

Войска наши отличились необыкновенною храбростью и стойкостью, но все остальное было въ печальномъ видѣ, особенно хозяйство. Суворовъ, получивъ полкъ, и начинаетъ его учить и воспитывать на свой Суворовскій образецъ: явилось знаменитое «Суздальское учрежденіе». Въ немъ ясно видно, что когда даже выдающіеся люди Европы были увлечены слѣпымъ подражаніемъ пруссакамъ, Суворовъ оставался самобытнымъ, и ничто не могло измѣнить его личнаго взгляда на военное дѣло.

Главная задача Суворова была обучить полкъ только тому, что необходимо на войнѣ, и такъ, чтобы онъ никогда и ничѣмъ не былъ озадаченъ. Строевыя ученія велись живо, наглядно. Главное вниманіе обращалось на тишину въ строю, порядокъ огня и быстроту перестроеній. Каждое ученье кончалось штыковымъ ударомъ. Часто, поднявъ полкъ по тревогѣ, Суворовъ водилъ его нѣсколько дней, днемъ и ночью, въ бродъ и вплавь черезъ рѣки, безъ дорогъ, черезъ густые лѣса, холмы и овраги. Послѣ ученій Суворовъ дѣлалъ разборъ, высказывая свое требованіе всегда итти навстрѣчу опасности, всегда наступать, никогда не отступать и не обороняться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитывая солдата, Суворовъ развивалъ въ немъ вѣру въ Бога, столь присущую русскому человѣку, а укореняя, попутно, понятіе, что невозможнаго на войнѣ ничего нѣтъ,—дисциплину онъ основывалъ не на страхѣ наказанія, а на сознаніи людей въ ея необходимости. Онъ почти не прибѣгалъ къ жестокимъ наказаніямъ того времени и никогда не издѣвался надъ человѣческимъ достоинствомъ.

Въ 1765 г. въ Красномъ Селѣ, въ присутствіи Императрицы, Суздальскій полкъ рѣзко выдѣлился изъ 19 другихъ во всемъ.

Въ 1768 г. волненія въ Польшѣ вызвали Суворова, уже въ чинѣ бригадира, туда съ Суздальцами (входившими въ его бригаду).

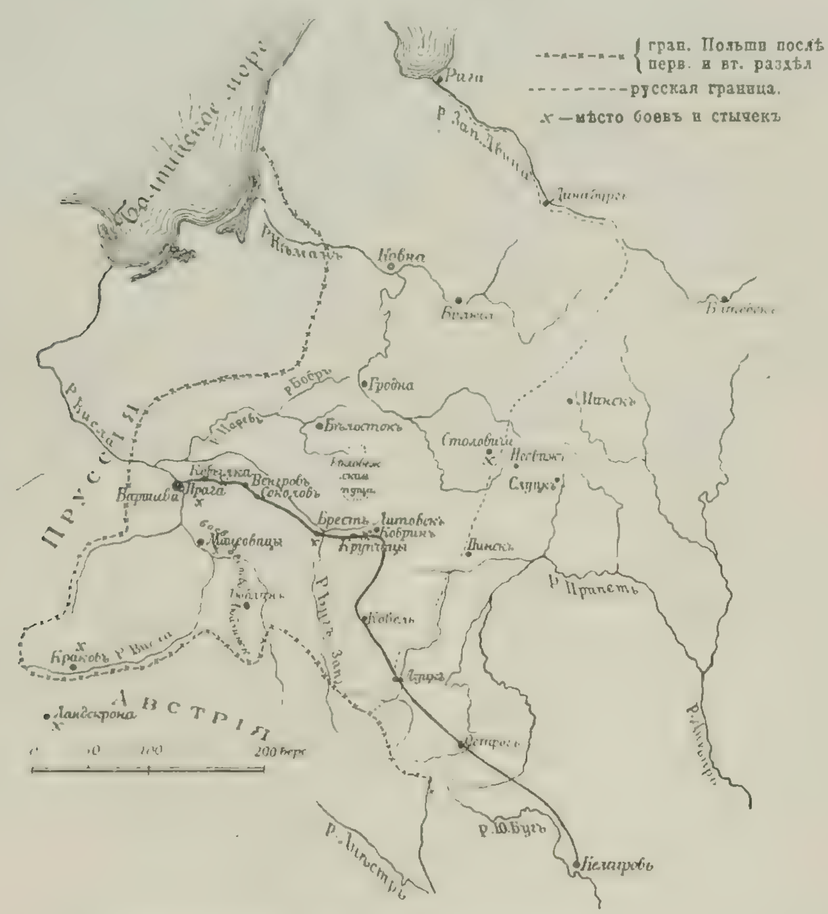
2. Суворовъ въ войнѣ съ польскими конфедератами 1768—1772 г.г.

Суворовъ выступилъ къ Смоленску изъ Ладоги въ ноябрѣ, въ самое тяжелое время. Не оставивъ дома больныхъ и несмотря на бездорожье, множество болотъ, сильную непогоду и короткіе ноябрьскіе дни, Суздальцы прошли въ 30 дней болѣе 850 в., и за весь походъ заболѣло только 6 чел., и 1 пропалъ.

[1]) Во время войны Суворовъ командовалъ нѣсколько мѣсяцевъ Тверскимъ драг. полкомъ, за болѣзнью его командира, и Новоархангельскимъ.

Въ Смоленскѣ Суворовъ былъ задержанъ, такъ какъ зимой дѣйствія въ Польшѣ утихли. Но весною 1766 г., обучивъ бригаду предстоящимъ дѣйствіямъ по своимъ правиламъ, Суворовъ двинулся вновь въ Польшу. Отъ Минска до Варшавы (Праги) 600 в. онъ прошелъ въ 12 дней, частью пользуясь подводами.

Немедленно же изъ-подъ Варшавы былъ сдѣланъ набѣгъ къ Бресту и далѣе, ночью и днемъ, на 70 в., противъ банды Пулавскихъ, къ Орѣхову (400 ч. противъ 2 т.). Одинъ изъ Пулавскихъ былъ убитъ, банда разсѣяна.

Карта военныхъ дѣйствій 1768—1771 и 1794 г.г. [1]).

Послѣ этой побѣды Суворову былъ врученъ «Люблинскій раіонъ», и у него собралось до 4 т. ч. Несмотря на трудную мѣстность, Суворовъ скоро прибралъ край къ рукамъ. Но онъ все же тяготился своимъ положеніемъ: не мелкихъ дѣйствій жаждалъ онъ, а крупныхъ, рѣшительныхъ ударовъ конфедератамъ. Кромѣ того, шли несогласія съ главно-начальникомъ войскъ въ Польшѣ, Веймарномъ, — генераломъ опытнымъ, но болѣзненно-самолюбивымъ и нѣмцемъ въ душѣ. Но вотъ, въ 1771 г. Турція, по наущенію Франціи, объявила намъ войну, а прибывшій

[1]) Всѣ схемы для этого отдѣла взяты изъ брошюры П. Н. Симанскаго: «Суворовъ. [illegible] очеркъ жизни и дѣятельности этого знаменитаго вождя русскихъ войскъ».

французскій генералъ Дюмурье съ небольшимъ числомъ войскъ открылъ удачно походъ, отбросивъ наши передовыя части за Вислу. Суворовъ воспрянулъ духомъ.

Съ 1600 ч. и при 8 ор. двинулся онъ изъ Люблина, на пути разбилъ нѣсколько партій и въ 28 в. отъ Кракова, у д. Ланцкроны, усилясь до $3^1/_2$ т., 10 мая нежданно напалъ на конфедератовъ (4 т. ч. на необычайно выгодной мѣстности).

Сраженіе было выиграно въ $1^1/_2$ часа, благодаря умѣнью Суворова оцѣнивать противника. Конница дерзко сбила врага, главныя силы довершили побѣду.

Ланцкронское пораженіе произвело потрясающее впечатлѣніе. Дюмурье уѣхалъ во Францію. Но остался еще Пулавскій, глава дѣла, самый смѣлый и способный конфедератъ. Суворовъ пошелъ немедля за нимъ, настигъ у Замостья, разбилъ и горячо преслѣдовалъ.

Поляки сдѣлали еще усиліе. Великій гетманъ Литовскій, графъ Огинскій, уклонявшійся до того отъ конфедераціи, открылъ въ Литвѣ военныя дѣйствія.

Веймарнъ приказалъ Суворову не отлучаться изъ Люблина до распоряженія, лишь наблюдая за Огинскимъ. Однако, Суворовъ видѣлъ, что необходимо скорѣе покончить съ нимъ. 1 сентября онъ двинулся, кратко донеся Веймарну: «Пушка выстрѣлила, и Суворовъ пошелъ въ походъ». 12-го Суворовъ, у Несвижа, узналъ, что Огинскій съ 4—5 т. ч. у м. Сталовичи. У Суворова было всего 822 ч. Онъ рѣшилъ взять внезапностью, ночью.

Бой былъ очень упорный. Лишь къ 11 ч. у. удалось сломить поляковъ. Несмотря на помощь Бѣляка,съ 2 полками уланъ, они бѣжали. Сталовичскій походъ, — въ 4 дня болѣе 200 в. и побѣда, — сдѣлали Суворова весьма извѣстнымъ. Фридрихъ В., обративъ на него вниманіе, совѣтовалъ полякамъ его остерегаться. Однако, Веймарнъ послалъ въ военную колегію доносъ на самовольство Суворова. Но Суворова не предали суду, какъ хотѣлъ Веймарнъ, а наградили орденомъ Св. Александра Невскаго.

Въ началѣ 1772 г. Веймарна смѣнилъ Бибиковъ, человѣкъ разумный и справедливый. Рѣшено было истребить конфедератовъ, для чего отобрать у нихъ всѣ ихъ укрѣпленія, гдѣ, однако, было немалое число и французовъ, къ коимъ Франція прислала ген. де-Віомениля. Послѣдній, по оплошности русскихъ въ Краковѣ, овладѣлъ замкомъ, его оплотомъ.

Суворовъ немедленно двинулся къ Кракову, осадилъ замокъ и, обрушивъ артиллеріей часть его и произведя въ городѣ пожары, предложилъ, во избѣжаніе истребленія, сдаться. Требованіе немедля было исполнено.

Изъ Кракова Суворовъ дѣлалъ налеты на сосѣднія укрѣпленія, пока не произошелъ раздѣлъ Польши между Россіей, Пруссіей и Австріей.

Описанныя дѣйствія Суворова обращаютъ на себя вниманіе невѣроятной быстротой движеній и стремительностью нападеній. 40—60 в.—обычный переходъ Суворова, а частью онъ дѣлаетъ въ сутки даже до 85 в. Въ итогѣ, внезапность появленія и стремительные удары давали даже съ ничтожными силами побѣды надъ многочисленнымъ, но уже озадаченнымъ врагомъ. «Удивить—побѣдить», говорилъ Суворовъ. «Быстрота и внезапность замѣняютъ число»—было его же правиломъ.

Далѣе, всѣ свои бои Суворовъ начинаетъ головными частями, не ожидая подхода хвоста. «Голова хвоста не ждетъ» и «атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ»,—говорилъ онъ, держась правила, что лучше бить врага хотя бы и малыми силами, но неожиданно, чѣмъ итти на него со всѣми силами, но дать возможность обнаружить себя. Такія дѣйствія не всѣми были поняты, и уже здѣсь успѣхи Суворова приписывали дерзости и счастью. Такъ, Дюмурье, осуждая Суворова за Ланцкрону, говорилъ, что русскіе могли быть жестоко биты по частямъ. Поляки также порицали Суворова: онъ не имѣетъ понятія о военномъ дѣлѣ, ему драться только съ медвѣдями. «Бывало займешь позицію, ждешь русскихъ съ фронта, а онъ бросается либо съ тылу, либо во флангъ. Мы разбѣгались болѣе отъ страха и внезапности, нежели отъ пораженія» [1]).

3. Участіе Суворова въ 1-й Турецкой войнѣ въ 1773—1774 гг.

Еще во время борьбы съ конфедератами загорѣлась война съ Турціей. Она шла 5 лѣтъ,—съ 1769 по 1774 г. Первый годъ велся нами безцвѣтно, робко, но въ 1770 г. Румянцевъ побѣдами у Ларги и Кагула почти сокрушилъ сухопутныя силы Турціи, а въ Чесменскомъ бою мы разбили ея флотъ. Затѣмъ 1772 г. и часть 1773 прошли въ безплодныхъ переговорахъ, и пришлось снова взяться за оружіе, вызвавъ изъ Польши и Суворова, съ назначеніемъ начальникомъ войскъ у Негоештскаго монастыря (противъ кр. Туртукай), для связи див. Салтыкова (начальника Суворова) съ Потемкинымъ.

Дабы перейти Дунай нежданно, Румянцевъ рѣшилъ мелкими нападеніями пріучить турокъ къ тревогѣ. Первое нападеніе указано было сдѣлать Суворову на Туртукай. У Суворова было всего 500 ч. пѣхоты, въ Туртукаѣ 4 т. ч. Онъ просилъ усиленія; ему отказали.

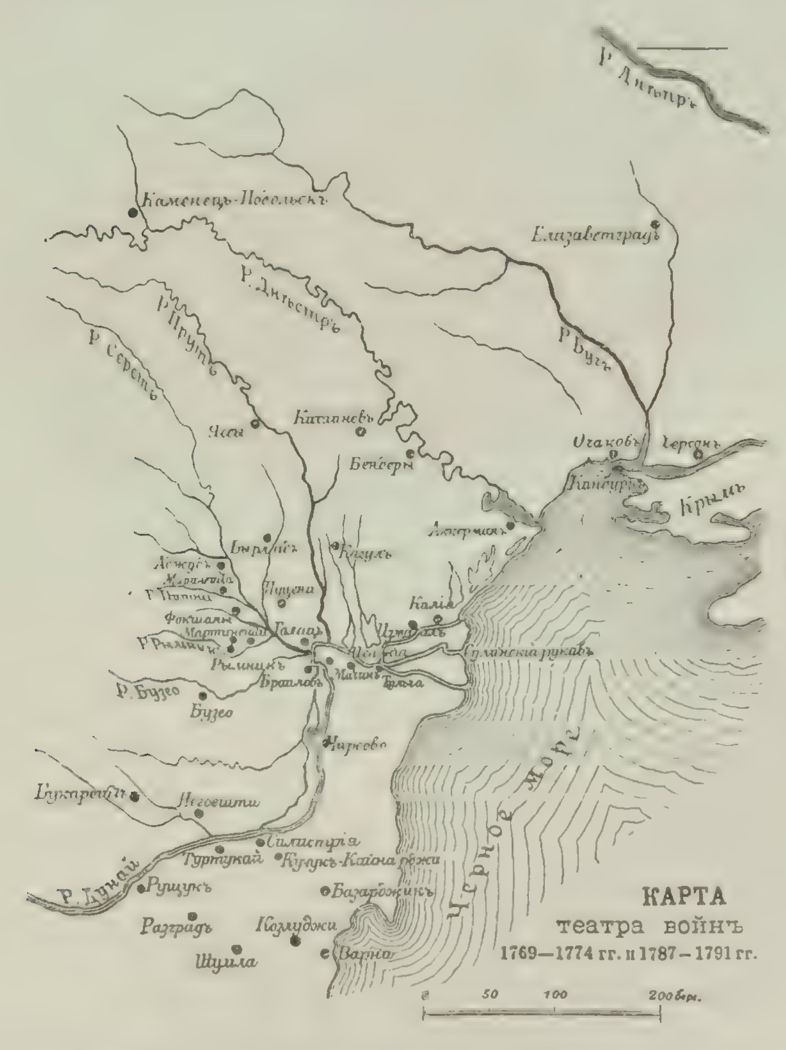
Развѣдавъ противника, Суворовъ отдалъ приказъ, гдѣ говорилъ: «Турецкіе набѣги отбивать наступательно. Подробности зависятъ отъ обстоятельствъ, разума и искусства, храбрости и твердости командующихъ».

---

[1]) Н. Дубровинъ. «Суворовъ среди преобразователей Екатерининской арміи», стр. 87.

Въ полночь 9 мая Суворовцы сѣли въ лодки, а въ 4 ч. н. все было кончено: турки бѣжали, потерявъ 6 знаменъ, 16 ор., 30 судовъ, 21 лодку и болѣе 1 т. ч. уб. и ран. Мы потеряли 88 ч. Суворовъ дважды былъ въ опасности: разорвало турецкую пушку, и его ранило въ ногу, — и наскочилъ янычаръ.

«Слава Богу, слава Вамъ, Туртукай взятъ и я тамъ», писалъ Суворовъ Салтыкову, при чемъ получилась игра словъ: «Я — тамъ» было селеніе у Туртукая.

КАРТА
театра войнъ
1769—1774 гг. и 1787—1791 гг.

Поискъ на Туртукай замѣчателенъ еще и тѣмъ, что Суворовъ внесъ новыя начала въ дѣйствія войскъ. Несмотря на малое ихъ число, онъ имѣетъ 2 колонны и поддержку, и колонны прикрываетъ стрѣлками. Такое построеніе [1]) было тогда совершенно новымъ, и его примѣнили шире лишь 50 лѣтъ послѣ Суворова.

4 іюня Суворовъ, больной лихорадкой, получилъ приказъ Румянцева о 2-мъ поискѣ на Туртукай, гдѣ турки, 4 тыс., снова

[1]) Позднѣе Измаилъ, Прага.

сильно укрѣпились. Какъ Суворовъ ни былъ слабъ, онъ все же рѣшилъ снова овладѣть Туртукаемъ и въ ночь съ 16 на 17 іюня произвелъ нападеніе. Всего у него было до 3 т. ч., въ томъ числѣ 680 ч. едва обученныхъ. Приказъ для боя былъ очень простъ, въ немъ сказано: «Командиры частей колонны ни о чемъ не докладываютъ, а дѣйствуютъ сами собой съ поспѣшностью и благоразуміемъ». Къ разсвѣту турки обращены въ бѣгство и преслѣдуемы 5 в., оставивъ 14 ор., 35 судовъ, продовольствіе, 600—800 ч. убитыхъ. Мы потеряли 102 ч.

Въ самомъ бою Суворовъ явилъ образецъ силы воли: истощенный лихорадкой, онъ двигается помощью двухъ человѣкъ, а для повторенія приказаній при немъ—особый офицеръ. Однако, подъ конецъ боя Суворовъ все же сѣлъ на коня.

Для изученія тактики — оба поиска на Туртукай — образцы наступательной переправы.

7 іюня произведено новое расписаніе полковъ, и Суворовъ назначенъ въ Гирсово, единственное мѣсто, которымъ мы овладѣли на правомъ берегу рѣку, и черезъ которое Румянцевъ предполагалъ перейти Дунай. Потому удержаніе его въ нашихъ рукахъ было весьма важно.

Въ ночь на 3 сентября Суворовъ одержалъ здѣсь блестящую побѣду, заманивъ 12 т. турокъ на наши окопы съ 3 т. ч., а затѣмъ нанеся встрѣчный ударъ и преслѣдуя 30 в. конницей. Потеря турокъ свыше 1100 ч., нашихъ 200. Это образецъ выжидательнаго съ рѣшительной цѣлью боя...

Зимой 1773 г. Суворовъ взялъ отпускъ въ Москву, гдѣ нежданно женился[1]), но къ началу 1774 г. вновь прибылъ къ войскамъ.

Румянцевъ полагалъ открыть дѣйствія въ началѣ мая. Главныя силы собирались у Браилова, зап. крыло Репнина—у Слободзеи, восточное Каменскаго—у Измаила, Суворовъ поддержкой у Гирсова. Салтыковъ оборонялъ В. Дунай и Журжево. Суворовъ былъ подчиненъ Каменскому; для совмѣстныхъ съ нимъ дѣйствій они условились наступать къ Базарджику и далѣе къ Шумлѣ.

Это привело къ упорному встрѣчному бою у Козлуджи, въ которомъ Суворовъ, не дожидаясь Каменскаго, съ 8 т. ч. обрушился на 40 т. турокъ. Подъ быстрымъ натискомъ Суворова турки начали терять голову. Они рубили для бѣгства постромки артиллерійскихъ лошадей, убивали своихъ всадниковъ. Когда же къ Суворову подоспѣли 10 орудій, всѣ 40 т. обратились въ ужасѣ въ бѣгство. Суворову досталась богатая добыча, 29 ор. и 207 знаменъ. Потеря турокъ показывается различно; наименьшая—500 ч. уб. и 100 плѣн., наша—200 ч.

---

[1]) Бракъ этотъ былъ несчастливъ.

Несмотря на утомленіе, Суворовъ преслѣдовалъ до ночи.

Сраженіе у Козлуджи было случайнымъ для обѣихъ сторонъ [1]). Въ подобныхъ бояхъ и беретъ верхъ тотъ, кто раньше быстрыми, смѣлыми дѣйствіями убѣдитъ противника въ своемъ превосходствѣ.

Послѣ побѣды Суворовъ подвергнулся упрекамъ Румянцева за дѣйствіе, вопреки приказанію, отдѣльно отъ Каменскаго и за уклоненіе отъ подчиненія ему.

Но вотъ въ чемъ дѣло—Суворовъ и Каменскій были упрямы, самолюбивы, не любили другъ друга. Совмѣстныя дѣйствія могли кончиться крупной ссорой въ ущербъ дѣлу; Суворовъ и старался этого избѣжать [2]). Наконецъ, Суворовъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ безъ Каменскаго. Въ общемъ, самостоятельность Суворова увѣнчалась успѣхомъ,—и самъ Каменскій донесъ, что признаетъ Суворова единственнымъ виновникомъ побѣды.

Побѣдой при Козлуджи турки такъ были потрясены, что вскорѣ Порта подписала Кучукъ-Кайнарджійскій миръ на условіяхъ, предложенныхъ русскимъ правительствомъ.

Въ 1-ю турецкую войну всѣ главныя побѣды были одержаны Суворовымъ. Подъ Туртукаемъ онъ дважды бьетъ съ горстью 4 т. ч. Подъ Гирсовомъ 3 т. бьютъ 12 т.; наконецъ, подъ Козлуджи 8 т. бьютъ 40 т.

Обыкновенно принято думать, что турки были противникъ слабый; что бить ихъ было легко; что ихъ нестройныя, хотя и многочисленныя толпы готовы были бѣжать при первой къ тому возможности, и что «европейское качество всегда побьетъ азіатское количество»,--какъ говоритъ историкъ Соловьевъ.

Однако, тѣ же безпорядочныя толпы турокъ били хорошо обученныя австрійскія войска и вынуждали Австрію подписывать постыдный миръ, въ родѣ Бѣлградскаго. Слѣдовательно, наши побѣды надъ турками, помимо выучки, качествъ войскъ, одерживались еще и превосходствомъ духа. Попутно Суворовъ не оставилъ безъ вниманія и тактическихъ пріемовъ.

Румянцевъ первый уничтожилъ рогатки и строилъ войска въ нѣсколько каре. Суворовъ пошелъ дальше; у него въ каре строились даже роты. Это давало большую подвижность, а одно или нѣсколько разбитыхъ каре не мѣшали остальнымъ, тѣмъ болѣе, что Суворовъ строилъ ихъ въ два ряда. Кромѣ того, Суворовскія каре всегда могли поддержать другъ друга перекрестнымъ огнемъ. Это его знаменитыя: «подвижныя кареи, не закрывая крестныхъ огней».

Въ общемъ, Суворовъ вложилъ въ свои построенія прерывчатость по фронту и въ глубину, основавъ ее на самодѣятель-

---

[1]) Т.-е. встрѣчнымъ.

[2]) Суворовъ говорилъ про Каменскаго: «Каменскій военное дѣло знаетъ, да он его не знаетъ, а Суворовъ военнаго дѣла не знаетъ, зато оно его знаетъ».

ности, выучкѣ и вѣрѣ: — вождя въ войска, а войскъ — въ вождей, — какъ это было въ Римѣ, въ войскахъ революціи и должно быть еще больше теперь, при здравомъ пониманіи глубокой тактики...

4. Дѣятельность Суворова въ 1774—1787 г.

Послѣ войны общественное мнѣніе указало на Суворова, какъ на надежнѣйшаго усмирителя все еще бушевавшаго Пугачевскаго бунта. Въ 9 дней прошелъ Суворовъ 600 в., но ему не удалось лично встрѣтиться съ Пугачевымъ, который былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Михельсономъ. Суворову осталось распорядиться отправленіемъ Пугачева въ Москву.

Послѣ казни Пугачева Суворову было поручено умиротворить край. Менѣе, чѣмъ въ годъ, Суворовъ выполнилъ задачу не силой оружія, къ которому старался не прибѣгать, а умѣніемъ, человѣчностью и цѣлесообразными мѣрами.

По умиротвореніи восточныхъ окраинъ — Суворовъ въ Крыму. Однако, здѣсь онъ пока недолго: попавъ подъ начальство Прозоровскаго, человѣка посредственнаго, Суворовъ отпросился въ отпускъ, въ Полтаву, и въ Крымъ больше не явился, несмотря на предписаніе Румянцева.

Чтобы удовлетворить жажду дѣятельности Суворова, помощью Потемкина онъ былъ назначенъ на Кубань. Въ 3 мѣсяца Суворовъ сдѣлалъ больше, чѣмъ его предмѣстникъ въ нѣсколько лѣтъ. Румянцевъ, оцѣнивъ это, назначилъ Суворова въ Крымъ на мѣсто Прозоровскаго. Здѣсь Суворовъ проявилъ и дипломатическій даръ, убѣдивъ крымцевъ въ необходимости принять наше подданство. Обращеніемъ съ населеніемъ Суворовъ и его войска пріобрѣли добрую славу. Морское побережье было искусно охранено.

Присоединенія Крыма Суворовъ, однако, не достигъ; изъ-за недоразумѣній съ Румянцевымъ онъ просилъ другого назначенія; при содѣйствіи, снова, Потемкина получилъ Малороссійскую дивизію и уѣхалъ въ Полтаву, къ женѣ съ дочкой. Однако и здѣсь онъ пробылъ недолго. Въ Петербургѣ явилась несбыточная тогда мысль: завязать торговлю съ Индіей черезъ Персію и Каспійское море, для чего тоже понадобился Суворовъ. Цѣлыхъ два года жилъ онъ въ Астрахани безъ дѣла. «Боже мой, долго ли еще мнѣ въ такомъ тиранствѣ томиться», пишетъ онъ. Наконецъ, Потемкинъ вызвалъ его снова въ Крымъ, гдѣ происки турокъ произвели волненія. Пользуясь этимъ, мы заняли войсками не только Крымъ, но и Тамань и Прикубанскій край. Надо было привести къ присягѣ новыхъ русскихъ подданныхъ. Хорошо зная дикарей, Суворовъ прибѣгнулъ къ любезности и угощеніямъ, и ногайцы присягнули. Но вскорѣ, въ отсутствіе Суворова, измѣнили и, хотя и были разбиты, — ушли за Кубань, не признавая нашей власти. Суворовъ, съ 16 ротами, 16 эск., 16 каз. полками и 16 ор.

Сраженіе у Чортова Моста 14 сентября 1799 года.

Суворовскій Музей въ С.-Петербургѣ.

выступилъ за Кубань и настигнулъ ногайцевъ прежде ухода ихъ въ недоступныя горы.

Прибѣгнувъ къ ночнымъ движеніямъ, ложнымъ слухамъ и усиленнымъ переходамъ, Суворовъ ночью 30 сентября перешелъ Кубань въ бродъ по шею, при ширинѣ въ $1^1/_2$ в., а утромъ, близъ ур. Керменчикъ, нежданно напалъ на ногайцевъ и послѣ 8 часовъ жестокаго боя разбилъ ихъ, вынудивъ къ полной покорности. Крымскіе татары, боясь подобной участи, начали переселеніе въ Турцію, а Турція въ февралѣ 1774 г. признала подданство Россіи Крыма и Кубанскаго края.

Послѣ Крыма и Кубани, Суворовъ получилъ на 2 г. Владимірскую дивизію. Это время считаетъ онъ «бездѣйствіемъ», и тутъ-то разошелся онъ съ женой, отдавъ дочь въ институтъ, а малютку-сына оставивъ при матери.

Въ концѣ 1786 г. Суворовъ по старшинству произведенъ въ генералъ-аншефы (полный генералъ) и по желанію Потемкина поставленъ во главѣ войскъ въ Кременчугѣ, ибо Потемкину во время волшебнаго путешествія Екатерины въ Крымъ, нужно было представить и войска въ должномъ видѣ.

30 апрѣля былъ смотръ войскамъ Суворова, который произвелъ свое обычное ученье. Всѣ были поражены щегольскимъ снаряженіемъ солдатъ, ихъ видомъ и особенно точностью и живостью движеній и дѣйствій. Спутникъ Екатерины, императоръ Іосифъ II, говоритъ, что не видѣлъ лучшихъ войскъ.

Послѣ этого смотра имя Суворова стало достояніемъ всей Европы, и къ его боевымъ подвигамъ прибавилась слава выдающагося военнаго учителя. Въ общемъ, созрѣло всеобъемлющее дарованіе, способное и бить врага въ открытомъ полѣ, и мирнымъ путемъ присоединять цѣлыя области,—и обучать войска истребленію врага, и покорять безъ выстрѣла сердца цѣлыхъ народностей...

5. 3-я Турецкая война. Кинбурнъ. Фокшаны. Рымникъ. Измаилъ.

Присоединеніе Крыма къ Россіи нанесло ударъ Турціи, какъ главѣ магометанскаго міра, а въ европейскихъ враждебныхъ намъ государствахъ поселило зависть. По наущенію Англіи и Пруссіи, Турція потребовала въ 1787 г. возвращенія Крыма и уничтоженія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, а получивъ отказъ, 13 сентября объявила войну.

Намъ эта война была нежелательна. Дѣла въ Польшѣ ухудшались, назрѣвалъ разрывъ со Швеціей, и Пруссія была враждебна. Но вызова турокъ нельзя было не принять, и война началась при полной почти неготовности нашей.

Цѣль турокъ была овладѣть Крымомъ и кр. Кинбурномъ, которая затрудняла входъ въ Днѣпръ и прямое сообщеніе Очакова съ Крымомъ.

У насъ были 2 арміи: Екатеринославская, Потемкина, въ 70 т. ч. для обороны Крыма и вторженія въ Турцію съ бер. Чернаго моря; и Украинская, гр. Румянцева, въ 30 т. ч., для связи съ австрійцами (обязавшимися прибыть на помощь намъ) и съ Потемкинымъ, для охраны пространства отъ Кіева до Хотина и прикрытія тыла Потемкина отъ Польши. Въ ожиданіи общаго сбора приказано было Суворову съ 30 т. ч. оборонять Херсонъ и Кинбурнъ и поддерживать наши войска въ Крыму.

У Суворова, съ растяжкой отъ Херсона до Кинбурна, въ Кинбурнѣ и окрестностяхъ было лишь до 3 т. ч., но здѣсь былъ самъ Суворовъ, оцѣнившій значеніе Кинбурна, который, хотя мало былъ пригоднымъ для обороны, но все же запиралъ выходъ изъ лимана вдоль Кинбурнской косы, гдѣ турки могли высадиться лишь съ востока и запада.

Турки, увѣренные въ неготовности нашей, рѣшили нежданно овладѣть Кинбурномъ. Все 30 сентября и съ разсвѣтомъ 1 октября они обстрѣливали съ судовъ крѣпость, но Суворовъ приказалъ не отвѣчать. Въ 9 ч. у. къ зап. оконечности косы подошелъ большой флотъ и началъ высаживать 6 т. отборныхъ янычаръ. На востокъ отъ Кинбурна высадились, для отвода, запорожцы, но были прогнаны.

Подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ турки быстро принялись рыть окопы поперекъ косы и ставить рогатки, а суда были отведены далеко въ море, чтобы янычары не думали объ отступленіи. Суворовъ, молясь въ церкви, приказалъ не мѣшать высадкѣ: «Пусть всѣ вылѣзутъ». Было лишь указано спѣшить къ крѣпости войскамъ изъ окрестностей. Когда, при полномъ нашемъ безмолвіи, турки вырыли 15 рядовъ окоповъ и были отъ крѣпости всего въ 1 в., Суворовъ спокойно построилъ 6 б-новъ и 5 р. пѣх. въ шахматномъ порядкѣ въ 2 линіи, а конницу — южнѣе, вдоль берега моря (уступъ).

Въ крѣпости и въ обозѣ за крѣпостью — оставлено по 2 роты.

Въ 3 ч. д. передовые турки подошли на 200 ш. къ гласису. Суворовъ далъ залпъ изъ всѣхъ возможныхъ орудій, а 1 линія съ 2 каз. п. и 2 эск. драг. мгновенно уничтожила турецкій авангардъ.

Затѣмъ, несмотря на огонь 600 ор. съ моря, 1 линія ген. Река отняла 10 рядовъ окоповъ, но здѣсь остановилась: коса очень сузилась, упорство турокъ, очнувшихся отъ перваго удара, возросло. Суворовъ ввелъ 2 линію и 2 эск. Но янычары, опрокинувъ нашихъ, взяли обратно всѣ окопы.

Суворовъ былъ въ переднихъ рядахъ, пѣшій (лошадь была ранена). Нѣсколько турокъ бросились на него, но рядовой Шлиссельбургскаго полка Новиковъ одного застрѣлилъ, другого закололъ, остальные бѣжали. Отступавшіе гренадеры замѣтили Суворова; кто-то закричалъ: «Братцы, генералъ остался впереди»,

и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросились снова на турокъ. Опять окопы одинъ за другимъ начали переходить въ наши руки. Но и этотъ успѣхъ былъ непродолжителенъ: огонь съ суши и съ судовъ насъ отбросилъ.

Къ довершенію Суворовъ былъ раненъ картечью ниже сердца и потерялъ сознаніе. Казалось, все было потеряно. Но огонь турецкаго флота былъ ослабленъ дерзостью лейтенанта Ломбарда: турки приняли его галеру за брандеръ и быстро начали уходить, а Суворовъ скоро пришелъ въ себя. «Я въ 3-й разъ обновилъ сраженіе»,—писалъ онъ: «побѣда совершенная»... Немедля двинуты 4 роты изъ обоза, и крѣпости, и тутъ же прискакала за 36 в. легко-конная бригада, вызванная утромъ [1]). Свѣжія войска пошли бурнымъ порывомъ. Конница рубила въ лобъ, пѣхота штыками шла съ сѣв., казаки съ юга. Артиллерія картечью била почти въ упоръ.

Въ концѣ боя Суворовъ вновь раненъ въ руку пулею на вылетъ, но не покидалъ строя, хотя отъ потери крови и падалъ часто въ обморокъ.

Изъ 6 т. высадившихся турокъ осталось живыхъ 700 ч. Мы потеряли до 1000 ч. уб. и ран. Побѣда подъ Кинбурномъ — слѣдствіе руководства боемъ Суворовымъ.

Необыкновенная настойчивость Суворова, доблесть войскъ, общій подъемъ духа дали дѣйствительно то, что: «Наша Кинбурнска коса вскрыла первы чудеса»,—особенно когда, по словамъ самого Суворова, турки были: «Молодцы: съ такими я еще не дрался».

Начало войны Кинбурнской побѣдой удручило турокъ, а Суворовъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго при рескриптѣ. «Чувствительны Намъ раны ваши»,—писала Екатерина. Потемкинъ не находилъ словъ благодарить Суворова. Но плодами побѣды не воспользовались: войска не были въ сборѣ; наставала зима. Военныя дѣйствія прекратились.

Зиму Суворовъ пробылъ въ Кинбурнѣ, плохо поправляясь отъ ранъ.

Къ марту 1788 г. наши арміи были почти готовы. Австрія, объявивъ войну, выставила помощь, но дѣйствія все не начинались. Только въ іюлѣ Потемкинъ, наконецъ, медленно приступилъ къ осадѣ Очакова. Осада, какъ всегда, затянулась, появились болѣзни. Суворовъ мучился, язвилъ Потемкина. «Не такими способами бивали мы поляковъ и турокъ»,—говорилъ онъ:—«однимъ глядѣніемъ крѣпости не возьмешь. Послушались бы меня, давно Очаковъ былъ бы въ нашихъ рукахъ».

Преслѣдованіе вылазки турокъ безъ разрѣшенія Потемкина—осложнило дѣло. Потемкинъ послалъ офицера за объясненіями,

[1]) «Счастье не измѣнило своему любимцу въ это роковое мгновеніе»,—говоритъ Петрушевскій.

къ Суворову, у котораго въ это время вынимали пулю изъ шеи. Суворовъ отвѣтилъ:

«Я на камушкѣ сижу,
На Очаковъ я гляжу».

Послѣ этого Суворову пришлось уѣхать въ Кинбурнъ, гдѣ онъ слегъ. Лѣченіе шло неудачно: произошелъ взрывъ лабораторіи, и Суворовъ былъ снова раненъ въ лицо, грудь, руку и ногу. Пришлось лѣчиться въ Херсонѣ, а потомъ, до слѣдующаго года, въ Кременчугѣ.

Наконецъ, послѣ долгой томительной осады, Очаковъ былъ взятъ 6 декабря все же приступомъ, а слѣдующій годъ пришлось начать при условіяхъ, менѣе благопріятныхъ. Швеція объявила войну. Польша тоже грозила разрывомъ. Но война въ Турціи 1789 г. началась удачно,—Дерфельденъ дважды разбилъ турокъ, и еще лучше пошли дѣла, когда въ концѣ апрѣля Дерфельденъ сдалъ дивизію Суворову, который получилъ ее, однако, лишь послѣ личнаго обращенія къ Екатеринѣ. Ставъ у Бырлада, Суворовъ явился ближайшимъ сосѣдомъ только что прибывшихъ 18 т. австрійцевъ, принца Кобургскаго, у Аджуда.

Такъ какъ мы бездѣйствовали, турки рѣшили быстро двинуть на австрійцевъ къ Фокшанамъ 30 т. Османа-паши.

Принцъ просилъ Суворова о помощи. Суворовъ, оставивъ въ Бырладѣ часть силъ, выступилъ съ 7 т. ч., извѣстивъ принца запиской: «Иду, Суворовъ».

Пройдя въ 28 ч. 50 в. по дурной дорогѣ, Суворовъ прибылъ къ австрійцамъ въ 10 ч. в. 17 іюня такъ нежданно, что Кобургъ повѣрилъ, только самъ увидѣвъ русскихъ.

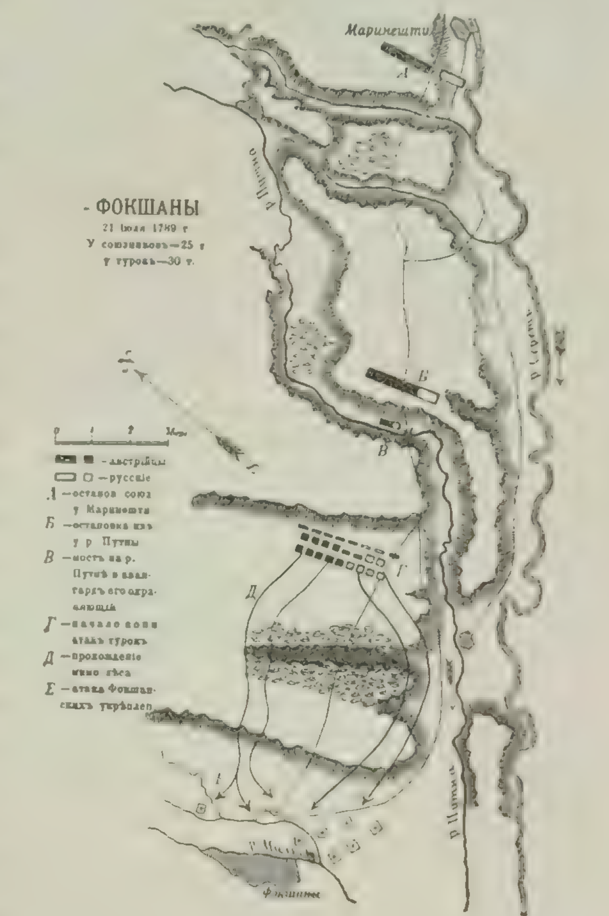
Все 18-е пошло на наводку мостовъ черезъ р. Тротушъ, и наши хорошо отдохнули. Утромъ принцъ послалъ привѣтъ Суворову, прося свиданія. Суворовъ отвѣтилъ уклончиво. Второму посланному отвѣтили, что Суворовъ Богу молится, 3-му—Суворовъ спитъ. Позже Суворовъ говорилъ: «Мы все время провели бы въ преніяхъ дипломатическихъ, тактическихъ, энигматическихъ; меня бы загоняли, а непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ, разбивъ тактиковъ».

Въ 11 ч. Суворовъ послалъ Кобургу французскую записку: «Войска выступаютъ въ 2 часа ночи тремя колоннами, среднюю составляютъ русскіе. Непріятеля атаковать всѣми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влѣво, чтобы на зарѣ прибыть къ р. Путнѣ, которую перейти, продолжая атаку. Говорятъ, что передъ нами турокъ тысячъ 50, а другіе 50 дальше. Жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, лучше было бы покончить съ ними разомъ».

Кобургъ согласился не безъ колебанія. Но, во-1-хъ, уже было некогда, а во-2-хъ, принцъ невольно подчинился Суворову, хотя и былъ старше.

Союзники выступили 19 ночью. За р. Тротушъ перестроились въ 2 колонны: зап. австрійцы, вост. наши. Впереди нашихъ, чтобы скрыть прибытіе ихъ, шла австрійская конница Карачая, и остановки наши дѣлали укрыто.

Утромъ 20 продолжали итти къ р. Путнѣ, гдѣ были передовыя войска турокъ. Главныя силы ихъ были въ укрѣпленномъ лагерѣ, у г. Фокшанъ. Въ 4 ч. д. турки были сбиты за Путню, и союзники подъ проливнымъ дождемъ навели мостъ. На разсвѣтѣ 21 Суворовъ пошелъ къ Фокшанамъ.

Австрійцы построились въ 2 линіи, конница сзади, Суворовъ—въ 5 линій, конница впереди.

Турецкая конница окружила союзниковъ, особенно Суворова. Однако, испытанная въ бояхъ съ турками пѣхота наша была несокрушима: движеніе продолжалось. На пути лежалъ густой лѣсъ, занятый турками. Суворовъ рѣшилъ его обойти: австрійцамъ съ зап., русскимъ съ вост. Турки толпами отступили въ главный лагерь. Обойдя лѣсъ, Суворовъ пошелъ еще къ вост., болотистымъ камышемъ, чтобы выйти въ бокъ турецкому лагерю, австрійцы продолжали движеніе въ лобъ.

Съ орудійнаго выстрѣла турки открыли сильную пальбу, но союзники, примкнувъ теперь другъ къ другу, ускоренно шли на врага. Въ 1000 ш. отъ турокъ артиллерія ихъ открыла огонь, а когда конница опрокинула турецкую конницу и часть пѣхоты, первая линія союзниковъ, подъ начальствомъ Дерфельдена, безъ выстрѣла, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, бросилась въ штыки.

Разбитыя на-голову, войска Османа бѣжали на Рымникъ и Бузео. Легкія войска союзниковъ преслѣдовали до ночи. Черезъ нѣсколько недѣль Османъ собралъ едва нѣсколько сотъ человѣкъ.

Послѣ побѣды, которая обошлась всего въ 400 ч. уб. и ран., Суворовъ и Кобургскій впервые увидѣлись; они обнялись, по-

цѣловались. Принцъ, совершенно очарованный умомъ и обращеніемъ Суворова, сдѣлался на всю жизнь его другомъ.

Фокшанскій разгромъ былъ неожиданъ и для насъ, и для турокъ. Мы наступать еще не думали; вдругъ слабыя силы Суворова присоединяются къ австрійцамъ, увлекаютъ ихъ и могучимъ ударомъ наносятъ врагу пораженіе. Турки, шедшіе раздавить одинокихъ австрійцевъ, вдругъ сами терпятъ пораженіе. Безъ сомнѣнія, было чему подивиться. Екатерина заплакала отъ радости и при милостивомъ рескриптѣ пожаловала Суворову брильянтовый крестъ и звѣзду къ Св. Андрею Первозванному. Австрійскій Императоръ прислалъ при рескриптѣ дорогую табакерку съ брильянтовымъ шифромъ. Общественное мнѣніе Россіи выражало громко восторгъ. Суворовъ былъ вездѣ героемъ. Турки начали суевѣрно бояться Суворова, маленькій «Топалъ Паша» [1]) сдѣлался пугаломъ: въ его рукахъ стали побѣждать и австрійцы!

Побѣда вновь была одержана искусствомъ и силою духа. Непреклонная воля Суворова увлекла на побѣдный путь и новыхъ союзниковъ. Полная его увѣренность въ побѣдѣ заставила и ихъ смотрѣть на дѣло увѣренно и спокойно.

Искусство проявилось во встрѣчномъ ударѣ, который разрушилъ наступательный замыселъ турокъ.

Оно же видно въ напряженности дѣйствій, въ глубокомъ построеніи, съ умѣлымъ сочетаніемъ родовъ войскъ, въ громовомъ ударѣ на полѣ сраженія, въ преслѣдованіи. Но главное было то, что: «Фокшаны зажмутъ ротъ тѣмъ, кои разсѣивали, что мы съ австрійцами въ несогласіи»,—какъ сказала Екатерина.

Однако, и плодами Фокшанской побѣды мы не воспользовались: мы снова не были готовы къ общему наступленію... Суворовъ ушелъ обратно въ Бырладъ, Кобургъ остался въ Фокшанахъ. Великій визирь вновь рѣшилъ наступать. Искусно обманувъ Потемкина, онъ лично съ 90—100 т. ч. устремился на Рымникъ, разбить Кобурга.

Суворовъ, зорко слѣдя, разгадалъ намѣреніе турокъ и перешелъ изъ Бырлада въ Пуцени, чтобы легче помочь австрійцамъ. 6 сентября ночью онъ получилъ извѣстіе о движеніи противъ Кобурга великаго визиря и просьбу о помощи. Суворовъ, не убѣжденный еще пока, остался наблюдать Галацъ, но усилилъ развѣдку. 7-го явился второй гонецъ: громадныя силы турокъ всего въ 16 в. отъ принца. Теперь Суворовъ уже повелъ свои 7 т. ч. и, сдѣлавъ въ 2 сутокъ болѣе 75 в. по отвратительнымъ дорогамъ при ливнѣ и наводкѣ ряда мостовъ, 10 сентября соединился съ австрійцами. Турки, межъ тѣмъ, остановясь въ укрѣпленномъ лагерѣ на р. Рымникѣ, ограничились стычками.

[1]) «Хромой генералъ». Суворовъ хромалъ еще послѣ Туртукая.

Рѣшеніе Суворова было немедленно напасть самому. Принцъ не соглашался, говорилъ, что несоразмѣрность силъ слишкомъ велика, русскія войска очень изнурены, позиція турокъ очень сильна и т. п. Суворовъ раздраженно отвѣчалъ: «Численное превосходство непріятеля, его укрѣпленная позиція, потому-то именно мы и должны атаковать его, чтобы не дать ему времени укрѣпиться еще сильнѣе. Впрочемъ дѣлайте, что хотите, а я одинъ съ моими русскими войсками намѣренъ атаковать турокъ и тоже одинъ надѣюсь разбить ихъ».

Принцу оставалось исполнить волю Суворова. Суворовъ сдѣлалъ развѣдку съ высокаго дерева. У д. Тырго-Кукули стояло

РЫМНИКЪ—11-го сентября 1789 г.
у союзниковъ—25 т., у турокъ—90 т.

до 15 т. ч. Западная опушка лѣса Крынгу-Мейлоръ была занята 40 т. ч., въ длинномъ ретраншаментѣ съ засѣками, обезпеченными топкими болотами. Остальныя 35—45 т. турокъ—въ укрѣпленномъ лагерѣ у Мартинешти на р. Рымникѣ.

Вернувшись, Суворовъ предписалъ союзникамъ начать движеніе ночью; австрійскимъ войскамъ—на лѣсъ Крынгу-Мейлоръ, противъ крыла и средины непріятеля; на себя Суворовъ бралъ самую трудную задачу: двинуться бокомъ, на д. Тырго-Кукули, зайти правымъ плечомъ на д. Богчу и одновременно съ австрійцами ударить на главныя силы турокъ. Связь между русскими и

австрійцами—конница Карачая. Построеніе наше—какъ и подъ Фокшанами, при чемъ оно указано и австрійцамъ.

Преодолѣвъ (2 б-на Фанагорійскихъ гренадеръ) крутой оврагъ и отбивъ яростные удары конницы турокъ, наши овладѣли передовымъ лагеремъ.

Пр. Кобургскій двигался на лѣсъ Крынгу-Мейлоръ. Великій визирь приказалъ всей конницѣ, свыше 20 т. коней, ударить въ большой промежутокъ между союзниками.

Три раза бросались турки, но безуспѣшно. Наконецъ, они дали тылъ и, преслѣдуемые союзной конницей, понеслись на д. Богчу. Занявъ д. Тырго-Кукули, Суворовъ быстро зашелъ на вост., на д. Богчу. Въ 3—4 в. отъ лѣса, пользуясь близостью колодцевъ, онъ далъ истомленнымъ войскамъ напиться. Черезъ $^1/_2$ ч., тщательно осмотрѣвшись, вновь пошелъ на д. Богчу. Въ это время прибылъ великій визирь съ свѣжей конницей.

Земля задрожала отъ топота 40 т. коней, и турецкая конница окружила со всѣхъ сторонъ. Но, соперничая съ русскими въ храбрости, австрійцы мужественно встрѣтили противника, а конница Карачая рубила турокъ съ боковъ и тыла.

Между тѣмъ, Суворовъ овладѣлъ д. Богча. Увидѣвъ у себя въ тылу русскихъ, турки отхлынули частью къ лѣсу, частью къ Мартинешти.

Австрійцы скоро примкнули къ сѣв. нашему крылу. Теперь предстояло овладѣть лѣсомъ Крынгу-Мейлоръ, съ 40 т. не бывшихъ еще въ бою янычаръ. Мгновеннымъ натіемъ свыше, дабы поразить турокъ неожиданностью и меньше терпѣть отъ огня, Суворовъ пустилъ впередъ всю конницу и за ней бѣгомъ пѣхоту. Въ 300 с. отъ турокъ союзная конница черезъ пѣхоту бѣшено понеслась на укрѣпленія. Стародубскій карабинерный полкъ съ полк. Миклашевскимъ первый перескочилъ окопы, за нимъ влетѣли австрійскіе гусары. Казаки и арнауты ворвались съ тыла. Не успѣли янычары прійти въ себя, какъ союзная пѣхота съ криками «ура» и «да здравствуетъ Францъ» хлынула вслѣдъ за конницей. Началась страшная рѣзня. Турки бросились къ Мартинешти. Великій визирь пытался остановить ихъ, читалъ коранъ, умолялъ, грозилъ, стрѣлялъ изъ орудій: ничто не помогло. Только наступившая ночь спасла остатки бѣглецовъ.

Побѣда была полная. 15—20 т. ч. лежали на полѣ битвы, остальные разсѣялись. Великій визирь собралъ впослѣдствіи только 15 т. ч. Потери побѣдителей не превосходили 600—800 ч. Добыча—огромная.

Суворовъ получилъ достоинство графа Рымникскаго, Георгія I степ., брильянтовый эполетъ, богатую шпагу и цѣнный перстень; австрійскій императоръ возвелъ его въ званіе «графа Священной Римской Имперіи».

Генералиссимусъ кн. А. В. Суворовъ.

Съ портрета находящагося въ Николаевской Военной Академіи.

Силою воли Суворовъ увлекъ колеблющагося союзника.

Такъ же, какъ подъ Фокшанами, рѣшилъ онъ дѣйствовать самымъ страшнымъ оружіемъ: неожиданностью. Быстрое соединеніе его съ австрійцами было столь невѣроятно, что визирь приказалъ отрубить голову лазутчику, донесшему, что Суворовъ 7 сентября въ Пуцени.

Турки были разбросаны въ 3 мѣстахъ, и визирь, ожидавшій подкрѣпленій противъ австрійцевъ, былъ разбитъ по частямъ.

Боковое движеніе съ 7-ю тыс., имѣя впереди 15 т. противника, а сбоку 40 т., — выполнено съ поразительнымъ искусствомъ. Распоряженіе объ ударѣ конницей на укрѣпленія Крынгу-Мейлорскаго лѣса относится къ числу блистательнѣйшихъ вдохновеній генія.

Сила духа Суворова, его увѣренность въ побѣдѣ передалась и въ войска, которыя проявили необыкновенный подъемъ, особенно русскія. Одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ писалъ: «Какъ ни хороши наши люди, но русскіе еще превосходятъ ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; почти невѣроятно то, что о нихъ разсказываютъ. Нѣтъ мѣры ихъ повиновенію, вѣрности, рѣшимости и храбрости. Они стоятъ, какъ стѣна, и все должно пасть передъ ними». Рымникская побѣда была столь потрясающа, что, перейди и мы въ общее наступленіе, война кончилась бы въ томъ же году. Суворовъ и далъ смѣлый совѣтъ похода за Дунай, но Потемкинъ продолжалъ бездѣйствовать, и зима опять прервала походъ до будущаго года...

Все же Потемкинъ рѣшилъ до зимы овладѣть крѣпостями по Нижнему Дунаю. Корпусъ Мелера-Закомельскаго (10 т.) былъ собранъ на Н. Дунаѣ; к-съ Суворова (12 т.)—у Галаца. Кромѣ того, въ устье Дуная прибыли содѣйствовать сухопутнымъ войскамъ гребныя суда Рибаса. Въ половинѣ октября Мелеръ-Закомельскій овладѣлъ Килiей, а въ половинѣ ноября де-Рибасъ овладѣлъ Тульчей и Исакчей.

Вторично (въ 1-й разъ въ 1787 г.) войска наши подошли къ Измаилу и подъ начальствомъ 3 равновластныхъ начальниковъ: Мелера-Закомельскаго, Потемкина (племянника Князя) и Рибаса,—приступили къ осадѣ.

Измаилъ къ 1790 г. былъ сильно укрѣпленъ иностранными инженерами. Главный валъ, до 6 в. протяженія, имѣлъ 7 бастіоновъ и большое число входящихъ и исходящихъ угловъ. Въ ю.-в. части, лицомъ къ рѣкѣ, былъ кавальеръ 40 ф. высоты, съ 22 ор. Валъ крѣпости былъ 3—4 с. высоты, ровъ 6 с. ширины и 3—5 с. глубины, мѣстами съ водою до плечъ. Всѣ верки были земляные, за исключеніемъ двухъ каменныхъ бастіоновъ; кромѣ того, Бендерскій бастіонъ въ сѣв. исходящемъ углу имѣлъ каменную одежду. Прирѣчная сторона была слабѣе, но турки не пред-

полагали, что мы войдемъ въ устье Дуная. Вооруженіе крѣпости состояло изъ 200 крупныхъ ор. Самый городъ высился уступами; прочные ханы, гостиницы, мечети способствовали оборонѣ. Сообщенія шли черезъ 4 воротъ: Царьградскія (Броскія) и Хотинскія на с.-з. сторонѣ, и Бендерскія и Килійскія на с.-в.

Число защитниковъ достигало 35 т. ч., изъ нихъ 8 т. конницы, 17 т. янычаръ, нѣсколько тыс. татаръ.

Защитникъ Измаила, старый, посѣдѣлый въ бояхъ Айдозли Мехметъ-паша, былъ человѣкъ рѣшительный, твердый и дѣльный. Султанъ обѣщалъ, что если Измаилъ будетъ взятъ, оставшіеся живыми защитники будутъ казнены. Боевыхъ припасовъ было въ изобиліи, продовольствія—на $1^1/_2$ мѣсяца.

Такимъ образомъ, Измаилъ былъ крѣпостью сильною, хорошо вооруженною и снабженною, съ многочисленнымъ, храбрымъ гарнизономъ и съ опытнымъ, рѣшительнымъ вождемъ.

Скорое овладѣніе Измаиломъ было весьма трудно. Между тѣмъ, оно было крайне необходимо политически, дабы заключить миръ съ Турціей, пока враждебныя намъ державы не успѣли помочь ей, для чего и надо было кончить войну сильнымъ ударомъ. Между тѣмъ, дѣла наши шли плохо. Въ сырое, холодное время въ войскахъ появились болѣзни, нехватало довольствія. 26 ноября на военномъ совѣтѣ рѣшено, въ виду неодолимости Измаила, отойти на зиму подальше. Нѣкоторыя части уже приводили въ исполненіе это рѣшеніе, Рибасъ объявилъ, что уходитъ къ Суворову, въ Галацъ, — какъ вдругъ пришло извѣстіе, что начальникомъ войскъ, собранныхъ подъ Измаиломъ, Потемкинъ назначилъ Суворова. Извѣстіе это, какъ искра, облетѣло войска. Всѣ ожили, всѣ знали, чѣмъ кончится дѣло: «Какъ только прибудетъ Суворовъ, крѣпость возьмутъ штурмомъ», — говорили всѣ, особенно Рибасъ, иначе и не называвшій Суворова, какъ героемъ.

Суворовъ отправилъ изъ Галаца подъ Измаилъ Фанагорійскихъ гренадеръ, 200 казаковъ, 1 т. арнаутовъ и 150 охотниковъ Апшеронскаго полка, 30 лѣстницъ и 1 т. фашинъ, продовольственные запасы, а самъ поскакалъ впередъ.

Рано утромъ 2 декабря, пройдя болѣе, чѣмъ 100 в., къ Измаилу подъѣхали два всадника, забрызганные грязью: это были Суворовъ и казакъ, который въ маленькомъ узелкѣ везъ все имущество вождя.... Раздалась привѣтственная пальба, общая радость распространилась въ войскахъ: въ маленькомъ, сморщенномъ старичкѣ явилась сама побѣда!....

Суворовъ немедленно приступилъ къ дѣлу. Ежедневно выѣзжалъ съ офицерами на развѣдки, изучая внимательно каждую складку мѣстности, давалъ указанія, гдѣ и какъ вести войска на приступъ. Были заложены батареи съ цѣлью убѣдить турокъ

въ желаніи вести осаду. Рибасъ выстроилъ сильныя батареи на о-вѣ Сулинѣ и училъ войска посадкѣ на суда. Въ лагерѣ были выстроены валы и рвы на подобіе измаильскихъ, и ночью подъ руководствомъ Суворова войска учились преодолѣвать ихъ; готовились лѣстницы, фашины [1]).

7 декабря Суворовъ послалъ въ Измаилъ письмо Потемкина сдать крѣпость и къ письму приложилъ свою записку: «Сераскиру, старшинамъ и всему обществу: я съ войсками сюда прибылъ. 24 часа на размышленіе для сдачи и воля; первые мои выстрѣлы—уже неволя; штурмъ—смерть. Что ставлю вамъ на разсмотрѣніе». Сераскиръ отвѣтилъ письмомъ, прося перемирія на 10 дней, а на словахъ прибавилъ: «скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи, и небо рушится на землю, чѣмъ сдастся Измаилъ».

Суворовъ понялъ отвѣтъ сераскира и сообщилъ, что вопреки обыкновенію даетъ на размышленіе еще 24 часа. Въ назначенный срокъ отвѣта не было, и на 11 число назначено взять Измаилъ. 24 часа пошли на завершеніе, нарядусъ вещественной, небывалой по умѣнію и объему, и нравственной подготовки.

Суворовъ ходилъ по бивакамъ, говорилъ съ солдатами и офицерами, вспоминалъ прежнія побѣды, указывалъ на трудности овладѣнія Измаиломъ. «Видите ли эту крѣпость»,—говорилъ онъ, указывая на Измаилъ: «стѣны ея высоки, рвы глубоки, а всетаки намъ нужно взять ее. Матушка Царица приказала, и мы должны Ея слушаться».—«Съ тобой все возьмемъ», восторженно отвѣчали люди. Гордый отвѣтъ сераскира Суворовъ приказалъ прочесть въ каждой ротѣ, чтобы еще больше поднять жажду побѣды. Казакамъ съ короткими пиками внушалось, что онѣ—оружіе, наиболѣе въ тѣснотѣ способное къ дѣйствіямъ.

Но надо было повліять и на генераловъ. Еще нѣсколько дней назадъ они считали взятіе Измаила невозможнымъ и рѣшили отступать. Суворовъ созвалъ военный совѣтъ и произнесъ одушевленную рѣчь, указывая, что уже два раза русскіе безуспѣшно подступали къ Измаилу, третья неудача немыслима, надо или взять крѣпость или умереть. «Я рѣшился овладѣть крѣпостью, либо погибнуть подъ ея стѣнами», закончилъ онъ.

Общее быстрое постановленіе было—приступъ...—Участь Измаила была рѣшена!..

У Суворова подъ Измаиломъ было всего 31 т. ч., изъ нихъ 15 т. пѣшихъ казаковъ, плохо вооруженныхъ. Войска раздѣлились на три крыла, по три колонны каждое. Рибасъ (9 т. ч.) съ рѣчной стороны, правое крыло Потемкина ($7^1/_2$ т.)—на зап. часть крѣпости, лѣвое крыло Самойлова (12 т.) на вост. Конная поддержка Вестфалена ($2^1/_2$ т.) на сухопутной сторонѣ.

[1]) Байронъ говоритъ: «Такъ онъ училъ свои молодыя войска выходить невредимыми изъ огня, подобно саламандрамъ».

Колоннамъ дано: 1-й, г. Львова, взять ред. Табію съ тыла; 2-й, Ласси — куртину у Броскихъ воротъ, 3-й, Мекноба, Хотинскія ворота; каждая колонна изъ 5 б-новъ. Въ головѣ — 128 — 150 стрѣлковъ, за ними рабочіе съ шанцевымъ инструментомъ, затѣмъ 3 б-на съ фашинами и лѣстницами, наконецъ, поддержка — 2 б-на въ общемъ каре. 4-й колоннѣ, Орлова (2 т. казаковъ) — взять валъ восточнѣе Бендерскихъ воротъ; 5-й, Платова (5 т. каз.) — итти по лощинѣ противъ вост. части крѣпости и помогать флоту. Въ поддержку казакамъ — 2 б-на Полоцкаго мушкетерскаго полка. Впереди колоннъ — 150 лучшихъ казаковъ съ ружьями, затѣмъ рабочіе, за ними казаки съ короткими пиками; 6-й к., Голенищева-Кутузова (5 б-новъ каз.), взять Килійскія ворота.

Съ рѣчной стороны 1-й колоннѣ Арсеньева (3 б-на, 2 т. каз.) итти противъ кавальера и ближайшаго къ берегу бастіона; 2-й, бригадира Чепеги (3 б-на, 1900 каз.) противъ средней части крѣпости; 3-й, Маркова (5 б-новъ, 1000 каз.) — противъ старой крѣпости. Въ лагерѣ оставлено по 100 человѣкъ отъ каждаго баталіона поддержки [1]). Колоннымъ начальникамъ дана полная свобода дѣйствій въ расходованіи резервовъ (Туртукай...).

Распредѣленіе войскъ указываетъ главный ударъ съ рѣчной стороны, которая и была слабѣе; остальныя войска, особенно казаки, занимали противника, развлекая его силы. Особенно важно отсутствіе общей поддержки изъ пѣхоты и замѣна ея конницей: сразу введены всѣ силы.

---

[1]) Сборная поддержка, обезпеченіе дѣйствій изъ глубины.

Для внезапности, Суворовъ избралъ ударъ ночью. Кромѣ того, ожидая упорнаго сопротивленія турокъ, онъ хотѣлъ имѣть возможно больше свѣтлой части дня (разсвѣтъ въ Измаилѣ 7 ч. у., закатъ 4 ч. дня). Для одновременности установлены ракеты. По 3-й, въ 5 ч. н., войскамъ итти. Но во избѣжаніе недоразумѣній приказано всѣмъ начальникамъ свѣрить свои часы, а чтобы «басурманы» не догадались, что означаютъ ракеты, приказано было пускать ихъ въ лагерѣ каждую ночь.

Войскамъ даны подробныя наставленія: что дѣлать стрѣлкамъ, рабочимъ; какъ пользоваться лѣстницами и фашинами; какъ вести себя по овладѣніи валомъ, открывая ворота для поддержекъ, охраняя пороховые погреба и пр. Въ общемъ, всѣ знали свои мѣста и обязанности.

Стать въ ружье приказано лишь за $^1/_4$ часа до начала движенія, «дабы медленіями не угашать стремленія къ пріобрѣтенію славы». Строго запрещалось грабить городъ во время боя, трогать мирныхъ жителей и особенно женщинъ и дѣтей.

Накану́нѣ приступа, съ восходомъ солнца, всѣ батареи открыли сильный огонь по крѣпости, произведя значительныя поврежденія. Въ тотъ же день Суворовъ отдалъ приказъ, который кончался словами: «Два раза осаждала Измаилъ русская армія и два раза отступала; намъ остается въ третій разъ или побѣдить, или умереть со славою».

Ночь 11 декабря была темная, пасмурная; дѣятельный вождь Измаила объѣзжалъ валы, повѣряя сторожевую службу. Нѣсколько казаковъ перебѣжали къ туркамъ. Неожиданность частью пропала, но и утомленіе турокъ возросло. Никто не спалъ и у насъ; офицеры и солдаты собирались у костровъ, разговаривали о предстоящихъ подвигахъ. Суворовъ ходилъ по бивакамъ и заводилъ разговоры. «Какой полкъ?»,—спрашивалъ онъ; получивъ отвѣтъ, хвалилъ солдатъ, припоминалъ минувшіе дни. «Славные люди, храбрые солдаты»,—восклицалъ онъ:—«тогда они дѣлали чудеса, а сегодня превзойдутъ самихъ себя». Простыя, живыя рѣчи обожаемаго полководца воспламеняли сердца солдатъ и офицеровъ, всѣ жаждали показать себя достойными похвалъ.

Въ 1 ч. н. Суворовъ прилегъ къ костру, но заснуть не могъ. Въ 3 ч. взвилась первая ракета, и войска заняли назначенныя мѣста. Въ $5^1/_2$ ч. пошли на приступъ. Густой туманъ скрывалъ движеніе. Вдругъ огненное кольцо опоясало крѣпость, раздался грохотъ 250 крѣпостныхъ орудій, а вслѣдъ затѣмъ начался огонь по крѣпости 500 ор. съ прирѣчной стороны. Войска быстро приблизились ко рву и, забросавъ его фашинами, спускались, приставляли лѣстницы къ стѣнамъ, карабкались на нихъ. Первымъ вошелъ на валъ Ласси. Войска Львова, перейдя ровъ, наткнулись на высокій палисадъ; Львовъ первый прыгнулъ черезъ него, за

нимъ всѣ люди—и овладѣли Броскими воротами и Хотинскими, въ которыя и влетѣла немедля часть конницы.

Кутузовъ, произведя отчаянный ударъ на бастіонъ Килійскихъ воротъ, замялся. Суворовъ, замѣтя это, послалъ сказать, что Кутузовъ назначается комендантомъ Измаила, и послано донесеніе въ Петербургъ о взятіи крѣпости.

У Мекноба лѣстницы оказались коротки; пришлось связывать ихъ по двѣ, подъ страшнымъ огнемъ; наконецъ, удается взойти на валъ, но тутъ встрѣтилъ самъ сераскиръ съ отборными янычарами. Мекнобъ смертельно раненъ, почти всѣ офицеры перебиты, но валъ все же нашъ.

Орловъ уже карабкался на стѣны, какъ вдругъ толпа турокъ бросилась сбоку на казаковъ. Пики разлетаются подъ ударами, безоружные казаки гибнутъ. Суворовъ двигаетъ на помощь имъ конницу и 2 б-на Полоцкаго мушкетерскаго полка—и только часть турокъ спаслась въ крѣпость, но успѣла затворить ворота.

Платовъ, перейдя по поясъ въ водѣ, взбирался на валъ. Услышавъ побѣдный крикъ «Алла» противъ Орлова, казаки, потерявъ и сами много убитыхъ, остановились, но атаманъ съ крикомъ: «Съ нами Богъ и Екатерина, братцы за мной!» бросился впередъ. Помощь 1 б-на Бугскихъ егерей отъ Кутузова рѣшаетъ дѣло: казаки входятъ въ связь съ Рибасомъ, войска коего быстро въ порядкѣ высадились на берегъ и тоже овладѣли валомъ.

Наступилъ день. Главный валъ былъ въ нашихъ рукахъ. Турки отступили въ городъ, приготовясь къ послѣдней, отчаянной оборонѣ. Послѣ короткаго отдыха, придя въ порядокъ, съ ружьями на перевѣсъ, съ музыкой, неудержимо хлынули наши со всѣхъ сторонъ и въ 2 ч. д. всѣ послѣ отчаянной борьбы за каждое зданіе проникли внутрь города. Суворовъ приказалъ 8 эск. и 2 каз. полкамъ очистить улицы отъ турокъ. Къ 4 ч. д., строго по расчету Суворова, изъ 35 т. ч. 26 т. было убито, 9 т., почти всѣ раненые, взяты въ плѣнъ. Изъ крѣпости ушелъ случайно только одинъ раненый турокъ, а Дунай ($^1/_2$ версты ширины) былъ красный отъ крови.

Наши потери показаны $4^1/_2$ т. уб. и ран., нѣкоторые же считаютъ 10 т. ч. Измаилъ на 3 дня отданъ былъ солдатамъ на добычу,—печальный обычай времени!

11 декабря 1790 года является событіемъ безпримѣрнымъ въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ.

Дѣйствительно: «не Измаилъ, но армія турецкая истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ». Не только взяты стѣны, считавшіяся неодолимымъ препятствіемъ и обороняемыя многочисленнымъ и храбрымъ врагомъ, но совершенно истребленъ весь врагъ, засѣвшій за стѣнами. Причина такого явленія—великій даръ Суворова подготовить приступъ съ духовной и вещественной стороны и блистательно его выполнить.

Распоряженія со 2 по 11 декабря несравнимы по прозорливости и основательности. Потемкинъ даетъ средства, слишкомъ слабыя для овладѣнія крѣпостью, и Суворовъ принимаетъ всѣ мѣры увеличить ихъ; посылаетъ изъ Галаца войска и средства, которыми могъ распорядиться; ведетъ на приступъ даже пѣшихъ казаковъ, плохо вооруженныхъ. Ни одинъ человѣкъ не остается неиспользованнымъ.

Несмотря на короткій срокъ, мѣстность подъ Измаиломъ и самая крѣпость изучены войсками такъ, что никто не сбился ночью съ пути. Расчетъ движенія и выполненіе его образцовы: всѣ у цѣли одновременно,—разница по нѣсколько минутъ.

Направленіемъ войскъ съ разныхъ сторонъ непріятель въ темнотѣ не могъ узнать, гдѣ главный ударъ, вслѣдствіе чего не было извѣстно, куда вести поддержку, а когда стало свѣтло— валы уже пали. Порядокъ движенія простъ и искусенъ: стрѣлки бьютъ защитниковъ стѣнъ, пока рабочіе съ инструментомъ и батальоны съ фашинами и лѣстницами переходятъ ровъ, поддержка ведетъ главный ударъ. Конница назначена для отраженія вылазокъ, что и выполняетъ, выручивъ Орлова, а затѣмъ для развитія успѣха. Всѣ твердо знаютъ обязанности, все заранѣе выяснено, и нѣтъ ни одного недоразумѣнія. Между тѣмъ, для подготовки было всего 8 дней.

Еще выше—подготовка нравственная.

Уже съ появленія Суворова подъ Измаиломъ начинается перерожденіе взглядовъ въ войскахъ, а на военномъ совѣтѣ 9 декабря, подъ вліяніемъ его силы духа, совершается внутренній переворотъ во всѣхъ начальникахъ, и насколько прежде они были неувѣрены въ успѣхѣ, настолько теперь увѣровали въ него.

Искусно поддержавъ, затѣмъ, нравственный подъемъ и доведя его до высшаго напряженія къ самому нужному мгновенію, Суворовъ уже пожинаетъ зрѣлые плоды, и въ бою его участіе сравнительно мало: все дѣлается нравственнымъ подъемомъ, само собою...

Впечатлѣніе отъ Измаильскаго погрома на Турцію было оцѣпеняющее, многія крѣпости сдавались безъ сопротивленія, боясь участи Измаила. Путь въ сердце Турціи былъ открытъ. Но Потемкинъ и тутъ, въ виду наступленія зимы, прекратилъ дѣйствія. Только въ 1791 г., послѣ незначительныхъ дѣйствій съ нашей стороны, былъ подписанъ Турціей мирный договоръ, однако, все еще подъ впечатлѣніемъ Измаила.

Въ Россіи восторгамъ и изумленію общества не было границъ. Цѣлый рядъ произведеній, начиная съ Державина, былъ посвященъ Суворову. Но онъ сдѣлался также предметомъ всеобщаго вниманія, уваженія и удивленія и въ Европѣ. Позднѣе, Байронъ посвятилъ даже цѣлыя главы Суворову въ своемъ «Донъ-Жуанѣ». Самъ Суворовъ призналъ взятіе Измаила дѣломъ необыкновеннымъ и впослѣдствіи говорилъ: «На такой штурмъ, какъ

Измаильскій, можно пуститься одинъ только разъ въ жизни». Правда, это не помѣшало ему взять такъ же и Прагу 4 года спустя...

По взятіи Измаила, Суворовъ пріѣхалъ въ Яссы явиться Потемкину, который встрѣтилъ его любезно и спросилъ: «Чѣмъ я могу наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?» Суворовъ, ждавшій фельдмаршальства, оскорбился и раздраженно отвѣтилъ: «Я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ. Кромѣ Бога и Государыни, никто меня наградить не можетъ». Озлобленный Потемкинъ, донося о взятіи Измаила Государынѣ, писалъ, что для воздаянія Суворову за его заслуги достаточно будетъ выбить медаль въ память штурма Измаила и зачислить Суворова подполковникомъ въ Преображенскій полкъ [1]). Екатерина согласилась на это. Суворовъ остался безъ награды. Но этимъ дѣло не кончилось.

6. Суворовъ въ Финляндіи и въ Херсонѣ.

25 апрѣля Потемкинъ устроилъ въ Петербургѣ въ честь взятія Измаила торжество, на которомъ присутствовала Сама Государыня, главнаго же виновника паденія Измаила,—Суворова,—послали въ Финляндію намѣчать укрѣпленіе побережья.

Суворовъ исполнилъ это въ 4 недѣли, надѣясь на назначеніе послѣ въ Турцію, но 25 іюня получилъ новое повелѣніе: «Полагаемыя вами укрѣпленія построить подъ вѣдѣніемъ вашимъ».

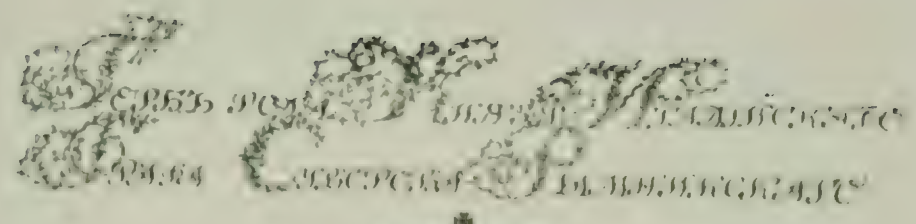
Суворовъ не любилъ строительнаго дѣла, но былъ свѣдущъ въ немъ. Онъ пробылъ въ Финляндіи $1\frac{1}{2}$ г. и укрѣпилъ границы.

Дѣятельностью этой Государыня была довольна, но Суворову нужна была служба боевая, хоть иностранная, даже «хоть въ Японь». Однако, 10 ноября онъ получаетъ начальство войсками въ Екатеринославской губерніи, Крыму и присоединенныхъ земляхъ, при чемъ ему поручалось и укрѣпленіе южныхъ границъ по замыслу инженера де-Волана.

Въ Херсонѣ, какъ и въ Финляндіи, Суворовъ скучалъ «тиранствомъ судьбы». Въ 1793 г. онъ просилъ уволить его «по здѣшней тишинѣ и отсутствію практики» добровольцемъ въ союзныя войска, противъ Франціи. Просьба не была уважена. Въ 1794 г. вспыхнулъ мятежъ въ Польшѣ. Суворовъ вновь писалъ: «Всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше уволить меня волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ, какъ я много лѣтъ безъ воинской практики по моему знанію». Императрица вторично отказала.

Суворовъ былъ въ отчаяніи. Но судьба сжалилась. Начальникъ всѣхъ войскъ на польской границѣ и противъ Турціи, Румянцевъ, 7 августа, не сносясь съ Петербургомъ, приказалъ Суворову выступить на войну, и 14 августа Суворовъ начинаетъ свой знаменитый польскій походъ.

[1]) Полковникомъ Преображенскаго полка числилась Сама Екатерина II.

Гербъ рода Князя Италійскаго
Графа Суворова Рымникскаго

7. Вторая война съ Польшей. Походъ Суворова къ Бресту. Взятіе Праги и умиротвореніе Польши. 1794—1795 г.г. [1]).

Второй раздѣлъ Польши въ 1794 г. Россіей, Пруссіей и Австріей вызвалъ возстаніе. Его главою избранъ литовецъ Тадеушъ Косцюшко, даровитый военный человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ. Онъ провозгласилъ всеобщее вооруженіе, произвелъ нужные сборы, возвысилъ налоги и создалъ войско.

Профессоръ Н. А. Орловъ считаетъ боевыя силы поляковъ болѣе 70 т. ч.: у Косцюшки 20—25 т. ч., у Заіончека въ Люблинскомъ воеводствѣ 20 т., у Ясинскаго близъ Гродны 6 т., у Грабовскаго близъ Вильны 12 т. Остальные въ разныхъ частяхъ Польши. У насъ было: Репнина 23—25 т. на границѣ Литвы у Риги-Дрисы-Пинска; Дерфельдена 19 т. на пути къ Владиміру-Волынску съ юга; Ферзена 12—13 т. въ Краковскомъ и Сандомирскомъ воеводствахъ. Пруссаки выставили 10 т. ч. Всего 64—67 т. человѣкъ, да еще могъ присоединиться Суворовъ съ $4^1/_2$ т. ч.

До его прибытія дѣла наши шли удачно, но успѣхами мы не пользовались. Варшавой овладѣть упустили случай. Косцюшко оправился, укрѣпилъ Прагу. Приближалась осень. Казалось, война будетъ прервана, но въ это время Суворовъ далъ дѣлу другой оборотъ.

14 августа Суворовъ выступилъ изъ Немирова съ $4^1/_2$ т. ч. и 10 ор. Присоединивъ по пути Буксгевдена и Маркова ($6^1/_2$ тыс. съ 16 ор.), онъ 22 августа прибылъ въ Варковичи (въ 9 дней 270 в.), 23-го выступилъ на Ковель (125 в.), куда прибылъ 28. 31 августа двинулся на Кобринъ. 4 сентября у Кобрина, близъ мон. Крупчицы, разбиты передовыя части Сѣраковскаго. Сѣраковскій отошелъ къ Бресту, имѣя 6 т. войскъ и 10 т. косиньеровъ. На разсвѣтѣ 8-го 9 т. Суворова послѣ 6 часовъ жестокаго боя, преимущественно на холодномъ оружіи, взяли верхъ: Сѣраковскій былъ совершенно истребленъ. У насъ выбыло изъ строя до 1 т. человѣкъ. «Брестскій корпусъ... сего числа конченъ», доносилъ Суворовъ.

Побѣда эта произвела удручающее впечатлѣніе. Самъ Косцюшко растерялся. Еще недавно распустили слухъ, что идетъ не знаменитый Суворовъ, а другой, теперь же у всѣхъ закралось мрачное предчувствіе.

Движеніе Суворова отъ Немирова къ Бресту съ разгромомъ противника—выдающійся образецъ военнаго искусства. Владѣя Брестомъ, Суворовъ могъ отрѣзать отъ Польши поляковъ, бывшихъ въ Литвѣ противъ Репнина; давалъ Ферзену отойти на соединеніе съ Репнинымъ; подготовлялъ походъ на Варшаву и, наконецъ, занималъ р. Бугъ въ обезпеченіе пріобрѣтеній по на-

[1]) Карту см. на 90 стр.

отошедшему 3 раздѣлу Польши. Вообще мы пріобрѣли господствующее положеніе. По выбору отъ направленія дѣйствій, Суворовъ могъ двинуться и прямо къ Бресту, но тогда онъ подвергалъ бы опасности свои сообщенія отъ Сѣраковскаго и Макрановскаго, между Дивиномъ и Пружанами, а потому онъ выбираетъ нѣсколько кружный путь, на Дивинъ и Кобринъ, чтобы здѣсь обезпечить свой тылъ побѣдою. Кромѣ того, Суворовъ выходилъ бы на соединеніе съ войсками Репнина отъ Пинска. Движеніе весьма быстро, несмотря на крайне плохія дороги.

Но прежде всего у Суворова и здѣсь духъ. Все время онъ ѣхалъ между солдатами, говорилъ съ ними, узнавалъ старыхъ сподвижниковъ, хвалилъ ихъ. Во всѣ части роздалъ свою «Науку побѣждать», которую ун.-офицеры должны были знать наизусть, а солдатамъ прочитывать ежедневно.

Въ Брестѣ Суворовъ остался мѣсяцъ. Его принудили къ тому убыль людей и нелады съ Репнинымъ по обезпеченію тыла и фланговъ. Пока Суворовъ перепиской съ генералами добивался обезпеченія задуманнаго имъ похода на Варшаву, Косцюшко самъ помогъ ему. Неумѣло пытаясь помѣшать соединенію Ферзена и Суворова, онъ 29 сентября, у Мацеіовице, былъ разбитъ Ферзеномъ и взятъ въ плѣнъ. «Finis Poloniae!» воскликнулъ здѣсь Косцюшко. Теперь Суворовъ былъ вполнѣ обезпеченъ съ юга, и рѣшилъ немедленно итти на Варшаву, приказавъ [1]) Ферзену и Дерфельдену итти на соединеніе: 1-му — на Минскъ, 2-му — на Бѣлостокъ.

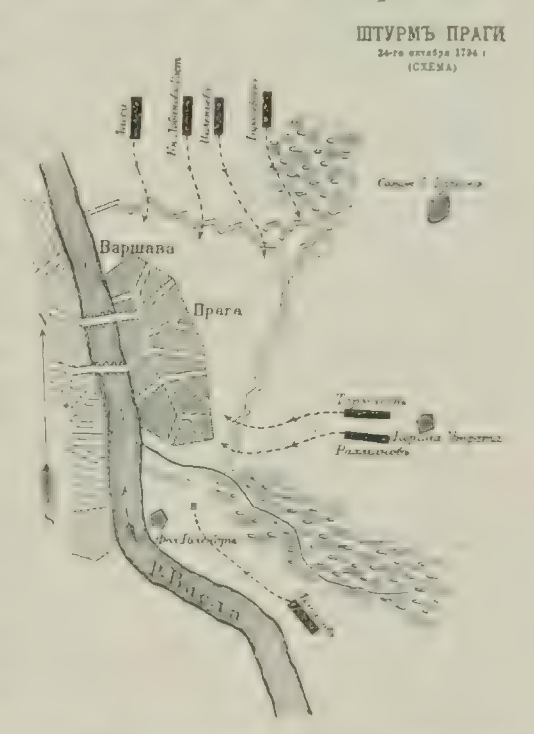
Ферзенъ былъ подчиненъ Суворову. Но Суворовъ не зналъ, захочетъ ли и Дерфельденъ исполнить его приказаніе, не дастъ ли ему Репнинъ другого назначенія, а потому рѣшилъ, для обезпеченія себя съ сѣвера, двигаться къ Варшавѣ кружнымъ путемъ на Бѣльскъ. Кромѣ того, просилъ австрійцевъ протянуться до Лукова и далѣе до Вислы, противъ устья Пилицы, до соединенія съ пруссаками, а пруссаковъ приглашалъ содѣйствовать на Варшаву. Но когда Дерфельденъ послушалъ Суворова, Суворовъ рѣшилъ итти на Варшаву прямо. 7 октября, оставивъ въ Брестѣ небольшую часть, онъ съ 8 т. выступилъ на Яновъ. 14-го въ Станиславовѣ присоединился Ферзенъ съ 11 т. ч. Дерфельденъ былъ близъ Вышкова, на Бугѣ. Въ Станиславовѣ узнали, что въ Окуневѣ и Кобылкѣ большія силы поляковъ. Суворовъ ночью идетъ на Кобылку, Ферзена двигаетъ на Окуневъ. Ферзенъ противника не нашелъ, а Суворовъ въ Кобылкѣ совершенно разбилъ (15-го утромъ) часть силъ Макрановскаго (отступившаго изъ Литвы отъ Дерфельдена). Съ нашей стороны бой велся горячо ударами въ лобъ съ охватомъ, лѣсомъ и болотомъ, преиму-

1) По инымъ источникамъ Суворовъ отдалъ приказанія именемъ Румянцева, по другимъ — именемъ Императрицы.

щественно спѣшенной конницей. Ударъ въ сабли Маріупольскаго легко-коннаго полка и 2 эск. Глуховскихъ карабинеръ былъ такъ блестящъ, что Суворовъ говорилъ одному французскому эмигранту: «Если бы ты былъ при Кобылкѣ, ты бы увидѣлъ то, чего и я никогда не видалъ».

Въ Кобылкѣ Суворовъ остановился, хотя до Праги оставалось нѣсколько верстъ. Необходимо было ждать Дерфельдена и подготовить приступъ. Овладѣніе укрѣпленной Прагой съ нѣсколькими десятками тысячъ защитниковъ было дѣло не легкое, а между тѣмъ паденіе Праги было и паденіе Варшавы—главнаго и послѣдняго очага возстанія.

Прага была бѣдное еврейское мѣстечко на вост. бер. Вислы (200 с. ширины); въ Варшаву велъ мостъ. Она и ранѣе была обнесена валомъ, но Косцюшко впереди стараго вала насыпалъ укрѣпленія, отъ Вислы до болотистаго, непроходимаго въ бродъ, ручья. За нимъ получилось поле въ $^1/_2$ в., а мѣстами въ $1^1/_2$ в. шириной. Укрѣпленія шли въ 3 ряда: 1) засѣки и волчьи ямы, 2) сплошной земляной валъ и ровъ для пѣхоты и артиллеріи; 3) 43 батареи для стрѣльбы поверхъ вала; 4) въ исходящемъ углу 2 прочныхъ кавальера. Орудій на вооруженіи 104. Укрѣпленія не были окончены. Самымъ сильнымъ мѣстомъ былъ исходящій уголъ съ прочнымъ «Звѣринцемъ».

Смѣнившій Косцюшку Вавржецкій предложилъ оборону самой Варшавы, но поляки разсчитывали, что Суворовъ будетъ осаждать Прагу, начнется зима, и русскіе отступятъ. Между тѣмъ Суворовъ рѣшилъ Прагу взять приступомъ.

19 октября въ Кобылку прибылъ Дерфельденъ, и у Суворова собралось до 31 т. ч. (18 т. пѣхоты, 7 т. конницы и 5 т. казаковъ. Какъ подъ Измаиломъ!)

18-го Суворовъ со всѣми старшими чинами произвелъ развѣдку, дѣятельно готовя все для приступа. 22-го, по окончаніи приготовленій, войска подошли къ Прагѣ, ставъ внѣ выстрѣла изъ укрѣпленій. Генералы повторили развѣдку. Въ полночь начали возводить батареи, чтобы, какъ и подъ Измаиломъ, убѣдить поляковъ въ приступѣ къ осадѣ. 23-го батареи вели весь день

8*

гонь. Приступъ былъ назначенъ на $4^{1}/_{2}$ ч. н. 7-ю колоннами. Конница вошла въ колонны и 4 отдѣльныя поддержки. 1 колоннѣ (Ласси) указано отрѣзывать непріятеля отъ моста съ сѣв.; 4-ой (Буксгевдена) взять Песочную гору и Звѣринецъ; 5-ой (Тормасова) восточный фронтъ по кратчайшему направленію къ мосту; 2-ой (Лобанова), 3-ьей (Исленева) и 6-ой (Рахманова) поддерживать остальныя и занимать валъ предмѣстья; 7-ой (Денисова) выступить на 2 ч. ранѣе другихъ и содѣйствовать 1 колоннѣ отрѣзывать непріятеля отъ моста съ юга. Для подъема духа Суворовъ 18 октября созвалъ военный совѣтъ, на которомъ и перелилъ въ подчиненныхъ увѣренность въ побѣдѣ, а 22-го разговорами съ солдатами поднялъ и ихъ духъ до возможныхъ предѣловъ. Передъ самымъ приступомъ былъ прочитанъ приказъ, столь же краткій и внушительный, какъ подъ Измаиломъ.

Поляки не ждали нападенія, и наступленіе наше было замѣчено поздно. По выстрѣламъ, польскіе начальники бросились къ войскамъ, но распоряженій не было отдано; бой сдѣлался случайнымъ и безпорядочнымъ. Быстро овладѣли наши валами и отрѣзали врага отъ моста.

Ища спасенія отъ огня артиллеріи почти въ упоръ, поляки бросались въ Вислу и тонули сотнями. Вавржецкій пытался остановить бѣгущихъ, но все было напрасно. Онъ приказалъ разрушить мостъ, чтобы спасти Варшаву, но Суворовъ и самъ приказалъ зажечь мостъ: разореніе столицы не входило въ его расчеты.

Вслѣдъ за мостомъ запылала Прага, превратясь въ настоящій адъ. Предвидя ужасы, подобно Измаилу, Суворовъ разослалъ офицеровъ указать жителямъ бѣжать въ русскій лагерь, но большая часть погибла раньше. Побоище кончилось только къ полудню.

Поляки потеряли 23 т. ч. и 104 ор., мы до 3 т. Варшава содрогалась. Рано утромъ, 25 октября, къ Суворову явились представители Варшавскаго законнаго правительства. Въ грозномъ побѣдителѣ они увидѣли великодушнаго человѣка. Впослѣдствіи они поднесли Суворову табакерку съ надписью: «Варшава своему [illegible]».

29 октября Суворовъ торжественно вступилъ въ Варшаву. Войскамъ приказано было итти съ незаряженнымъ оружіемъ и на выстрѣлы изъ домовъ не обращать вниманія. Власти поднесли Суворову хлѣбъ-соль и городскіе ключи. Суворовъ поцѣловалъ ключи и, поднявъ глаза къ небу, сказалъ: «Благодарю Тебя, Всемогущій, что я не долженъ былъ купить эти ключи, какъ...» Онъ взглянулъ на Прагу и прослезился.

[illegible] Праги рѣшило 3-й раздѣлъ; Польша, какъ государство, перестала существовать. Могучій умъ Суворова прозрѣлъ, [illegible] сильный ударъ можетъ сокрушить Польшу, а его [illegible]ность блистательно достигнуть цѣли.

Взятіе Праги, по образцовой подготовкѣ, во многомъ похоже на Измаилъ. То же тщательное изученіе мѣстности, искусное распредѣленіе войскъ, такой же подъемъ духа, до предѣловъ. Каково было воздѣйствіе Суворова, видно изъ того, что многіе генералы, проявившіе подвиги героизма, были совершенно слабы тѣломъ: самъ Суворовъ писалъ, что «едва ноги таскаетъ»; Шевичъ страдалъ лихорадкой; Поливановъ съ выступленія изъ Бреста едва говорилъ, но подъ Прагой первымъ врубился въ непріятеля; Исаевъ остался на ногахъ съ пулей въ рукѣ, пронизавшей ему и грудь; Ферзенъ перемогался давно черезъ силу. Могли ли плохо дѣйствовать войска при такихъ вождяхъ?! Поистинѣ: «Дѣло сіе Измаильскому подобно!».

Причины жестокости боя были неустранимы: храброе сопротивленіе поляковъ вначалѣ, бѣгство въ концѣ; память объ апрѣльской рѣзнѣ въ Варшавѣ, когда народъ рѣзалъ даже и въ церквахъ безоружныхъ солдатъ.

Въ итогѣ: «Пролилась рѣка крови, но устранилось хроническое кровопролитіе затягивающейся войны», пишетъ—Петрушевскій. Самъ Суворовъ говоритъ: «Миролюбивые фельдмаршалы при началѣ польской кампаніи провели все время въ заготовленіи магазиновъ. Ихъ планъ былъ воевать 3 года съ возмутившимся народомъ. Какое кровопролитіе! И кто могъ поручиться за будущее. Я пришелъ и побѣдилъ. Однимъ ударомъ пріобрѣлъ я миръ и положилъ конецъ кровопролитію».

Наконецъ, ужасъ, охватившій поляковъ послѣ 24 октября, былъ причиной ихъ дальнѣйшаго умиротворенія и главнымъ двигателемъ въ сношеніяхъ съ русскими.

Съ военной точки зрѣнія весь походъ Суворова, закончившійся молніеноснымъ ударомъ подъ Прагой, является необычайно высокимъ образцомъ. Еще изъ Немирова Суворовъ писалъ, что для окончанія войны ему нужно 40 дней. Если вычесть 29 дней вынужденнаго «Брестскаго сидѣнія», то окажется 42 дня. Вотъ глазомѣръ Суворова!

Затѣмъ, рѣшивъ заранѣе взять Прагу, Суворовъ замѣчательно смѣло и осмотрительно идетъ къ цѣли.

Имѣя всего 8 т., онъ создаетъ силу, приказавъ Ферзену и Дерфельдену присоединиться, хотя послѣдній и не былъ ему подчиненъ; по собственному почину сносится съ австрійскими и прусскими войсками, прося ихъ содѣйствія. Словомъ, стремится использовать всѣ наличныя силы, а когда онѣ достаточны,—наноситъ быстрый и громовой ударъ.

Только величайшіе полководцы міра давали подобные же образцы дѣйствій...

Австрійскій Императоръ и король Прусскій прислали Суворову цѣнныя награды. Екатерина была въ восторгѣ. «Взятіемъ

Паризѣ: ... сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ»,—писала она. Сверхъ сего, она подарила столовое имѣніе польскаго короля «Кобринскій ключъ» съ 7 тыс. крестьянъ.

III. Мирная дѣятельность Суворова. Увольненіе отъ службы.

Главный виновникъ 3-го раздѣла Польши—Суворовъ сталъ, естественно, предметомъ особаго вниманія и уваженія не только въ Россіи, но и за границей.

4 января 1796 г. Суворовъ прибылъ въ Петербургъ. При торжественной встрѣчѣ, несмотря на 20° мороза, 66-лѣтній Суворовъ весь переѣздъ въ каретѣ сдѣлалъ въ мундирѣ и безъ шляпы, держа пожалованную Екатериной шубу на колѣняхъ.

Заботы о немъ Государыни и всего общества дошли до баловства. Однако, Суворовъ съ радостію принялъ предложеніе осмотрѣть пограничныя укрѣпленія Финляндіи, которыя имъ были сооружены въ 1791-92 г.г., но закончены другими.

По возвращеніи, Суворовъ получилъ самую большую изъ трехъ тогда армій, въ губерніяхъ: Ярославской, Пермской, Екатеринославской, Харьковской и Таврической области, всего 19 пѣх. и 13 кав. полковъ, Черноморскій гренадерскій корпусъ, 3 егерскихъ к-са, 40 осадн., 107 пол. ор., 48 понтоновъ, 3 полка чугуевскихъ казаковъ и Екатеринославское пѣшее и конное войско.

Въ мартѣ 1796 г. Суворовъ прибылъ въ Тульчинъ. Прежде всего онъ озаботился здоровьемъ войскъ. Ежегодная убыль умершими достигала въ нѣкоторыхъ частяхъ 25%. Суворовъ добился, что къ августу умиралъ 1 изъ 792, т.-е. 0,012%.

Затѣмъ съ обычнымъ увлеченіемъ приступилъ онъ къ обученію войскъ. Казалось, настань война, Суворовъ явится во главѣ своей, Суворовской, силы, — и Екатерина уже готовилась помочь Европѣ въ борьбѣ съ Франціей, назначивъ итти именно Суворова. Но 6 ноября 1796 г. Императрица скончалась, и на престолъ вступилъ Павелъ I. Желая избѣжать войны, онъ отмѣнилъ распоряженія объ отправленіи нашихъ войскъ и вмѣсто того приступилъ къ нововведеніямъ въ нихъ.

Здѣсь столкнулись 2 взгляда, и время «Екатерининскихъ орловъ», полное расцвѣта самодѣятельности, какъ морозомъ было убито «Гатчиной», съ ея муштрой и недовѣріемъ.

Суворовъ не могъ сочувствовать такому повороту дѣла, и на этой почвѣ произошло его паденіе. За предлогами дѣло не стало, и послѣ рѣзкаго рескрипта въ Высочайшемъ приказѣ 15 января 1797 г., Суворову былъ объявленъ выговоръ.

Суворовъ подалъ прошеніе объ увольненіи въ годичный отпускъ, ссылаясь на «многія раны и увѣчья». Ему было отказано. Тогда 3 февраля онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. 14-го принялъ ... отвѣтъ: «Государь Императоръ, получивъ доне-

сеніе Вашего Сіятельства отъ 3 февраля, соизволилъ указать доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было, и что вы отставлены еще 6 числа сего мѣсяца».

И вотъ, Суворовъ на 67-мъ году «отставленъ отъ службы» даже безъ мундира. Онъ поѣхалъ въ свое Кобринское имѣніе, надѣясь въ тиши кончить дни свои. Но ночью 22 апрѣля его спѣшно повезли въ глухое имѣніе Кончанское (Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи). Здѣсь Суворова водворили въ маленькомъ домѣ, въ которомъ можно было жить лишь лѣтомъ, а на зиму Суворовъ перебирался въ крестьянскую избу. Кромѣ того, особый чиновникъ (Николаевъ) слѣдилъ за каждымъ шагомъ, и вообще Суворовъ содержался, какъ важный преступникъ.

Казенныя несправедливыя взысканія, поборы жены и грабежи въ Кобринскомъ имѣніи великому полководцу, сверхъ всего, грозили разореніемъ.

14 февраля 1798 г. къ нему прибылъ племянникъ, Андрей Горчаковъ, флигель-адъютантъ, съ повелѣніемъ немедленно явиться въ Петербургъ. Суворовъ долго не соглашался, но Горчаковъ уговорилъ. Павелъ I встрѣтилъ Суворова радушно и бесѣдовалъ съ нимъ около часа наединѣ. Потомъ оба пошли на парадъ. Государь думалъ ученьемъ произвести пріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ Суворовъ велъ себя непозволительно и, не дождавшись конца ученья, уѣхалъ домой.

Черезъ двѣ недѣли фельдмаршалъ самъ просилъ Государя уѣхать снова въ Кончанское, на что Павелъ и согласился.

Теперь надзоръ былъ снятъ, но все же Суворовъ сильно томился бездѣйствіемъ. Однако, онъ зорко слѣдилъ за событіями въ Европѣ и успѣхами Франціи, и уже тогда у него зародился замыселъ войны съ французами, такъ что, когда въ сентябрѣ 1798 г. къ нему прибылъ генералъ Прево по порученію Павла узнать мнѣніе Суворова о войнѣ съ Франціей, Суворовъ высказалъ свои воззрѣнія.

Но время шло, и въ декабрѣ 1798 г. Суворовъ даже подалъ прошеніе о поступленіи въ монахи.

Вдругъ 6 февраля 1799 г. въ Кончанское прискакалъ флигель-адъютантъ Толбухинъ и привезъ Суворову слѣдующій Высочайшій рескриптъ отъ 4 февраля: «Сейчасъ получилъ, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о самостоятельномъ желаніи Вѣнскаго Двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идутъ. Итакъ, по сему и при теперешнихъ Европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну».

Пораженный такимъ оборотомъ дѣла, обрадованный до слезъ, Суворовъ забылъ всѣ перенесенныя страданія и поскакалъ изъ Кончанскаго стать во главѣ войскъ для совершенія новыхъ, дотолѣ еще неслыханныхъ подвиговъ.

IV. Итальянскій и швейцарскій походы.

1. Пріѣздъ Суворова въ Вѣну. Начало итальянскаго похода 1799 года. Переходъ черезъ р. Аду.

Какимъ образомъ случилось, что Суворовъ понадобился Австріи? Почему она нежданно вспомнила опальнаго русскаго вождя?

Когда, въ 1799 г., между Франціей и Австріей произошелъ новый разрывъ послѣ разгрома Австріи Бонапартомъ въ 1796/7 г.г., и Францъ-Іосифъ просилъ помощи у Россіи, — Павелъ I на нее согласился, будучи передъ тѣмъ неоднократно задѣтъ и оскорбленъ Франціей. Вскорѣ примкнули къ союзу Англія, Турція и Неаполь. Кромѣ флота, Россія должна была послать 2 корпуса въ Сѣверную Италію и 1 — въ Швейцарію. Но у австрійцевъ былъ лишь одинъ даровитый вождь, эрцгерц. Карлъ, котораго и назначили въ Южн. Германію. Въ Италію же вождя не было. Въ такихъ-то обстоятельствахъ въ Вѣнѣ вспомнили о Суворовѣ и послѣ долгихъ колебаній на почвѣ самолюбія, по настоянію Англіи, обратились къ Павлу I съ просьбой назначить въ помощники эрцг. Карлу «знаменитаго мужествомъ и побѣдами» — Суворова.

8 февраля вечеромъ къ Зимнему дворцу подъѣхала кибитка, и изъ нея вышелъ сгорбленный, худенькій старичокъ, гроза турокъ и поляковъ, будущій побѣдитель французовъ.

«Боже, спаси Царя!» — воскликнулъ онъ, падая на колѣни передъ Государемъ. «Тебѣ спасать Царей», — отвѣтилъ Павелъ.

По ознакомленіи со взглядами, оказалось, что Суворовъ имѣлъ замыселъ, сходный съ Государемъ: перенести войну во Францію, овладѣть Парижемъ и тамъ уже ставить условія мира.

Такимъ образомъ, политика и стратегія, хотя и случайно, совпали. Мало того, Суворову надъ русскими войсками давалась полная свобода дѣйствій: «Веди войну, какъ умѣешь», — сказалъ Государь. [1]) Но не такъ смотрѣла Австрія. Всѣми дѣлами ея вѣдалъ первый министръ, бар. Тугутъ, неограниченно довѣренный Императора, самонадѣянный, властолюбивый, упрямый и злой. Онъ твердо держалъ въ рукахъ политическія и военныя дѣла, — послѣднія, какъ предсѣдатель гофкригсрата.

Тугутъ и гофкригсратъ, передъ началомъ войны съ Франціей, составили, по обыкновенію, «подробный планъ дѣйствій». Рѣшено было обороняться, а при случаѣ — овладѣть Италіей — цѣли домаш-

---

1) [illegible] Суворову [illegible]

Памятникъ Суворову въ Петербургѣ.
(Съ проэкта).

нія, личныя,—и Суворову, для достиженія своихъ цѣлей, приходилось вести войну не съ противникомъ, а съ Тугутомъ.

Къ началу 1799 г. Францiя выставила 5 армій: 1) Батавская—Брюна (27 т.) въ Голландіи, 2) Дунайская—Журдана (37 т.) въ Эльзасѣ, на з. бер. Рейна, 3) Гельветическая—Масены (30 т.) въ Швейцаріи, 4) Итальянская—Шерера (58 т.) въ Сѣв. Италіи, на з. бер. Минчіо, 5) Неаполитанская — Макдональда, въ Ср. и Южн. Италіи. Всего до 180 т., не считая 57 т. вспомогательныхъ (весьма ненадежныхъ).

Австрія имѣла: 1) армію эрцг. Карла (80 т.) за р. Лехомъ; за нею, въ Богеміи, корп. Старая (15 т.), 2) к-съ Готце (26 т.) въ Граубинденѣ и Форарльбергѣ, 3) армію Бельгарда (48 т.) въ Тиролѣ, 4) въ Итальянскихъ владѣніяхъ и въ южн. предѣлахъ Австріи 86 т. Меласа. Всего 255 т. ч.

Русскіе корпуса (58 т.) къ началу войны не прибыли; они направлялись: Римскаго-Корсакова 28 т. въ Швейцарію, Розенберга 20 т. и Ребиндера 10 т. въ С. Италію.

Несмотря на превосходство силъ противника, Францiя рѣшила наступать. Но къ прибытію Суворова Журданъ дважды потерпѣлъ пораженіе отъ эрцг. Карла и отступилъ за Рейнъ, Масена проникъ въ Граубинденъ, а изъ Тироля былъ вытѣсненъ, Шереръ же послѣ сраженія у Маньяно отступилъ къ р. Адѣ.

14 марта Суворовъ торжественно прибылъ въ Вѣну. Императоръ и Тугутъ увѣряли, что ему будетъ дана полная свобода дѣйствій, лишь бы онъ сообщилъ свой планъ войны.

Черезъ нѣсколько дней къ нему прибыли 4 члена гофкригсрата съ мельчайшими подробностями дѣйствій.

Суворовъ зачеркнулъ все и внизу написалъ: «Я начну дѣйствія переходомъ черезъ р. Аду, а кончу кампанію тамъ, гдѣ Богу будетъ угодно».

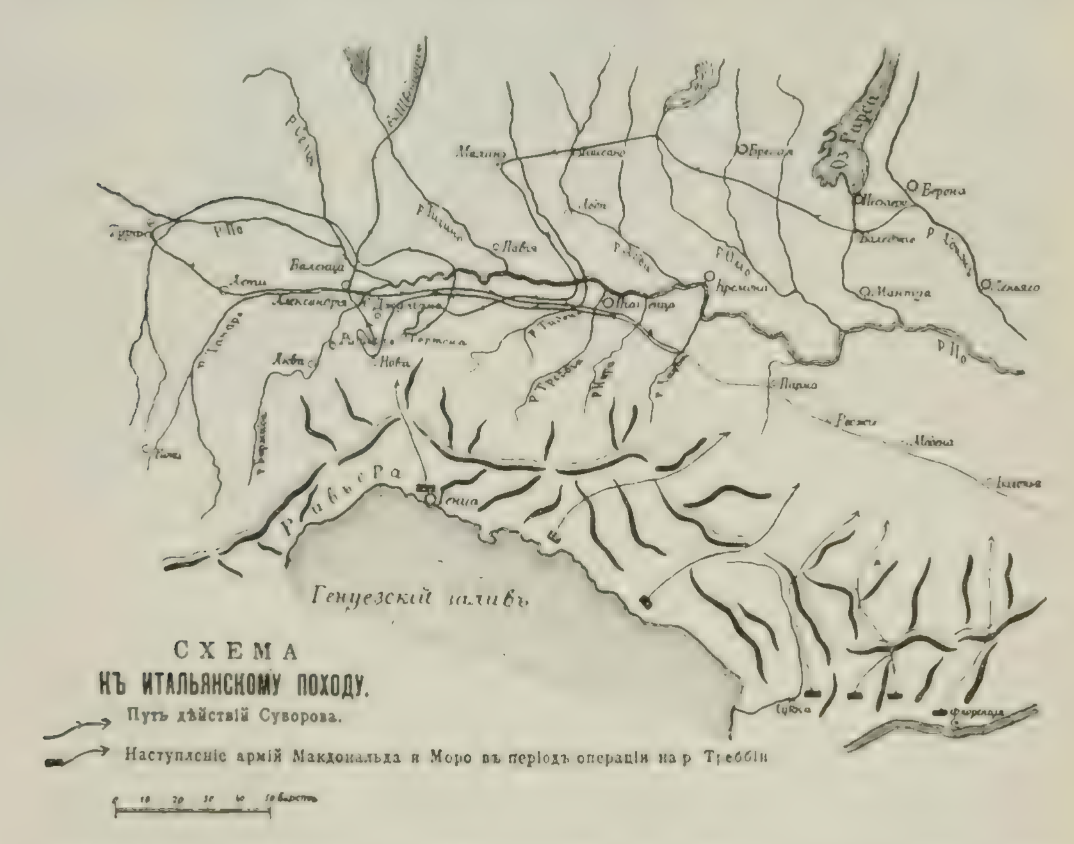
Сразу же начались тренія. Францъ-Іосифъ вручилъ Суворову наставленіе: «Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы первыя наступательныя дѣйствія арміи имѣли цѣлью прикрытія собственныхъ владѣній и постепенное удаленіе отъ нихъ опасности непріятельскаго вторженія». Наступленіе разрѣшено вести только до р. Ады, причемъ предложено: «Сообщать мнѣ предположенія свои о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ». Продовольственная часть, губительно, возложена на Меласа и австрійское интендантство.

3 апрѣля Суворовъ былъ въ Веронѣ, одновременно съ Багратіономъ (авангардъ Розенберга). Народъ выпрягъ лошадей кареты Суворова и самъ ее везъ. Затѣмъ Суворовъ 4 апрѣля выѣхалъ въ Валеджіо, гдѣ оставался до 7-го, выжидая прибытія хотя половины войскъ Розенберга, а чтобы не терять времени, принялся за обученіе австрійцевъ, переведя «Науку побѣждать» на-

нѣмецкій языкъ и пославъ русскихъ офицеровъ пріучать австрійцевъ къ стремительнымъ штыковымъ ударамъ.

7 прибыла въ Валеджіо вся дивизія Повало-Швейковскаго, и Суворовъ отдалъ распоряженіе о движеніи къ р. Адѣ.

Движеніе шло быстро, по особому указанію Суворова. Выступали ночью, шли 7 в., затѣмъ привалъ на 1 ч., черезъ 7 в. отдыхъ 3 — 4 ч. для варки пищи. Пройдя еще 7 в. привалъ на 1 ч. и, наконецъ, еще 7 в. и ночлегъ. Такимъ образомъ войска шли большею частью утромъ и вечеромъ, въ жару отдыхали, и безъ особой усталости проходили въ сутки 28 в. Австрійцы счи-

тали такое движеніе утомительнымъ и иногда самовольно останавливались для отдыха, за что получали отъ Суворова рѣзкіе выговоры. «Маршъ былъ слишкомъ быстръ и лишенъ всякаго военнаго расчета»,—писалъ все же Меласъ.

Послѣ взятія 10 апрѣля кр. Брешіи угрозой приступа — геніально обставленное предпріятіе съ цѣлью начать войну успѣхомъ,—Суворовъ 14-го подошелъ къ Адѣ.

Шереръ, имѣя не болѣе 28 т., отступилъ за Аду, для обороны.

Опасаясь за фланги, Шереръ растянулся отъ оз. Комо до р. По на 100 в., имѣя часть войскъ даже за р. По. Кромѣ того, французы удержали зачѣмъ-то мосты съ теть-де-понами у Касано, Лоди и Пичигетоне,—большая ихъ ошибка.

Суворовъ (50 т. ч.) сосредоточился противъ сѣв. крыла и центра французовъ, занимая 42-мя т. ч. 40 в. На самомъ сѣв. было 19 т. противъ 8 т. французовъ, въ серединѣ 23 противъ 8 т.

Казаки открыли растянутое расположеніе французовъ. Суворовъ рѣшилъ прорвать его.

17 апрѣля Шереръ сдалъ войска Моро, молодому генералу, любимцу ихъ и французскаго народа. Узнавши объ этомъ, Суворовъ сказалъ: «Не штука разбить шарлатана. Лавры, которые мы отобьемъ у Моро, будутъ цвѣсти зеленѣе»... Моро распорядился собрать къ серединѣ разбросанныя войска, но быстрота дѣйствій Суворова помѣшала ему. Французы были прорваны.

Оставалось отступать на Миланъ, но половина див. Серюрье у Ваиріо была отрѣзана и положила оружіе. Въ общемъ, французы потеряли $2^1/_2$ т. уб. и ран., 5 т. плѣнными и 27 ор. Союзники до 2 т. ч. Побѣдой на Аддѣ Суворовъ открылъ путь на Миланъ, куда немедленно и двинулся. Французскія власти бѣжали вмѣстѣ съ Моро, и въ городѣ возстановлено законное правительство.

18 апрѣля, въ первый день Пасхи, толпы народа въ Миланѣ оказали восторженную встрѣчу. Суворовъ сдѣлался предметомъ особаго вниманія. Хорошо владѣя итальянскимъ языкомъ, онъ очаровалъ всѣхъ своей вѣжливостью, обходительностью, весельемъ и остроуміемъ. Французы, взятые въ плѣнъ при Аддѣ, были приведены въ восторгъ ласковымъ обращеніемъ побѣдителя. Русскія войска заслужили общее расположеніе.

Съ занятіемъ Милана, въ Ломбардіи началась народная война и, отразясь въ Пьемонтѣ, Тосканѣ и Римской области, сдѣлала положеніе французовъ опаснымъ.

Всего 2 недѣли прошло со времени прибытія Суворова, и положеніе дѣлъ въ Италіи измѣнилось въ корнѣ...

2. Движеніе Суворова отъ Милана къ Турину.

Въ Миланѣ Суворовъ оставался 2 дня. Замѣтивъ за 10 дней похода много различій въ уставныхъ и тактическихъ положеніяхъ у русскихъ и австрійцевъ, онъ разослалъ общія правила. Затѣмъ въ Миланѣ же онъ разработалъ дальнѣйшія военныя дѣйствія противъ французовъ. Сущность заключалась въ томъ, чтобы, осаждая въ тылу Мантую (Край), броситься на Макдональда (Ср. Италія), а затѣмъ на Моро (Туринъ). Покончивъ же съ ними — итти, притянувъ всѣ силы, на Парижъ. Когда Суворовъ продиктовалъ это генералъ-квартирмейстеру, австрійцу Шателеру [1]), ученый австрійскій стратегъ былъ пораженъ обстоя-

---

[1]) Шателера Суворовъ цѣнилъ, какъ разумнаго генерала, хотя впослѣдствіи и называлъ его—«милый вѣтрогонъ» и «моя разрозненная библіотека».

тельностью всѣхъ мѣропріятій и спрашивалъ Суворова, когда онъ все это успѣлъ обдумать.

Однако на такіе замыслы гофкригсратъ согласиться не могъ. Въ рескриптѣ 2 мая Францъ-Іосифъ напоминалъ о прежнемъ оборонительномъ образѣ дѣйствій и необходимости заняться покореніемъ крѣпостей въ С. Италіи, особенно Мантуи.

Но Суворовъ, не дождавшись отвѣта, уже продолжалъ наступленіе. Моро, отступая отъ Ады, имѣлъ двоякую цѣль: охраненіе Турина и поддержаніе сообщеній съ Макдональдомъ въ Неаполѣ. Поэтому онъ отступилъ — частью на Туринъ, а частью, черезъ Валенцу, на Александрію. Затѣмъ, оставивъ въ Туринской цитадели гарнизонъ, Моро съ остальными силами, въ ожиданіи Макдональда изъ Неаполя, расположился между Валенцою и Александріей, за рр. По и Танаро.

Суворовъ, имѣя въ виду сначала уничтожить Макдональда, а потомъ Моро, 20 апрѣля направился (36 т.) изъ Милана къ переправамъ на По, а къ р. Тичино двинулъ 5 т. Вукасовича. 26 апрѣля союзники стояли уже по обоимъ берегамъ По у Павіи, во внутреннемъ положеніи относительно Моро и Макдональда, которые безпрепятственно соединиться уже не могли.

Здѣсь 2-го мая авангардъ к-са Розенберга подъ начальствомъ Чубарова, стремясь въ Валенцу, объ оставленіи которой Моро получены были ложныя свѣдѣнія, потерпѣлъ неудачу у Басиньяно. Выманить Моро изъ кр. Валенцы также не удалось.

Вскорѣ послѣ Басиньяно Суворовъ узналъ, что Макдональдъ задержанъ въ Ю. Италіи, и соединеніе его съ Моро откладывается.

15 мая союзники овладѣли Туриномъ, заставивъ французовъ отступить въ цитадель. Населеніе Пьемонта, возбужденное воззваніемъ Суворова, начало народную войну. Моро, не надѣясь болѣе на успѣхъ, отступилъ сначала на Кони, а затѣмъ въ Ривьеру Генуэзскую. Такимъ образомъ, въ 6 недѣль Суворовъ прошелъ свыше 400 в. и завоевалъ всю Италію къ сѣв. отъ р. По. Во власти французовъ были только кр. Мантуя и Кони и цитадели въ Александріи, Тортонѣ и нѣк. другія, но и тѣ обложенныя союзниками.

Однако, и союзники разбросались по всей Италіи. Подъ Туриномъ было лишь 29 т. ч. Такая разброска, противная веденію войны Суворовымъ, объясняется приказомъ изъ Вѣны брать крѣпости, куда отвлечено $39^1/_2$ т. ч., а 23 т. обезпечивали 400 в. операціонной линіи...

Разбросавъ, противъ желанія, свои силы, Суворовъ принялъ всѣ мѣры обезпечить сообщенія съ Австріей: привелъ въ оборонительное состояніе крѣпости, взятыя у французовъ, въ Піаченцѣ устроилъ промежуточную базу.

«Недорубленный лѣсъ опять выростаетъ»,—говорилъ всегда Суворовъ. Этимъ лѣсомъ теперь былъ Моро. Суворовъ рѣшилъ прикончить его въ Ривьерѣ. Но въ это время были получены свѣдѣнія о движеніи Макдональда въ Сѣв. Италію, и это заставило Суворова измѣнить рѣшеніе.

По соглашенію съ Моро, Макдональдъ (28 т. ч.) долженъ былъ двигаться на Тортону, по южн. бер. По, а Моро, также къ Тортонѣ, черезъ Гави, выславъ див. Виктора къ Пармѣ на усиленіе Макдональда, а для обезпеченія его съ зап.—3 т. Ляпоипа, вдоль Требіи, къ Бобіо.

Усилившись, такимъ образомъ, до $35^1/_2$ т. ч., Макдональдъ двинулся къ Тортонѣ; но временно онъ оставилъ дивизію Оливье у Модены, а Монришара у Карпи, для наблюденія за Краемъ. Это создало большую растяжку въ глубину—до 100 в.

29 мая Суворовъ узнаетъ о движеніи Виктора на востокъ. Значитъ, Моро усилилъ Макдональда,—а это значитъ, что главный врагъ—Макдональдъ. Поэтому рѣшеніе Суворова: бить съ наивозможной быстротой и силой Макдональда, а противъ Моро оставить лишь заслонъ. Разъ рѣшеніе принято, оно немедленно же приводится въ исполненіе,—и началось безпримѣрное въ исторіи военнаго искусства движеніе Суворова навстрѣчу Макдональду съ боями на Требіи. Приказано: Бельгарду, который былъ уже въ Александріи, немедленно притянуть къ себѣ Ота (двигался отъ Пармы на Піаченцу) и Фрелиха (отъ Кони); Гогенцолерну отъ Модены усиленно спѣшить къ Александріи. Кромѣ того, Бельгарду требовать помощи изъ-подъ Мантуи, отъ Края. Въ Валенцѣ устроить промежуточную базу. 30 мая, оставивъ въ Туринѣ 8 т. Кейма для обезпеченія тыла со стороны Савои и Дофине, Суворовъ выступаетъ къ Александріи съ остальными силами, пославъ и Краю приглашеніе прибыть туда же.

Клаузевицъ не находитъ словъ восторгаться замысломъ Суворова, которому, вспомнимъ, 69 лѣтъ, и въ рукахъ у коего на $^3/_4$ чужія войска, а свои—переучены не по-Суворовски....

Но всякому замыслу даетъ цѣну его исполненіе. И вотъ Суворовъ спѣшитъ, какъ никогда. «Любезный генералъ»,—пишетъ онъ Кейму: «поторопитесь взять цитадель, чтобы я раньше васъ не пропѣлъ Te Deum».

1 іюня Суворовъ, пройдя при страшной жарѣ, по отвратительнымъ дорогамъ, 100 в. въ $2^1/_2$ дня, прибылъ въ Александрію, гдѣ у него съ войсками Бельгарда было уже 34 т. Кромѣ этихъ силъ, для боя, въ Александрію могли еще поспѣшить: Вукасовичъ отъ Кераско, Отъ—отъ Вогеры,—всего было бы 45 т. Но вотъ начинаются тренія. Край вмѣсто выступленія изъ-подъ Мантуи прислалъ Суворову приказаніе гофкригсрата не выдѣлять ни одного солдата до сдачи крѣпости. Клаузевицъ въ негодова-

ніи называетъ такой поступокъ Вѣнскаго правительства «преступнымъ вмѣшательствомъ въ естественный ходъ военной машины». И все же Суворовъ собралъ уже до половины всѣхъ войскъ на театрѣ войны, а съ войсками Края у него было бы болѣе 60 т. ч., т.-е. болѣе $^2/_3$... Вспомнимъ правило Наполеона о хорошо соображенныхъ предпріятіяхъ!..

Прибывъ въ Александрію, Суворовъ на слѣдующій день вечеромъ получаетъ подтвержденіе, что Макдональдъ, не соединясь съ Моро, двигается прямо на Модену и Реджіо, и что 1 іюня Гогенцолернъ былъ отброшенъ отъ Модены значительными силами французовъ къ Мантуѣ.

Суворовъ, мгновенно оцѣнивъ обстановку, въ движеніи Макдональда видѣлъ вѣрный случай нанести ему отдѣльное пораженіе,—и вотъ, 4 іюня начинается вторая половина великаго подвига,—знаменитое въ лѣтописяхъ войнъ движеніе къ р. Требіи.

3. Движеніе Суворова навстрѣчу Макдональду. Трехдневные бои на Тидонѣ и Требіи.

Макдональдъ, послѣ побѣды надъ Гогенцолерномъ, ускорилъ движеніе, и 3 іюня авангардъ его (див. Виктора и Домбровскаго) былъ уже у Фіоренцолы. Отъ, немедленно по прибытіи въ Вогеру, повернулъ назадъ къ Піаченцѣ и сталъ здѣсь для обороны.

Между тѣмъ, Суворовъ, рѣшившись итти навстрѣчу Макдональду, дѣлаетъ всѣ распоряженія на его уничтоженіе. Приказано спѣшно окончить предмостныя укрѣпленія у Валенцы и Басиньяно, укрѣпить Павію, усилить цитадели въ Миланѣ и Пиччигетонѣ, снабдивъ всѣ ихъ продовольствіемъ и боевыми припасами. На По, Танаро и Бормидѣ навести мосты.

Съ оставшимися 24 т. (русскихъ 22 б-на и 4 полка казаковъ и 9 б-новъ и 18 эск. австрійцевъ) Суворовъ 4 іюня въ 10 ч. в. перешелъ Бормиду, имѣя на южной дорогѣ русскія войска, на сѣв. австрійскія. Уже здѣсь виденъ замыселъ охватомъ съ юга, русскими войсками, отрѣзать Макдональда отъ горъ и, прижавъ къ р. По, уничтожить. Двигаясь всю ночь, войска 5-го утромъ достигли Кастельнова-ди-Скривіа. Отдохнувъ всего 3 ч., достигли Кастеджіо, голова—Страделы. Первая задача захватить эту знаменитую въ исторіи тѣснину ранѣе Макдональда—разрѣшена. Во имя нея, въ однѣ сутки войска Суворова, двигаясь въ сильную жару, сдѣлали 45 в. Изъ Кастеджіо же г. Валецкій былъ отряженъ съ 1 б-номъ, 50 казаками и 50 драгунами на Бобіо. Припомнимъ, что сюда французы направили 3 т. Ляпоипа: провидѣніе сверхъестественное!

Суворовъ полагалъ выступить далѣе въ С. Джіовани въ 4 ч. п., но, получивъ донесеніе Ота, что онъ отступаетъ передъ

главными силами французовъ отъ Піаченцы за р. Тидону, приказываетъ Меласу немедленно итти на поддержку, а вслѣдъ затѣмъ идетъ и самъ къ Страделѣ.

6 іюня въ 10 ч. у. Суворовъ—въ Страделѣ, полагая здѣсь дать отдыхъ. Но пришло новое донесеніе, что на Ота обрушились французы уже на р. Тидонѣ. Дѣйствительно, Макдональдъ, узнавъ о движеніи Суворова изъ-подъ Александріи, рѣшилъ разбить Ота до прибытія Суворова; див. Виктора, Сальма, Домбровскаго и Руска назначены для удара, Оливье и Монришару приказано спѣшить на помощь.

Съ 8 ч. у. Отъ выдерживаетъ упорный бой съ французами, но принужденъ отступить въ крайнемъ разстройствѣ. Въ это время прибылъ Меласъ: австрійцы снова возстановляютъ бой у д. Сармато и отбиваютъ французовъ.

Между тѣмъ Суворовъ, не давъ почти ни минуты отдыха, ведетъ войска навстрѣчу французамъ съ необыкновенной быстротой. Въ палящій зной люди не шли, а бѣжали. Многіе умирали отъ изнеможенія, отсталые цѣлыми десятками обозначали ужасный слѣдъ. Растяжка была громадная, Суворовъ разъѣзжалъ, повторяя: «впередъ, впередъ, голова хвоста не ждетъ». По временамъ обгонялъ войска, прятался гдѣ-нибудь въ сторонѣ, снова вскакивалъ на коня и нежданно появлялся. Это оживляло людей. Часто Суворовъ ѣхалъ рядомъ, забавляя ихъ прибаутками. Чтобы заставить забыть усталость, онъ приказалъ во время движенія учить 12 французскихъ словъ. Какъ только войска растягивались, офицеры громко читали эти слова, и солдаты спѣшили къ головѣ, чтобы слышать ихъ. Но были приняты и мѣры болѣе крупныя. Отданъ знаменитый приказъ, начинавшійся словами: «Непріятельскую армію взять въ полонъ!..» Одновременно казачьи разъѣзды двинуты за 70 в., въ тылъ Макдональду, разрушать мосты на р. Таро, и ни на мгновеніе ни въ комъ не допускалось сомнѣнія въ побѣдѣ.

Скоро новое извѣстіе: непріятель уже за р. Тидоной, и Отъ отступаетъ къ С. Джіовано. Здѣсь начинается область личнаго воздѣйствія вождя на встрѣчный бой, который такъ мощно былъ задуманъ, но на который тяжелой печатью легла неудача австрійцевъ. Суворовъ отдѣляется впередъ, передавъ начальство Великому Князю и, приказавъ ему вести войска, какъ можно поспѣшнѣе,—самъ съ 4 казачьими полками и ген. Багратіономъ скачетъ къ полю битвы. Уже нѣсколько часовъ Отъ и Меласъ упорно дрались, но въ 3 ч. д. 3 дивизіи противника повели одновременно ударъ въ лобъ и въ охватъ съ обѣихъ сторонъ, и австрійцы отступаютъ. Въ это время показались облака пыли, среди которыхъ чернѣлъ густой лѣсъ казачьихъ пикъ: то Суворовъ летѣлъ на помощь. По его же правилу: «Умѣй пользоваться мѣстностью»,—

онъ въѣхалъ на холмъ съ обзоромъ на все поле сраженія. Безотрадная картина представилась ему. Охваченные съ 3 сторонъ, отступаютъ австрійцы. Клиномъ между ними и избраннымъ для насъ болѣе южнымъ направленіемъ побѣдоносно, съ громаднымъ подъемомъ, врываются поляки (див. Домбровскаго). Но вѣдь недаромъ самъ же Суворовъ говорилъ: «удивить—побѣдить». Ослѣпленный жаждой отомстить за пораженія Моро, Макдональдъ и не думалъ здѣсь встрѣтить самого Суворова,—это разъ. А второе то, что малѣйшее ошеломленіе противника, малѣйшая его пріостановка во встрѣчномъ бою есть уже великій залогъ успѣха. И вотъ, казачьи полки Грекова и Поздѣева несутся на Домбровскаго, съ юга, а вслѣдъ за ними австрійскіе драгуны Левенера и Карачая; казаки Молчанова и Семерникова ударили на французовъ съ сѣв. Сразу оба крыла врага скованы, и подготовлена почва здѣсь для послѣдующихъ силъ,—высокое назначеніе именно конницы. За конницей прибѣгаютъ на поле сраженія 2 б-на русскихъ гренадеръ. Суворовъ направляетъ ихъ къ сѣв. крылу—прикрыть переходъ къ наступленію австрійцевъ. Подходящія же постепенно наши войска выстраиваются уже южнѣе,—мысль захвата сообщеній врага. Какъ только голова пѣхоты показалась на полѣ сраженія, Суворовъ переходитъ въ общее наступленіе. Багратіонъ проситъ повременить, говоря, что много отсталыхъ, въ ротахъ нѣтъ и 40 человѣкъ. «А у Макдональда нѣтъ и 20»,—возразилъ Суворовъ: «атакуй, съ чѣмъ Богъ послалъ!» Гдѣ мы найдемъ другое такое пониманіе природы встрѣчнаго боя! Всѣмъ начальникамъ приказано, не теряя времени, итти прямо въ штыки. Ни мгновенія не отдыхая, съ ружьями на руку, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ веселыми пѣснями ринулись наши. Суворовъ разъѣзжалъ по войскамъ, повторяя: «Впередъ, впередъ, коли, руби». Французы дрались съ остервенѣніемъ, но скоро Домбровскій опрокинутъ, шедшая на помощь полубригада сбита, все южное крыло французовъ опрокинуто за Тидону. Сѣв. крыло еще держалось противъ австрійцевъ, но съ пораженіемъ южнаго и оно ушло за Тидону.

Въ 9 ч. в. сраженіе кончилось. Первый урокъ Макдональду былъ данъ, наступленіе его 22 т. остановилось передъ 19 т. союзниковъ.

По истощенію силъ, побѣдители не преслѣдовали и расположились на ночлегъ на з. бер. Тидоны: русскіе—южнѣе, австрійцы сѣвернѣе.

Ночью посланы офицеры подбирать отсталыхъ, а у с. Парапанезе наведенъ мостъ, для войскъ Края изъ-подъ Мантуи и на случай неудачи боя: высшій образецъ подготовки перемѣны операціонной линіи на полѣ сраженія.

Макдональдъ отступилъ къ Требіи: Оливье и Монришаръ были еще въ переходѣ. Но, разсчитывая на ихъ скорый подходъ

Спасеніе Суворова мушкетеромъ Новиковымъ въ бою подъ Кинбурномъ.

и дѣйствія Моро и Ляпоша въ тылъ Суворову, Макдональдъ рѣшилъ 7 іюня вновь наступать. Однако Суворовъ не позволялъ предупреждать себя. Приказомъ на 7-е, какъ для преслѣдованія, наступленіе назначено 3 колоннами: южной Повало-Швейковскаго; средней Ферстера; сѣв. Ота. Фрелихъ (8 б-новъ), поддержка сначала за сѣв. колонной, а за Тидоной—за средней,— для помощи южному крылу Розенберга (южн. и средн. кол.; прочія войска велъ Меласъ). Чертежъ при приказѣ дастъ явный ударъ съ юга, т.-е. на уничтоженіе—и въ самое больное мѣсто.

Утомленіе войскъ отложило выступленіе съ 7 ч. до 10 ч. у., и, когда, въ жаркое утро, союзники двинулись къ Требіи, пересѣченная мѣстность сильно замедляла ихъ. Во 2 ч. д. Багратіонъ у Казалиджіо увидѣлъ див. Домбровскаго, готовую къ бою. Суворовъ пріостановилъ войска, далъ оправиться и въ 2 ч. д. разослалъ приказъ начать ударъ [1]).

Домбровскій снова взятъ въ лобъ русскою пѣхотою, сбоку казаками Грекова и Поздѣева. Поляки, ненавидя самое имя Суворова, сражались яростно, но сбиты. Поддержанные частями Виктора и Руска, французы перешли въ наступленіе противъ Багратіона, но подоспѣлъ Повало-Швейковскій и частью влѣво, частью (самъ Розенбергъ) — вправо, ударилъ въ штыки. Бой у Казалиджіо вновь загорѣлся упорно.

Средняя колонна, врѣзавшись клиномъ, овладѣла д. Граньяно.

Но теперь къ французамъ прибыли Оливье и Монришаръ. Французы стали въ полтора раза сильнѣе Суворова. Немедля, Монришаръ, видя потерю Граньяно, усилилъ своихъ, но безуспѣшно, т. к. Багратіонъ и Швейковскій уже сбили врага южнѣе, и Монришаръ, боясь обхода, тоже отошелъ. Однако, развить успѣха мы не могли: Меласъ, вопреки приказу, удержалъ Фрелиха у себя, гдѣ, и безъ того будучи сильнѣе, австрійцы уже потѣснили французовъ за Требію.

Но сраженіе еще не было рѣшено, а настала ночь. Союзники стали на зап. бер. Требіи, французы за нею. Макдональдъ получилъ 2-й блистательный урокъ: 24 т. союзниковъ отбросили за Требію, охвативъ съ юга, 35 т. врага.

8-го непреклонный Суворовъ снова рѣшилъ наступать. Приказъ остался тотъ же, что и наканунѣ, только Меласу подтверждено вести Фрелиха и 10 эск. Лихтенштейна за средней колонной.

Макдональдъ тоже рѣшилъ наступать: Виктору, Руска и Домбровскому (14 т.) сбить и обойти союзниковъ съ юга; Ватреню и Сальму (7 т.)—съ сѣв.; Оливье и Монришару (11 т.)— бить въ центръ. Поддержекъ не оставлено: расчетъ на тактическое окруженіе (двойной охватъ) и быстроту дѣйствій (всѣ силы

---

[1]) Изъ южной колонны, гдѣ былъ вмѣстѣ съ Вел. Княземъ.

сразу). Снова утомленіе войскъ позволило начать бой лишь въ 10 час. утра.

Увидя обходъ Домбровскаго, Суворовъ двинулъ на него Багратіона и разослалъ общее приказаніе обратить особое вниманіе на югъ. Див. Домбровскаго быстро уничтожена; лишь 300 ч. бѣжали: гроза обхода миновала, но равновѣсіе силъ (мы $23^1/_2$ т., французы 35) еще не возстановилось. Наоборотъ, пришлось выручать Швейковскаго, 5 б-новъ котораго окружены были 15-ю Виктора и Руска, при чемъ гренадерскій полкъ Розенберга повернулъ даже кругомъ 3-ю шеренгу. Подъ палящимъ зноемъ, въ неравной борьбѣ, наши едва стояли на ногахъ. Судьба боя была на волоскѣ. Розенбергъ уже просилъ объ отступленіи. Суворовъ, въ изнеможеніи отъ жары, лежа въ рубашкѣ у громаднаго камня, отвѣтилъ: «Попробуйте сдвинуть этотъ камень, — не можете. Ну такъ и русскіе не отступаютъ. Извольте держаться крѣпко и ни шагу назадъ». Розенбергъ уѣхалъ.

Но вотъ самъ любимецъ Суворова Багратіонъ доложилъ, что убыль велика, ружья отъ грязи не стрѣляютъ, войска въ изнеможеніи не могутъ больше драться. Это была послѣдняя капля. «Нехорошо, князь Петръ», — сказалъ Суворовъ и, крикнувъ: «коня», — какъ былъ, въ рубашкѣ, поскакалъ къ войскамъ. Разомъ все воскресло, усталости какъ не бывало! Мало того, когда, наведя преслѣдовавшихъ одну нашу часть французовъ на искусно скрытую батарею и придавъ этому отступленію преднамѣренный видъ («Заманивай!»), Суворовъ бросилъ Багратіона въ тылъ Виктору и Руска, то ударъ былъ такъ стремителенъ, что французы сочли здѣсь свѣжія подкрѣпленія. Викторъ и Руска, отброшенные за Требію, уже не осмѣливались болѣе начинать боя.

Южное крыло французовъ было разбито, — равновѣсіе силъ установилось. Но, какъ и 7-го, успѣха развить мы не могли: Меласъ опять удержалъ Фрелиха. «Тупой старикъ не могъ понять, что его роль второстепенная, и что успѣхъ сраженія вполнѣ зависитъ отъ дѣйствій праваго фланга» [1]). Только по вторичному приказанію Суворова послалъ онъ Лихтенштейна, но собралъ военный совѣтъ, постановившій, что «лѣвая колонна теперь можетъ дѣйствовать лишь оборонительно».

Лихтенштейнъ не поспѣлъ добить южное крыло французовъ, но много помогъ своему центру и сѣв. крылу. Выручивъ Ферстера отъ всей див. Монришара, онъ кинулся на Оливье и Сальма, готовыхъ опрокинуть Меласа, который, забывъ постановленіе военнаго совѣта, перешелъ въ наступленіе, тѣсня французовъ за Требію.

---

[1]) Петрушевскій.

Приближалась темнота. Уже 3 дня бились противники почти на одномъ мѣстѣ; долина Требіи завалена трупами, а сраженіе еще не рѣшилось... Непреклонный Суворовъ рѣшилъ дать 4-й урокъ Макдональду; но, уже прозрѣвая, что французы разбиты, поздравилъ войска съ 3-ей побѣдой. Дѣйствительно, почью Макдональдъ собралъ военный совѣтъ въ Піаченцѣ [1]). Генералы единогласно заявили о невозможности продолжать бой. Многіе полки были почти истреблены, конница убавилась наполовину, всѣ пали духомъ, зарядовъ почти не было. О Моро и Ляпоипѣ не слышно, а Край, Гогенцолернъ и Кленау въ тылу, въ Моденѣ, Реджіо, Пармѣ... Макдональдъ началъ отступленіе...

Суворовъ, узнавъ о томъ на разсвѣтѣ, уже въ 4 ч. н., обрадованный, выступилъ для преслѣдованія: съ юга русскіе, съ сѣв.—австрійцы. Но Меласъ, остановясь у Піаченцы, выслалъ лишь небольшой отрядъ Ота, который на р. Нурѣ сталъ для обороны, и преслѣдовали безостановочно только наши. 2 дня гналъ Суворовъ остатки врага, но 10-го получилъ донесеніе о движеніи съ тылу Моро. Тогда, оставивъ преслѣдовать Ота, онъ съ остальными силами немедленно, съ той же быстротою, поворачиваетъ къ Александріи «угостить Моро, какъ угостилъ Макдональда».

10 іюня французовъ изъ 35 т. было налицо едва 10—12 т., совершенно павшихъ духомъ. Кромѣ того, они потеряли 6 пушекъ, 7 знаменъ и почти весь обозъ. Убыль союзниковъ за 3 дня боя: 850 чел. уб., до 4 т. ран. и 500 плѣнныхъ (австрійцы).

Движеніе Суворова изъ-подъ Александріи къ Требіи навстрѣчу Макдональду, закончившееся совершеннымъ пораженіемъ противника, относится къ числу величайшихъ образцовъ военнаго искусства. Самъ Моро, противникъ Суворова, называетъ походъ на Требію «le sublime de l'art militaire». Всѣ военные писатели признаютъ, что если бы за Суворовымъ даже не было раньше никакихъ подвиговъ, то за одно его движеніе къ Требіи и бои 6–8 іюня онъ заслуживаетъ званія великаго полководца.

Только великое дарованіе способно такъ искусно повернуть всѣ неблагопріятныя условія въ свою пользу, а затѣмъ, Суворовъ съ поразительной силой завершаетъ успѣхъ конечнымъ дѣйствіемъ на войнѣ—боемъ, задуманнымъ сразу же на уничтоженіе противника охватомъ его съ юга нашими (лучшими) войсками. Весь успѣхъ перваго дня боя на р. Тидонѣ принадлежитъ вполнѣ Суворову, его пониманію природы встрѣчнаго боя. Второй день идетъ развитіе основной мысли—охвата съ юга. Третій день — торжество духа и воли надъ силою, почти сверхъестественное воздѣйствіе вождя на войска, гдѣ самъ Багратіонъ сдалъ нрав-

[1]) Онъ лежалъ тамъ, раненый еще до боевъ саблей въ стычкѣ и сильно страдавшій.

ственно и готовъ былъ уходить. Недаромъ Моро, ставя Суворова ни въ чемъ не ниже Бонапарта, говоритъ: «Что вы скажете про человѣка, который уложитъ всѣхъ, ляжетъ самъ, но не дастъ приказа отступать»... И эта настойчивость, это упорство—это и есть та черта, которую, какъ мы видѣли, такъ тщательно воспитывалъ въ себѣ Суворовъ еще съ юности.

Но вотъ врагъ уходитъ, еще не вполнѣ уничтоженный, благодаря его перевѣсу въ силахъ. «Побѣдивши, обновляй по обстоятельствамъ, но гони его до сокрушенія»,— и «Преслѣдуй денно и нощно, доколѣ истребленъ не будетъ»,—учитъ Суворовъ, и онъ дѣлаетъ это: Макдональдъ теряетъ къ 11 іюня изъ 35 т. ч. 23—25, т.-е. $^2/_3$,—а Суворовъ тѣмъ временемъ «глубоко схватывая природу дѣйствій по внутреннимъ линіямъ», съ тою же быстротою «обновилъ по обстоятельствамъ» противъ Моро—и Моро ушелъ, не желая повторять уроковъ Макдональда.

4. Движеніе Суворова къ Александріи. Бездѣйствіе союзниковъ. Наступленіе Жубера и сраженіе при Нови.

Едва прибывъ въ Александрію, Суворовъ получилъ весьма сухой рескриптъ Франца Іосифа отъ 10 іюня. Напоминалось о необходимости осады Мантуи; приказывалось: «совершенно отказаться отъ всякихъ предпріятій дальнихъ и невѣрныхъ». Между тѣмъ, Императоръ Павелъ за побѣды въ Италіи возвелъ Суворова въ званіе «князя Италійскаго».

17 іюня сдалась, наконецъ, Мантуя. Вѣнскій Дворъ считалъ войну оконченной. Суворовъ, наоборотъ, полагалъ, что паденіе Мантуи развяжетъ ему руки для наступленія въ Ривьеру и Францію. Уже Суворовымъ были сдѣланы всѣ распоряженія о движеніи къ Ниццѣ и Генуѣ и совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ флотомъ.

31 іюля долго жданный Край прибылъ въ Александрію, и въ войска немедля былъ разосланъ приказъ для движенія въ горы. Но на этотъ разъ предупредилъ противникъ.

Пораженія, нанесенныя французамъ Суворовымъ, превратили С. Италію въ главный участокъ войны и вынудили директорію принять особыя мѣры для обезпеченія Франціи отъ вторженія врага. Было предположено создать новую 50 т. армію Шампіонэ для обороны Альпъ со стороны Савои и Дофинэ, а Итальянской арміей, усиливъ ее до 70 т. ч., дѣйствовать наступательно для отнятія Пьемонта и освобожденія Мантуи. Масена въ Швейцаріи долженъ былъ произвести сильный ударъ къ р. Лимату.

24 іюля молодой и талантливый Жуберъ принялъ начальство надъ Итальянской арміей, а Моро, предложивъ услуги, какъ помощникъ, остался при немъ. На военномъ совѣтѣ 29 іюля было рѣшено наступать 35-ю т. ч.; остальныя 13 т. оставить въ тылу и съ боковъ.

Суворовъ началъ получать свѣдѣнія о наступленіи французовъ съ 24 іюля. Но только 1 августа окончательно выяснилось, что они двигаются долинами Бормиды и Скривіи. Куда же, однако, могли они итти: на Александрію? На Павію? На Тортону? Самое опасное было послѣднее, ибо здѣсь шли сообщенія Суворова.

Суворовъ рѣшилъ, давъ французамъ спуститься въ равнину, разбить ихъ здѣсь. Передовымъ войскамъ указано выманить врага изъ горъ. Въ то же время Суворовъ расположился такъ, чтобы, въ какомъ направленіи ни появился Жуберъ, его можно было встрѣтить передовыми частями, а затѣмъ нанести рѣшительный ударъ.

2 августа Суворовъ перенесъ ставку ближе къ противнику— въ Поцоло-Формигаро и придвинулъ сюда 6 б-новъ Милорадовича для поддержки Багратіона, очистившаго Нови. Краю предписано, перейдя къ Фресонарѣ, бить зап. крыло французовъ при выходѣ его на равнину.

Передъ разсвѣтомъ 3 августа французы появились на всемъ кряжѣ у Нови, на пути къ Тортонѣ обложили ф. Серавале (Домбровскій) и по горамъ замѣчены были въ движеніи на востокъ... Все это прикрывалось большими силами С.-Сира, занявшими Нови. Если бы Край напалъ въ это время на Жубера, то помѣшалъ бы французамъ соединиться у Нови, но, по сильному утомленію, онъ просилъ у Суворова разрѣшенія повременить, на что и получилъ согласіе, такъ что до полудня остался въ Александріи, а у Фресонары былъ только Бельгардъ (6 т.).

Все 3 августа Суворовъ ждалъ выхода врага на равнину.

Между тѣмъ, французы пріостановились. Жуберъ съ Моро и С.-Сиромъ выѣхали на высоты у Нови. Съ крутыхъ предгорій Аппенинъ они увидѣли равнину съ союзными войсками. Жуберъ впалъ въ уныніе. Онъ не вѣрилъ паденію Мантуи и сосредоточенію Суворова, но теперь прямо передъ нимъ, въ $2^1/_2$ в., у Поцоло-Формигаро, стояли $9^1/_2$ т. Багратіона и Милорадовича, въ 6 в. у Ривальты виднѣлись 15 т. Меласа и Дерфельдена, на р. Обрѣ были 27 т. Края и Бельгарда, а сзади, у Тортоны, стояли еще $13^1/_2$ т. (Розенбергъ и Алькаини). Самого Суворова легко узнали по его странной одеждѣ: онъ ѣхалъ верхомъ въ бѣльѣ. Жуберъ былъ въ смущеніи. Итти впередъ безразсудно, отступать— стыдно. Онъ собралъ военный совѣтъ. Почти всѣ настаивали на отступленіи къ Генуѣ; Жуберъ не согласился. Цѣлый день происходили споры; только ночью совѣтъ былъ распущенъ.

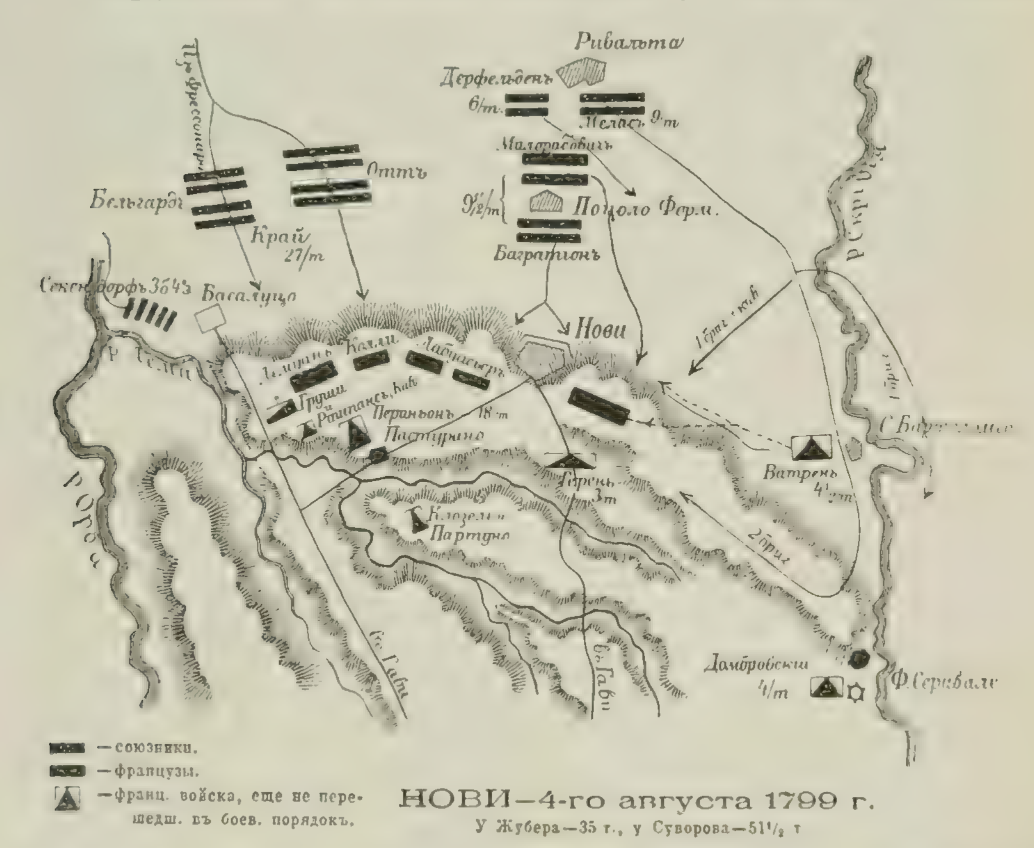
Жуберъ обѣщалъ скоро прислать приказъ для отступленія, но гибельное утро 4 августа застало еще французовъ у Нови.

Высоты, гдѣ расположились французы,—послѣдніе отроги Аппенинъ между долинами р.р. Скривіи и Обры. Громадное превышеніе, сильно пересѣченная мѣстность, виноградники и г. Нови съ

высокой каменной стѣной и садами давали всѣ выгоды упорной оборонѣ. Однако, отступленіе было неудобно: въ тылу горы перерѣзаны рѣчками и глубокими оврагами, хорошихъ дорогъ только 2: на Гави и (за зап. крыломъ) на Пастурану.

Убѣдясь 3 августа, что французы не выходятъ на равнину, Суворовъ рѣшилъ самъ 4 августа бить ихъ въ горахъ. Краю (27 т.) указано итти съ зап., отбросивъ французовъ къ р. Скривіи и отрѣзая остальныя войска отъ Гави, Багратіону и Милорадовичу ($9^1/_2$ т.) взять Нови.

Дерфельденъ и Меласъ оставлены у Ривальты до особаго

НОВИ—4-го августа 1799 г.

У Жубера—35 т., у Суворова—$51^1/_2$ т

приказа, но Меласу указано: добивать французовъ, отрѣзанныхъ движеніемъ Края.

Сраженіе у Нови до сихъ поръ было мало изучено и односторонне освѣщено. Между тѣмъ, это высокій образецъ военнаго искусства, болѣе Аустерлица прообразъ новѣйшихъ боевъ чуть не на 100 лѣтъ впередъ.

Суворовъ стоялъ уступами съ зап., имѣя 65 т. на протяженіи 1 перех. (20 в.) по фронту и въ глубину. Наиболѣе опасно было для него движеніе французовъ на Тортону. Знать снизу вѣрно то, что дѣлается наверху, на 700 ф. выше—очевидно, нельзя. Между тѣмъ, Серавале уже былъ занятъ, съ зап.—какія-то передвиженія къ востоку, т.-е. на Тортону. Ясно, что Суворову надо было

не пустить противника сюда: надо было ударить на него, приковать его съ зап. Разъ же онъ на вост. болѣе не пойдетъ, слѣдовало, такъ сказать, забить его въ кряжъ горъ, т.-е. взять Нови. Когда же, взятіемъ Нови и успѣхами съ з., врагъ окончательно былъ бы сжатъ—выходъ остальныхъ силъ въ тылъ приготовилъ бы полное уничтоженіе. Каждый уступъ имѣлъ при этомъ свое опредѣленное назначеніе и полную свободу дѣйствій. Глубина же послѣдовательно вводимыхъ уступовъ обезпечивала имъ способность маневрированія на полѣ сраженія и вступленія, въ общей маневренной связи, въ бой прямо съ похода. Словомъ, все то, что мы брали у Шлихтинга, какъ нѣчто особенно новое, — но что чисто наше и впервые въ рукахъ именно нашего вождя!..

Еще до разсвѣта Край, которому именно Суворовъ, пуская его въ ложный ударъ, писалъ: «Совершенно полагаюсь на моего друга-героя», повелъ ударъ, но, несмотря на смерть въ 5 ч. н. Жубера, еще къ 8 ч. у. успѣха не имѣлъ. Край нѣсколько разъ просилъ Багратіона начать ударъ, но тотъ не трогался съ мѣста, ссылаясь на неполученіе приказаній. Около 9 ч. у. Суворовъ приказалъ Багратіону брать Нови, Милорадовичу поддерживать его, Краю возобновить ударъ на зап. крыло непріятеля [1]).

Г. Нови былъ занятъ 3 б-нами Гардана, а къ зап. отъ города стояла еще полубригада; поддержка—4 б-на и 6 эск.

Блестящими дѣйствіями,—заставляя насъ разбиваться о Нови, а затѣмъ дѣлая вылазки,– Гарданъ сдерживалъ Багратіона. Одно время грозила даже громадная опасность отъ вышедшаго ему въ бокъ Ватреня. Суворовъ ввелъ тогда 3-й уступъ Дерфельдена. Но полнаго успѣха все не было. Также и Край вновь былъ потѣсненъ съ высотъ.

Къ 1 ч. дня оба противника, послѣ 9 часовъ боя, были совершенно изнурены и нуждались въ отдыхѣ.

Затишье это, однако, было передъ грозой, и отъ зоркаго взгляда Суворова не ускользнуло, что побѣда уже въ рукахъ.

Онъ убѣдился, что у Нови находятся всѣ силы французовъ, что теперь уже нечего опасаться за Тортону, и приказалъ Меласу обрушиться на вост. крыло непріятеля, а Розенбергу прибыть къ Ривальтѣ, т.-е. вводился 4-й уступъ, а 5-й подводился къ полю сраженія.

Но Меласъ еще до приказанія, сейчасъ за Дерфельденомъ, направился впередъ по обоимъ бер. Скривіи. Это усердіе Меласа

---

1) Получая просьбы Края объ одновременномъ съ нимъ ударѣ, Багратіонъ посылалъ ординарцевъ къ Суворову за разрѣшеніемъ, но ординарцы не возвращались. Багратіонъ поѣхалъ самъ. Суворовъ, окруженный генералами, лежалъ на землѣ, завернувшись въ плащъ, и спалъ или дѣлалъ видъ, что спитъ. Едва Багратіонъ заговорилъ съ Дерфельденомъ, какъ Суворовъ вскочилъ и принялся задавать вопросы своему любимцу. Узнавъ про неудачу Края, онъ отдалъ указанныя выше распоряженія объ ударѣ. (Петрушевскій, II, 164).

было, однако, соединено съ огромнымъ коварствомъ: онъ спѣшилъ наложить свою тяжелую руку на развитіе успѣха, какъ о томъ имѣлъ тайное указаніе гофкригсрата.

Въ 4 ч. д. вдругъ вновь загорѣлся ожесточенный бой: Суворовъ возобновилъ ударъ всѣми силами. Край попрежнему шелъ на зап. крыло французовъ, Дерфельденъ на Нови и высоты къ зап. отъ него; Меласъ на высоты — къ вост.: двойной охватъ и отрѣзъ отъ путей отступленія. Розенбергъ, нетронутый, еще въ тылу, уступомъ съ востока.

Около 6 ч. в. французы были въ полномъ отступленіи. Зап. крыло ихъ могло отступать только по одной дорогѣ на Пастурану, гдѣ тѣснина была загромождена повозками и трупами лошадей, а тѣмъ временемъ австрійцы вышли почти въ тылъ Пастуранѣ, когда русскіе неудержимо катились сюда съ другой стороны. «Въ это мгновеніе вся масса французскихъ войскъ дрогнула, разсыпалась какъ будто отъ вихря; пѣхота, артиллерія, кавалерія, все бросилось опрометью черезъ поля, овраги, рытвины, каждый искалъ спасенія, какъ могъ». Только часть войскъ Сенъ-Сира отступила благополучнѣе къ Гави.

Ночь спасла французовъ. Утомленные 16-часовымъ кровопролитнымъ боемъ, союзники заночевали на полѣ сраженія. Лишь Розенбергъ спѣшилъ на соединеніе: ему, какъ свѣжему, было указано преслѣдовать...

Побѣда была крупная, но дорогою цѣною 8 т. ч. выбывшихъ изъ строя. У французовъ—6500 ч. у. и ран., 4500 плѣнными и до 2 т. бѣжавшими, вся артиллерія (39 ор.), 4 знамени, весь обозъ и парки.

Ночью Суворовъ отдалъ приказъ для преслѣдованія и движенія въ Ривьеру.

5-го Розенбергъ преслѣдовалъ, но вяло, путей отступленія не отрѣзалъ. На слѣдующій же день войска были остановлены совсѣмъ... Французы не были уничтожены, наши войска кипѣли негодованіемъ. Что же тому причиной?

На другой день сраженія Меласъ доложилъ: продовольствія для горнаго похода нѣтъ, и мулы не заготовлены: гофкригсратъ приказалъ выдѣлить изъ войскъ Меласа 9 т. ч. въ Тоскану, и распоряженія о выступленіи ихъ уже сдѣланы, наконецъ, Кленау, направленному къ Генуѣ, данъ приказъ итти обратно въ Тоскану.

Скрѣпя сердце, Суворовъ нѣсколько отложилъ наступленіе въ Ривьеру и собралъ войска къ сѣв. отъ Нови, но судьба и на этотъ разъ помѣшала движенію къ Генуѣ. 6-го онъ получилъ донесеніе, что австрійцы въ горныхъ проходахъ въ тылу у него разбиты значительными силами, и Шампіонэ готовится къ наступленію. Когда же выяснилось, что изъ Швейцаріи опасность

[illegible] кaго п[illegible]

[illegible] Унтеръ-офицеръ и бара[illegible]

[illegible]

не грозитъ, Суворовъ самъ получилъ изъ Вѣны приказъ двинуться въ Швейцарію.

По ходу боя видно, что разновременность ударовъ Края и Багратіона была предумышленной: до 1 ч. д. Суворовъ ведетъ усиленную развѣдку, не предполагая еще наносить окончательнаго удара, но забивая французовъ на з. отъ Нови. Когда же соединенные удары Края, Багратіона и Милорадовича убѣдили Суворова, что передъ нимъ всѣ силы Жубера, онъ, притянувъ къ себѣ Меласа, наноситъ ударъ противнику съ вост. и бьетъ его. Затѣмъ отсутствіе преслѣдованія—это уже заслуга передъ Моро австрійскаго гофкригсрата.

Въ награду Суворову за Нови приходилось изыскать что-либо необычайное. Императоръ Павелъ приказалъ объявить въ Высочайшемъ приказѣ: «Въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго, графа Суворова Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества».

Король Сардинскій Карлъ Эмануилъ, за освобожденіе Пьемонта, наградилъ Суворова званіемъ фельдмаршала Пьемонтскихъ войскъ, гранда Королевства Сардинскаго, съ потомственнымъ титуломъ принца и «брата» короля.

Въ Англіи чеканили медали съ изображеніемъ завоевателя Италіи; въ театрахъ пѣли стихи въ его честь; на торжественныхъ обѣдахъ возглашали его здоровье вслѣдъ за тостомъ королю.

Во Франціи составлялись пари: во сколько времени дойдетъ онъ до Парижа.

Одна Австрія держалась холодно, и даже въ изобиліи шли уроки гофкригсрата и выговоры Императора.

Сраженіемъ при Нови закончился походъ въ Италіи. Онъ является образцомъ высшаго искусства и силы человѣческаго духа. Все задуманное приведено Суворовымъ въ исполненіе блистательно: три раза наноситъ онъ пораженія сильному, искусному противнику и въ нѣсколько недѣль завоевываетъ обширную страну, при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ. Происки и козни Вѣнскаго кабинета тормозятъ всѣ начинанія полководца, зачастую разстраиваютъ замыслы его, и надо удивляться, какъ и при такихъ условіяхъ Суворовъ еще достигаетъ сдѣланнаго. Невольно рождается вопросъ: что могъ бы сдѣлать Суворовъ при полной его свободѣ?

Припомнимъ еще разъ, что Суворову было 69 лѣтъ, что онъ впервые попалъ въ совершенно новую обстановку, что $^3/_4$ войскъ и помощниковъ были чуждые, и что, наконецъ, даже русскія войска были уже сильно тронуты новыми вѣяніями, — такъ что

Суворову даже ихъ приходилось переучивать вновь... Но онъ преодолѣлъ все—среди всѣхъ тяжестей и невзгодъ давалъ всѣмъ примѣръ силы воли и тѣлесной выносливости и по праву могъ говорить: «Я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастіемъ».

5. Новые замыслы союзниковъ и выступленіе Суворова изъ Италіи.

Разъ Италія была завоевана, присутствіе Суворова съ русскими войсками было препятствіемъ для тайныхъ желаній Вѣнскаго Двора, а Англія опасалась, какъ бы Суворовъ не овладѣлъ для Россіи Генуей.

И вотъ, союзники рѣшаютъ: 1) русскія войска сосредоточить въ Швейцаріи подъ начальствомъ Суворова и дѣйствовать наступательно черезъ Франшъ-Конте; 2) англо-русскій корпусъ назначить для освобожденія Голландіи и, вмѣстѣ съ эрцгерц. Карломъ, изгнать французовъ изъ Бельгіи; 3) австрійцамъ дѣйствовать: эрцгерц. Карлу—на Н. и Ср. Рейнѣ, а Меласу—въ С. Италіи, при чемъ эрцгерц. Карлъ долженъ былъ находиться въ Швейцаріи до прихода Суворова.

Въ Вѣнѣ добавили, что наступленіе австрійцевъ отложено до будущаго года, а Суворову изъ С. Италіи итти въ Швейцарію безотлагательно [1]).

«Выдавя изъ меня сокъ, нужный для Италіи, бросаютъ меня за Альпы, и уже съ недѣлю я въ горячкѣ больше отъ яду вѣнской политики», — говорилъ Суворовъ въ скорби и негодованіи. Но Павелъ I даже обрадовался уходу Суворова изъ рукъ гофкригсрата.

12 августа Римскій-Корсаковъ прибылъ. Тогда эрцг. Карлъ рѣшилъ итти за р. Аръ, но, потерпѣвъ неудачу, отошелъ за Лиматъ, а получивъ повелѣніе выступить изъ Швейцаріи въ Германію, 20 августа покинулъ Римскаго-Корсакова въ виду сильнаго врага и оставилъ въ горахъ лишь 22 т. Готце.

Суворовъ ясно увидѣлъ ужасное положеніе войскъ въ Швейцаріи, а потому, не ожидая сдачи Тортонской цитадели, въ 6 дней прошелъ 150 в. отъ Асти до Таверны (начало горнаго похода).

«Сія сова не съ ума ли сошла, или его никогда не имѣла», —писалъ онъ про сочинителя всего новаго замысла, Тугута. Но сова не съ ума сошла, она затѣяла погубить насъ и развѣнчать Суворова...

Къ этому времени Р.-Корсаковъ (27 т.), имѣя главныя силы у Цюриха, былъ разбросанъ по в. бер. Лимата и Ара. У Готце (южное крыло): 10 т. своихъ на Линтѣ, Елачичъ 5 т. у Сарганса, Линкенъ $3^1/_2$ т. у Иланца, Ауфенбергъ 3 т. у Дисентиса.

---

[1]) Милютинъ, т. II, стр. 3.

На путяхъ въ Швейцарію, изъ С. Италіи, Штраухъ и Гадикъ,— 12 т. ч.

Французы были сильнѣе и болѣе сосредоточены: $9^1/_2$ т. Тюро противъ Штрауха и Гадика. Лекурбъ, 12 т., на С.-Готардѣ и въ долинѣ Рейсы до Альторфа. Бриг. Молитора у Гляриса; Сультъ съ 11 т. на Н. Линтѣ и Цюрихскомъ оз.; Мортье 9 т. на Альбисѣ. Главныя силы 37 т. на з. бер. Лимата, Ара и Рейна, до Базеля.

Подробности дѣйствій были возложены на Суворова.

О французахъ онъ зналъ только, что они тянулись въ видѣ запятой, жирная часть которой противъ Р. Корсакова, а хвостъ подъ ударами изъ Италіи чрезъ С.-Готардъ, проходимый для войскъ (недавно тутъ шли французы). Зная это, Суворовъ, въ Асти, 26 августа намѣтилъ: быстро устремясь къ С.-Готарду, бить южное, растянутое, крыло французовъ (Гюдень и Лекурбъ); австрійцамъ бить въ лобъ, помогая намъ и послѣдовательно присоединяясь по мѣрѣ углубленія въ страну; окончательное же соединеніе для общаго удара на главныя силы французовъ произойдетъ гдѣ-либо въ Глярисѣ.

Все это геніально-просто и говоритъ за себя, особенно въ горахъ. Но, къ несчастію, не увѣренный въ мѣстныхъ данныхъ, не зная точно расположенія австрійцевъ, Суворовъ не рискнулъ не посовѣтоваться съ австрійцами, въ томъ числѣ Готце [1]). Готце взглянулъ на дѣло болѣе широко: у Суворова — соединеніе у Гляриса, онъ выноситъ его впередъ, къ Швицу и Эйнзидельну; Суворовъ тянетъ австрійцевъ къ себѣ, Готце направляется въ другую сторону и даже тянетъ къ себѣ 5 т. отъ Р. Корсакова; Суворовъ спрашиваетъ, гдѣ и какъ соединиться, Готце указываетъ, когда онъ самъ начнетъ наступленіе.

Умышленная незаготовка австрійцами вьюковъ съ довольствіемъ окончательно подорвала основные устои замысла Суворова еще до начала движенія, и гроза назрѣла уже у подножія Альпъ, она была неизбѣжна.

Но и здѣсь распоряженіе—для начала похода брать С.-Готардъ съ охватомъ его съ вост. по 2 дорогамъ, при чемъ этотъ двойной охватъ долженъ былъ открывать путь и далѣе,—природу дѣйствій въ горахъ схватило блистательно. Была доля трудности прочной связи между отдѣльными частями, но Суворову нужно лишь было на время его наступленія сковать французовъ съ фронта, чтобы дать ему самому выйти на флангъ и тылъ Масены.

Всего у Суворова было около 20 т. ч., устроенныхъ въ Тавернѣ заново. Австрійцы дали 25 горн. ор. Полевая артилле-

[1]) Кромѣ того, къ Суворову былъ приставленъ, какъ особый знатокъ горъ; извѣстный впослѣдствіи Вейротеръ.

рія и обозы пошли кругомъ, черезъ Тироль. Муловъ замѣнили казачьи лошади (совѣтъ Вел. Кн.), вьюки и довольствіе заготовили сами.

Для дѣйствій въ горахъ дано особое наставленіе: каждой дивизіи итти отдѣльной колонною, съ 25 казаками и 20 піонерами впереди; при головномъ баталіонѣ 1 ор., прочія по полкамъ. Въ хвостѣ запасныя орудія и 10 вьюковъ съ ружейными патронами; остальные вьюки позади корпуса подъ прикрытіемъ 1 б. и спѣшенныхъ казаковъ. Для боевыхъ дѣйствій головнымъ частямъ пѣхоты разсыпаться и быстро взбираться на вершины, слѣдующимъ частямъ поддерживать цѣпь, по возможности въ сомкнутыхъ колоннахъ, шагахъ въ 100 отъ разсыпного строя и дѣйствовать исключительно холоднымъ оружіемъ, не останавливаться долго подъ непріятельскимъ огнемъ, а смѣло бросаться въ штыки.

6. Начало Швейцарскаго похода. Взятіе С.-Готарда.

10 сентября, въ пасмурное ненастное утро, могъ наконецъ двинуться Суворовъ въ горы, извѣстивъ Готце и Корсакова о своемъ движеніи, сообщивъ свою диспозицію и прося содѣйствія способомъ, какимъ сами признаютъ удобнымъ. При этомъ онъ писалъ Готце: «Никакое препятствіе, никакія затрудненія, никакія пожертвованія не должны останавливать нашего стремленія къ той важной цѣли, для которой мы соединяемся». И далѣе: «Для общаго нападенія считаю нужнымъ напомнить о необходимой во всѣхъ случаяхъ предосторожности держать по возможности свои силы въ совокупности, дабы безполезнымъ раздробленіемъ ихъ и добровольнымъ ослабленіемъ не сдѣлать самую атаку безуспѣшною. Затѣмъ должно разузнавать вѣрнѣе стоящаго передъ собою непріятеля и настоящую силу его. Мы должны о первыхъ своихъ шагахъ подробно извѣщать другъ друга черезъ ежедневныхъ курьеровъ».

Понималъ ли кто когда-либо глубже вопросы дѣйствій въ горахъ?!..

Розенбергъ отъ Белинцоны пошелъ вверхъ по р. Тичино. Самъ Суворовъ съ к-сомъ Дерфельдена—отъ Таверны къ Белинцонѣ. Несмотря на нездоровье, онъ бодро ѣхалъ на казачьей лошади, въ обычной легкой одеждѣ и только сверху накинулъ ветхій, тонкій плащъ, т. н. «родительскій» [1]).

Всѣ дни похода войска дрогнули отъ холода, вѣтра и ливня, особенно на ночлегахъ безъ топлива.

12 сентября Дерфельденъ, пройдя въ 3 дня 68 в., въ 10 в. отъ Айроло далъ время Розенбергу (въ 3 дня 75 в. по весьма

[1]) Рядомъ съ Суворовымъ ѣхалъ старый швейцарецъ Антоній Гама, хозяинъ его [illegible] въ Тавернѣ. Антоній такъ привязался къ великому полководцу, что позабылъ [illegible] и, не обращая вниманія на слезы семьи, рѣшилъ сопровождать Суворова въ [illegible], сдержалъ свое слово и былъ очень полезенъ.

трудной дорогѣ) выйти въ тылъ С.-Готарда. Розенбергъ шелъ съ разсвѣта до глубокой ночи; войска наши выбивались изъ силъ, но въ 1-й день прошли 24 в., во 2-й—30. На 12-е, въ холодную бурную ночь, онъ ночевалъ на 8000 ф. безъ бивачнаго огня, 12-го спустился къ Дисентису; безъ одного отсталаго, не отдыхая, двинулся къ д. Урзернъ. 13-го Розенбергъ уже бралъ С.-Готардъ съ тыла.

СХЕМА
къ
ШВЕЙЦАРСКОМУ
походу.

На С.-Готардѣ было до $8^1/_2$ т. французовъ Лекурба. Мѣстность удваивала ихъ силы. Съ глубочайшимъ пониманіемъ сути боя въ горахъ, Суворовъ лобовымъ ударомъ Дерфельдена сковалъ французовъ до назрѣванія обхода Розенберга [1]), а затѣмъ рядомъ частныхъ охватовъ сбилъ ихъ и отрѣзалъ съ тылу какъ разъ, когда прибылъ самъ Лекурбъ остановить его успѣхи. Розенбергъ заночевалъ у Урзерна, овладѣвъ 3 ор., 370 т. патроновъ и 1 дн. запасомъ хлѣба на корпусъ. Между тѣмъ Лекурбъ, обойденный Розенбергомъ, старался все же задержать Суворова хотя бы до ночи, упорно обороняя д. Госпиталь. Только въ темнотѣ мы, наконецъ, ворвались въ деревню. Лекурбъ былъ окруженъ, и всѣ пути въ долину Рейсы были ему отрѣзаны. Онъ могъ бы еще отойти на Фурку, но тогда открылъ бы Суворову путь къ Люцернскому озеру, гдѣ русскіе могли найти суда. Лекурбъ рѣшился, бросивъ орудія въ Рейсу, двинуться ночью, черезъ Бетцбергъ (7800 ф.), въ долину Геше-

[1]) Есть указаніе, что войска Розенберга, по примѣру Милорадовича, скатились съ кручи подъ Урзерномъ—с и д я.

ненъ. Французы съ шипами на подошвахъ всю ночь карабкались по горамъ, гдѣ еще не ступала нога человѣческая. Къ утру Лекурбъ вышелъ къ единственной переправѣ черезъ Рейсу,—Чортову мосту, преградивъ вновь путь Суворову.

Утомленные труднымъ горнымъ походомъ и боемъ, ночевали: Дерфельденъ—у д. Госпиталь, Розенбергъ—у д. Урзернъ. Вьюки сильно отстали. Заснуть отъ холода и сырости почти не удалось.

Первая встрѣча въ горахъ съ французами обошлась намъ дорого, почти 2 т. ч., но одно изъ самыхъ трудныхъ препятствій было пройдено, и непріятель, знаменитый Лекурбъ,—побѣжденъ.

Появись Розенбергъ у д. Урзернъ засвѣтло, замыселъ Суворова на уничтоженіе врага осуществился бы. Все дѣло въ обманчивости чувствъ въ горахъ [1]): на спускѣ въ Урзернскую долину между 2 и 3 ч. д. Розенбергу выстрѣлы Суворова доносились какъ бы издалека. Розенбергъ ждалъ—и вышелъ только къ вечеру.

7. Переходъ черезъ Чортовъ мостъ и движеніе къ Альторфу.

Утромъ 14 сентября Дерфельденъ и Розенбергъ двинулись къ Альторфу вмѣстѣ. Предстояли страшныя затрудненія. Казалось, природа хотѣла провѣрить, точно ли для Суворовцевъ нѣтъ невозможнаго. Въ 1 в. отъ д. Урзернъ горная тропа сквозь «Урзернскую дыру» въ отвѣсныхъ утесахъ (80 ш. длины и ширины едва для одного вьюка) выходитъ, огибая гору карнизомъ и круто спускаясь къ знаменитому Чортову мосту—каменному своду надъ р. Рейсой, которая здѣсь на 400 ш. рвется черезъ трещину и пѣнится на глубинѣ 75 ф. водопадами.

Затѣмъ тропа [2]) дважды огибаетъ крутыя скалы и, переходя съ берега на берегъ, передъ д. Гешененъ, въ 2½ в. отъ Урзернской дыры, выходитъ изъ ущелья.

2—3 десятка стрѣлковъ могли задержать наступленіе Суворова и въ Урзернской дырѣ, и у Чортова моста, особенно если взорвать мостъ. Но онъ не былъ испорченъ: Лекурбъ и такъ надѣялся остановить Суворова, обороняя частью французовъ Урзернскій проходъ, противъ котораго стояла пушка, а 2 б-на расположивъ сзади моста.

На разсвѣтѣ 14 сентября, передовой баталіонъ полка Мансурова (к-са Розенберга) двинулся къ Урзернской дырѣ. Голова его въ подземельѣ была встрѣчена пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ: пробиться было невозможно. Тогда 300 охотниковъ полковника Трубникова полка Мансурова, маіоръ Тревогинъ съ 200 егерей Кашкина и б-нъ полковника Свищова нежданнымъ появленіемъ въ обходъ, горами, черезъ Рейсу такъ изумили фран-

---

1) Петрушевскій, II, 237.

2) Здѣсь теперь стоитъ съ 1808 г. памятникъ Суворову.

цузовъ, что они бросили дыру и спѣшно начали разбирать кладку съѣзда. Мансуровъ, въ суматохѣ, прорвался сквозь подземелье и бросился на французовъ, которые, спрыгивая съ утесовъ, почти всѣ погибли.

Однако 2 б-на, стоявшіе за мостомъ, успѣли разобрать часть спуска, и перейти чрезъ него уже было нельзя. Открылась стрѣльба почти въ упоръ. Но, угрожаемые новымъ обходомъ Тревогина, Свищова и ген. Каменскаго съ Архангелогородскими мушкатерами, французы начали отступать отъ моста. Наши бросились впередъ; притащили бревна и доски изъ сохранившагося вблизи сарая; офицеры быстро связали ихъ шарфами, и по этой зыбкой перекладинѣ стали перебѣгать на тотъ берегъ, подъ сильнымъ огнемъ французовъ. Къ 4 ч. д. мостъ былъ годенъ для движенія [1]), и Тревогинъ и Свищовъ погнали врага.

Въ то время, когда Суворовъ пробивался черезъ Чортовъ мостъ, Лекурбъ бросился назадъ, къ Амштегу, и оттѣснилъ шедшаго сюда отъ Дисентиса австрійца Ауфенберга, послѣ чего, испортивъ всѣ мосты, отступилъ къ Альторфу.

Послѣ горячей работы всю ночь по исправленію дорогъ и быстраго наступленія днемъ 15-го, при чемъ авангардъ Милорадовича перебѣгалъ черезъ горящіе мосты, мы вынудили французовъ и здѣсь отступить, и Лекурбъ ушелъ за Рейсу, вновь уничтоживъ мосты.

Суворовъ заночевалъ на 16 у Альторфа.

Тяжелы были дни 14 и 15 сентября, но, одолѣвъ храбраго искуснаго противника и самую природу, измученныя доблестныя войска могли, казалось бы, надѣяться на благосклонность судьбы. Оставался всего одинъ переходъ до Швица. Смѣлый замыселъ великаго вождя готовъ былъ дать блестящіе плоды. Но вдругъ, у Альторфа, Суворовъ узнаетъ, что дороги на Швицъ нѣтъ. Горная тропа исчезла. Недоступные снѣговые хребты преградили путь. Только теперь видно было, куда завели австрійцы. Были, правда, 2 тропинки изъ Шахенской долины въ Мутенскую черезъ снѣговой хребетъ Росштокъ, но даже опытные швейцарскіе охотники считали ихъ теперь непроходимыми. О Линкенѣ нѣтъ извѣстій, а среди жителей слухи, что наканунѣ въ Швейцаріи былъ жестокій бой, и французы побѣдили.

«Можно смѣло сказать»,—говоритъ Милютинъ,—«что если бы на мѣстѣ Суворова былъ другой генералъ, то въ подобномъ критическомъ положеніи онъ созвалъ бы военный совѣтъ для обсужденія мѣръ къ спасенію арміи. Можетъ быть, самый рѣшительный избралъ бы кружный путь черезъ Шахенскую долину къ

---

[1]) Разсказываютъ, что австрійскіе саперы очень медленно чинили мостъ. Тогда Ребиндеръ вызвалъ рабочихъ своего полка, которые и исправили мостъ. Говорятъ также, что подъ удары топора, бывшій здѣсь Суворовъ приговаривалъ: «ту-гутъ, ту-гутъ!».

верхней Линтѣ, въ надеждѣ найти тамъ Линкена, но едва ли кому бы то ни было пришло въ голову избрать тотъ путь, который выбралъ Суворовъ. Ни одного мгновенія его великая душа не вѣдала сомнѣній, съ обычною своею твердостью, безъ всякаго военнаго совѣта, рѣшается онъ итти, какъ можно скорѣе, къ Швицу, чтобы не дать сильнымъ французамъ разбить слабаго Корсакова. Онъ не даетъ даже отдыха измученнымъ, оборваннымъ, полуголоднымъ войскамъ и съ разсвѣтомъ 16 сентября приказываетъ двигаться въ Мутенскую долину черезъ Росштокъ, по прямому пути къ Швицу. На такой подвигъ способны были только Суворовъ и его чудо-богатыри!!!

8. Переходъ черезъ Росштокъ. Военный совѣтъ въ Мутенской долинѣ.

Въ 5 ч. н. 16 сентября началось движеніе. Багратіонъ шелъ впереди, за нимъ к-съ Дерфельдена и австрійская бриг. Ауфенберга; Розенбергъ прикрывалъ сзади отъ Лекурба.

Не отдохнувшія войска отъ подножія грознаго хребта пошли по едва замѣтной тропинкѣ, которая чѣмъ выше, тѣмъ была уже, а мѣстами совсѣмъ исчезала среди скалъ. Итти можно было только по одиночкѣ и съ нечеловѣческими усиліями.

Суворовъ большею частью шелъ пѣшкомъ при переднихъ частяхъ, у всѣхъ на виду. Вѣчно бодрый и веселый, онъ не давалъ хандрить людямъ. Увидѣвъ кучку людей, отказавшихся въ отчаяніи итти дальше, онъ весело зятянулъ пѣсню: «Что съ дѣвушкой сдѣлалось, что съ красной случилось», — и мигомъ все повеселѣло.

Спускъ былъ еще труднѣе. Почва стала скользкой и вязкой; мѣстами прямо скатывались внизъ. Кто оступился или поскользнулся, летѣлъ въ бездну. Лишь къ 5 ч. д. голова спустилась въ долину, къ д. Мутенъ. 16 в. отъ Альторфа до Мутена авангардъ шелъ 12 час. Въ хорошую погоду опытные швейцарскіе охотники идутъ здѣсь 8 ч.

Спустившись, Багратіонъ узнаетъ, что въ д. Мутенъ французы. Отважный сподвижникъ Суворова, съ головными частями, бросается на нихъ: половина переколота, другая сдалась.

Авангардъ Багратіона собрался у Мутена только поздно ночью. Вмѣсто отдыха, пришлось стоять подъ ружьемъ, такъ какъ у Швица находился непріятель, а хвостъ Розенберга былъ еще у Альторфа, и все протяженіе между Мутеномъ и Альторфомъ покрыто непрерывною нитью одиночныхъ людей и вьюковъ, пробирающихся по страшнымъ крутизнамъ. Въ такомъ положеніи застала ихъ холодная, вѣтряная ночь.

«Переходъ русскихъ черезъ эти горы», — говоритъ Милютинъ, «до сихъ поръ еще живетъ въ памяти мѣстныхъ жителей, какъ

Формы Лейбъ гвардіи Измайловскаго полка

Адъютантъ и Знаменные ряды

Музей Л.-г. Измайловскаго полка

преданіе полубаснословное; показывая на эту тропинку, едва замѣтную на скалахъ и снѣжныхъ пустыняхъ, швейцарецъ говоритъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ: «здѣсь проходилъ Суворовъ». На картахъ Швейцаріи тропинка эта обозначается простою надписью: «путь Суворова въ 1799 г.».

Два дня тянулись войска отъ Альторфа до Мутена, и еще 2 дня вьюки.

Все это время, 16 и 17 числа, Лекурбъ бросался на Розенберга, но былъ отбитъ, и вьючный обозъ успѣлъ втянуться въ Шахенскую долину.

Въ Мутенской долинѣ войска еле держались на ногахъ отъ усталости и холода. Но, несмотря на это, войска ничего не тронули у жителей.

Посланные къ Гларису для связи съ Линкеномъ казаки вернулись съ донесеніемъ, что Гларисъ и долина Кленталь заняты французами, а о Линкенѣ нѣтъ даже и слуху.

Скоро и окрестные жители принесли страшныя вѣсти: 14 сентября Корсаковъ съ громадными потерями отброшенъ изъ Цюриха къ Шафгаузену. Готце разбитъ на Линтѣ и пропалъ безъ вѣсти. Елачичъ и Линкенъ отступили къ Рейну. Масена спѣшитъ къ Гларису и Швицу запереть Суворову выходы отъ Мутенской долины.

18 т. Суворова, изнуренные безпримѣрнымъ походомъ, оказались одинокими среди неприступныхъ Швейцарскихъ горъ, окруженные многочисленнымъ, гордымъ побѣдами, противникомъ.

18-го числа Суворовъ окончательно убѣждается во всемъ донесеніемъ Линкена. Казалось, и собственное спасеніе было уже невозможно. Итти къ Швицу—нѣтъ смысла: Масена не пуститъ, а если бы и пробились, то что могли сдѣлать малочисленныя, голодныя войска безъ сухарей, зарядовъ и артиллеріи—противъ многочисленнаго, сытаго и хорошо снабженнаго врага? Идти назадъ къ Альторфу? Но развѣ могли Суворовскія войска отступать? Да, наконецъ, у Альторфа Лекурбъ. Оставалось итти на Гларисъ, пробиваясь къ Куру и Иланцу, на соединеніе съ австрійцами. Но какъ встрѣтятъ это рѣшеніе войска? Хватитъ ли у нихъ силъ преодолѣть еще цѣлый рядъ неимовѣрныхъ затрудненій и выказать подвиги, можетъ быть, еще болѣе героическіе? И вотъ, Суворовъ начинаетъ свое обычное воздѣйствіе на войска: 18 сентября назначаетъ онъ военный совѣтъ [1]), въ свое время описанный Багратіономъ [2]) и такъ законченный Суворовымъ:

«Теперь итти намъ впередъ на Швицъ—невозможно. У Масены свыше 60 т. человѣкъ, а у насъ нѣтъ полныхъ и 20 т.;

[1]) Австрійцы на совѣтъ приглашены не были.
[2]) Разсказы стараго воина, 211—221.

итти назадъ—стыдъ... Это значило бы отступать... а русскіе... и я... никогда не отступали. Мы окружены горами. У насъ осталось мало сухарей на пищу; а менѣе того—боевыхъ и артиллерійскихъ снарядовъ. Мы будемъ окружены врагомъ сильнымъ, возгордившимся побѣдою... побѣдою, устроенной коварною измѣною».

«Помощи теперь намъ ждать не отъ кого; одна надежда на Бога, другая на величайшую храбрость и на высочайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ. Это одно остается намъ. Намъ предстоятъ труды величайшіе, небывалые въ мірѣ: мы на краю пропасти».

«Но мы русскіе. Съ нами Богъ. Спасите, спасите честь и достояніе Россіи и ея Самодержца, Отца нашего Государя Императора!... Спасите сына Его, Великаго князя Константина Павловича, залогъ Царской милостивой къ намъ довѣренности!» И съ послѣднимъ словомъ великій полководецъ палъ къ ногамъ Константина Павловича.

За всѣхъ отвѣтилъ, старѣйшій «благороднѣйшій старецъ» Вилимъ Христофоровичъ Дерфельденъ.

«Отецъ Александръ Васильевичъ! Мы видимъ и теперь знаемъ, что намъ предстоитъ; но вѣдь ты знаешь; знаешь, отецъ, ратниковъ, преданныхъ тебѣ душою, безотчетно любящихъ тебя: вѣрь намъ! Клянемся тебѣ передъ Богомъ, за себя и за всѣхъ, что бы ни встрѣтилось, въ насъ ты, отецъ, не увидишь ни гнусной, незнакомой русскому трусости, ни ропота. Пусть сто вражьихъ тысячъ станутъ передъ нами; пусть горы эти втрое, вдесятеро, представятъ намъ препонъ,—мы будемъ побѣдителями того и другого; все перенесемъ и не посрамимъ русскаго оружія; а если падемъ, то умремъ со славою!.. Веди, куда думаешь; дѣлай, что знаешь: мы твои, отецъ!.. Мы русскіе!»

Суворовъ слушалъ эту рѣчь съ закрытыми глазами, поникнувъ головою, а послѣ слова всѣхъ «клянемся!», онъ поднялъ ее и, открывъ глаза, блестящіе райскою радостію, началъ говорить: «Надѣюсь... радъ!... Помилуй Богъ... мы русскіе!... Благодарю, спасибо! Разобьемъ врага, и побѣда надъ коварствомъ... будетъ побѣда!...»

Вслѣдъ за этимъ Суворовъ подошелъ къ столу диктовать приказъ.

«Мы вышли»,—писалъ Багратіонъ,—«отъ Александра Васильевича съ восторженнымъ чувствомъ, съ самоотверженіемъ, съ силою воли духа: побѣдить или умереть, но умереть со славою, закрыть знамена нашихъ полковъ тѣлами своими».

Великъ народъ, который имѣетъ въ своей исторіи подобный военный совѣтъ! Всѣ лучшія качества выказались на немъ въ

лицѣ военачальниковъ нашихъ! А когда они передали свои чувства офицерамъ и солдатамъ, то войска снова были готовы оказывать какіе угодно подвиги, перенося какія угодно лишенія...

9. Двухдневные бои въ долинахъ Кленской и Мутенской.

Сущность приказа Суворова 18 сентября заключалась въ томъ, чтобы итти къ Гларису, а если французы преградятъ дорогу, пробиться силой. Въ тотъ же день 18 сентября Ауфенбергъ долженъ былъ двинуться къ горѣ Брагель (по дорогѣ на Гларисъ), сбить здѣсь французовъ и тѣснить возможно дальше. На слѣдующій день за Ауфенбергомъ назначенъ былъ итти Багратіонъ, за нимъ див. Швейковскаго. Розенбергъ и Ферстеръ (изъ к-са Дерфельдена) оставлены въ Мутенской долинѣ для удержанія стоявшаго у Швица противника, пока всѣ прочія войска и вьюки не пройдутъ черезъ Брагель.

Ауфенбергъ 18-го же двинулся, сбилъ на г. Брагель непріятельскій постъ и спустился въ Клентааль.

На другой день двинулся и Багратіонъ, а за нимъ Швейковскій (всего 6 т.). Послѣ перехода черезъ Росштокъ, Брагель не удивила нашихъ войскъ, хотя подъемъ и спускъ были очень трудны. Только къ 3 ч. дня Багратіонъ спустился въ Клентааль, гдѣ Ауфенбергъ съ утра уже былъ въ бою съ Молиторомъ, который, увѣренный, что Суворовъ погибнетъ въ Мутенской долинѣ, послалъ Ауфенбергу предложеніе о сдачѣ. Ауфенбергъ уже велъ переговоры, когда подоспѣлъ Багратіонъ. Ударомъ въ лобъ и обходомъ егерями съ обоихъ фланговъ онъ сбилъ Молитора и прижалъ въ тѣснину между озеромъ и отвѣсными горами.

Послѣ 16 час. боя, выходъ въ долину Линты былъ все же въ нашихъ рукахъ.

Въ то же время и Розенбергъ блистательно выполнялъ свою задачу въ Мутенской долинѣ, имѣя 4 т. чел.

Когда же на другой день Розенбергу предстояло отступить въ виду сильнаго врага, онъ вышелъ изъ положенія военной хитростью, пославъ въ Швицъ приказъ приготовить на 21 сентября продовольствіе на 12 т. русскихъ войскъ, и французы въ Швицѣ цѣлое 21 число не трогались съ мѣста, ожидая нападенія.

Между тѣмъ Розенбергъ тихо снялся съ бивака и пошелъ къ Гларису. Къ концу дня Масена увидѣлъ обманъ, но преслѣдовать было поздно. Тогда онъ повелъ свои войска кругомъ на соединеніе съ Молиторомъ, а Розенбергъ продолжалъ движеніе. Испытавъ страшныя лишенія, проведя 2 ночи безъ топлива среди снѣжной пустыни, онъ только 23-го пришелъ въ Гларисъ. Заслуги Розенберга громадны, и ими онъ совершенно искупилъ Басиньяно и С.-Готардъ.

10. Переходъ черезъ снѣговой хребетъ Рингенкопфъ. Окончаніе Швейцарскаго похода.

Ожидая Розенберга, Суворовъ стоялъ у Нетсталя. 23-го у Глариса собрались всѣ войска. Изнуренныя горнымъ походомъ, голодомъ, горячими боями, оборванныя, босыя, безъ патроновъ и артиллеріи, они казались сборищемъ нищихъ. Лишенія были столь велики, что ген. Ребиндеръ послѣдніе дни ходилъ, обернувъ ступни ногъ кусками сукна отъ мундира. Но по внутреннему своему состоянію это были все тѣ же чудо-богатыри.

Двумя ночными переходами Суворовъ отдѣлился отъ французовъ; французы замѣтили движеніе, когда большая часть уже снялась съ биваковъ. Но этотъ путь былъ еще труднѣе, чѣмъ всѣ прежніе: по узкой тропѣ шло движеніе по одиночкѣ.

Тропа была почти непроходима и мѣстами представляла узкій обледенѣлый карнизъ, покрытый снѣгомъ.

Только къ полудню собрались войска въ д. Паниксъ, а послѣ небольшого привала—въ Иланцъ. Здѣсь стоялъ Линкенъ; Ауфенбергъ былъ у Кура, Елачичъ и Петрашъ—отъ Кура до Боденскаго озера. Грозный снѣговой хребетъ прикрылъ союзниковъ отъ непріятеля. Въ Иланцѣ наши обогрѣлись, а на слѣдующій день въ Курѣ нашли обильные запасы. Мгновенно все оживилось; усталость и страданія забыты; раздалась веселая русская пѣсня, слышались шутки надъ перенесенными страданіями...

Швейцарскій походъ былъ конченъ. Изъ 20 т., выступившихъ изъ Италіи, въ Куръ пришло около 15 т. Болѣе 1600 человѣкъ убиты, упали въ пропасти и замерзли. 3500 человѣкъ ранены,—но ни одного отсталаго... Масена говорилъ впослѣдствіи, что за одинъ этотъ походъ онъ отдалъ бы всѣ свои 48 походовъ....

Добавлю только, что въ германскомъ учебникѣ тактики для военныхъ училищъ Суворовъ въ Швейцаріи на первыхъ же страницахъ приводится, какъ высшій образецъ всепобѣждающей силы духа.

11. Возвращеніе Суворова въ Россію и кончина его.

Европа слѣдила за швейцарскимъ походомъ съ замираніемъ сердца, а когда, въ концѣ октября, были получены вѣрныя свѣдѣнія объ исходѣ похода, то ликованію русскаго общества и Государя не было конца. «Побѣждая всюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества»,—писалъ Государь,—«недоставало вамъ одного рода славы—преодолѣть и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ».

29 октября Суворову пожаловано званіе генералиссимуса, и Военной Коллегіи повелѣно вести съ нимъ переписку не указами, а сообщеніями.

Что же думалъ самъ великій вождь въ это время? Еще изъ д. Паниксъ послалъ онъ эрцг. Карлу свои предположенія о новомъ вторженіи въ Швейцарію.

Но судьба рѣшила иначе: Суворовъ принужденъ былъ ѣхать въ Россію. Всюду по пути его встрѣчали толпами, выказывая знаки удивленія, уваженія, благоговѣнія.

Но съ выѣздомъ изъ Праги [1]), у Суворова появились признаки болѣзни, отъ которой онъ скончался. Онъ плохо себя чувствовалъ еще въ Кончанскомъ. Назначеніе въ Италію подняло и духъ, и тѣло. Но въ Италіи, и особенно въ Швейцаріи здоровье опять пошатнулось. Слава послѣ войны значительно снова подбодрила, но лѣта брали свое, и въ Краковѣ, а затѣмъ въ Кобринскомъ имѣніи, Суворовъ слегъ. «Тѣло мое во гноищѣ»,— писалъ онъ.

Вѣсть о приготовленіяхъ къ великолѣпной встрѣчѣ въ Петербургѣ подѣйствовала на Суворова лучше лекарствъ. Торжественный въѣздъ въ столицу Россіи рисовался, какъ утѣшеніе за всѣ страданія. Но на дорогѣ въ Петербургъ разразился новый тяжкій ударъ,—новая внезапная немилость Государя.

20 марта, при паролѣ, отдано было Высочайшее повелѣніе: «Вопреки Высочайше изданнаго устава генералиссимусъ князь Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала, что и дается на замѣчаніе всей арміи».

Разгнѣванный Павелъ приказалъ затѣмъ отмѣнить всѣ распоряженія о встрѣчѣ Суворова, и въ родную столицу величайшій полководецъ, такъ прославившій Россію, въѣхалъ 20 апрѣля, въ 10 ч. в. тайкомъ, остановясь на Крюковомъ каналѣ, у своего родственника Хвостова. Здѣсь отъ Павла I явилось извѣщеніе не являться Государю.

Это былъ послѣдній ударъ. Суворовъ пріобщился Св. Таинъ. «Долго гонялся я за славой»,—говорилъ онъ,—«все мечта; покой души у Престола Всемогущаго». Въ агоніи Суворовъ бредилъ новыми войнами, часто упоминалъ Генуя: 6 мая, около 2 ч. д., великій витязь земли русской скончался, не будучи прощенъ Государемъ.

Похороны состоялись 12 мая съ уменьшенными почестями; народъ горько плакалъ «и только не смѣлъ рыдать», — говоритъ очевидецъ. Государь все же стоялъ на углу Невскаго и Садовой; бывшій съ нимъ ген. Зайцевъ, сподвижникъ Суворова, увидѣвъ гробъ, зарыдалъ навзрыдъ; Государь не выдержалъ и заплакалъ. Пропустивъ гробъ, Онъ вернулся во дворецъ; весь день и всю ночь былъ очень печаленъ, все время повторяя: «Жаль!»

[1]) Гдѣ Суворовъ провелъ Святки 1799—1800 г.г.

Суворовъ похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ нижней Благовѣщенской церкви, возлѣ лѣваго клироса. Надъ гробницей, по его просьбѣ, сдѣлана простая величавая надпись: «Здѣсь лежитъ Суворовъ»...

V. Суворовъ полководецъ и воспитатель.

Въ исторіи военнаго искусства Суворовъ является полководцемъ своеобразнымъ и занимаетъ мѣсто довольно уединенное. Всѣ великіе полководцы были въ то же время или неограниченные государи, какъ Александръ Македонскій, Густавъ-Адольфъ, Фридрихъ Великій, Петръ Великій, Наполеонъ,—или пользовались въ военномъ отношеніи полною властью.

Суворовъ никогда не пользовался самостоятельностью. До итальянскаго похода онъ все время былъ подчиненнымъ и самостоятельно исполнилъ только одно крупное порученіе: взялъ Измаилъ. Остальныя побѣды одержалъ онъ, или вырывая насильно себѣ самостоятельность дѣйствій, или пользуясь случаемъ, чтобы проявить ее (Фокшаны, Рымникъ, Прага). Въ итальянскую войну онъ хотя и былъ главноначальникомъ, но на дѣлѣ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ.

Кромѣ того, Суворовъ въ своей личной жизни много разъ былъ несчастливъ. Вспомнимъ хотя бы столкновеніе его съ Потемкинымъ и немилости Государя. Даже послѣ смерти Суворова изученіе его было заброшено подъ ураганомъ появленія на военномъ поприщѣ Наполеона, а позднѣйшія изслѣдованія, сухія и съ оглядкою на Западъ, не дали намъ всего полнаго образа нашего величайшаго вождя.

И, однако, Суворовъ все же признанъ великимъ полководцемъ,—за границею даже, быть можетъ, болѣе, нежели въ Россіи.

Даръ его развертывался въ самой разнообразной обстановкѣ: на равнинахъ, въ лѣсахъ и болотахъ, въ степяхъ, въ горахъ, во всякое время года, при всякихъ условіяхъ. Онъ велъ большую войну,—сраженія въ открытомъ полѣ, взятія крѣпостей, переправы черезъ рѣки, оборону морскихъ береговъ,—велъ и войну малую. За свои 40 лѣтъ боевой жизни Суворовъ руководилъ 63 сраженіями, гдѣ былъ всегда слабѣе противника (кромѣ Ады и Нови) и, несмотря на то, всегда наступалъ и не только не былъ никогда побѣжденъ, но, наоборотъ, всѣ его побѣды были самыя рѣшительныя.

Цѣль его дѣйствій была всегда важна. Не увлекаясь второстепеннымъ и особенно — мертвыми данными мѣстности, онъ старался окончить войну пораженіемъ живой силы противника. Каждый замыселъ ведетъ онъ на уничтоженіе врага въ полѣ и совершенно не придаетъ значенія сидѣнью подъ крѣпостями, которыя должны пасть сами собою съ уничтоженіемъ живой силы

врага. А если крѣпости и являлись предметомъ дѣйствій Суворова, то брались онѣ имъ быстро, мощными ударами, безъ столь излюбленнаго инженерами всѣхъ странъ и временъ сидѣнья подъ крѣпостными стѣнами.

«Брестскій корпусъ сего числа конченъ»... «Непріятельскую армію взять въ полонъ»,—вотъ замыселъ Суворова. Но если ему не удавалось «кончить» въ бою, то шло неотвязное преслѣдованіе. «Преслѣдуй денно и нощно, доколѣ истребленъ не будетъ: недорубленный лѣсъ опять выростаетъ»,—урокъ Суворова и въ стратегіи, и въ тактикѣ...

Всѣ предпріятія Суворова, вмѣстѣ съ тѣмъ, были всегда строго соображены съ общимъ положеніемъ дѣлъ на войнѣ. «Смотри на дѣло въ цѣломъ»,—училъ онъ,—и при этомъ онъ никогда не рѣшалъ задачъ за противника для обоснованія своихъ дѣйствій, какъ это велятъ намъ нѣкоторые дѣлать нынѣ, а, наоборотъ, ставилъ самъ врагу неразрѣшимыя для него задачи, и всегда самаго крупнаго значенія.

«Не лучше ли одна кампанія вмѣсто десяти»,—говорилъ онъ въ 1799 г.,—«или не лучше ли имѣть цѣль направить путь на Парижъ, нежели остроумными степенями преграждать дорогу къ своимъ вратамъ?» (т.-е. къ 4-угольнику крѣпостей: Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго).

Такой взглядъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что даже одинъ изъ лучшихъ представителей тогдашняго военнаго дѣла, — эрцг. Карлъ, держался «стратегіи мѣстности», прочіе же прямо вязли въ разнаго рода ложнометодическихъ измышленіяхъ.

Однако, Суворовъ при этомъ самъ далеко не пренебрегаетъ мѣстностью. Въ одномъ изъ главныхъ своихъ завѣтовъ намъ онъ указываетъ: «Умѣй пользоваться мѣстностью»,—и самъ пользуется ею несравнимо, но лишь какъ пособникомъ въ достиженіи своей главной цѣли—уничтоженія силы сопротивленія врага ударомъ въ наиболѣе больное его мѣсто.

Но для правильной постановки цѣли нужно знать общую обстановку. Суворовъ и достигалъ этого знанія помощью замѣчательнаго своего глазомѣра. Изъ сбивчивыхъ, иногда противорѣчивыхъ примѣтъ Суворовъ умѣлъ вычитывать истинное положеніе вещей, и тогда рѣшеніе вопроса о цѣли являлось само собою. Это онъ называлъ: «вѣрный взглядъ военный».

Не менѣе искусно выбиралъ Суворовъ и направленіе для достиженія цѣли—операціонную линію.

Выигрышъ во времени, въ связи съ выборомъ кратчайшаго операціоннаго направленія, онъ считаетъ весьма важнымъ.

Вотъ какъ онъ скорбитъ по случаю остановки подъ Брестомъ въ 1794 году:

«Время драгоцѣннѣе всего. Юлій Цезарь побѣждалъ поспѣшностью. Я терплю до двухъ сутокъ для провіанта, запасаясь имъ знатно на всякій случай. Поспѣшать мнѣ надлежитъ къ сторонѣ Бреста, ежели между тѣмъ мятежники не разбиты, но не для магазейнъ-вахтерства (какъ прежде кондукторство); есть младшіе,... или оставить все. Тамъ мнѣ прибавить войска, итти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы къ Варшавѣ».

«Тако, сіятельный графъ, близъ трехъ недѣль я недвижимъ, и можно здѣсь сказать, что Магербалъ Ганнибалу — ты умѣешь побѣждать, но не пользоваться побѣдой. Канна и Брестъ подобіе имѣютъ; время упущено, приближаются винтеръ-квартиры».

Многіе, не имѣя данныхъ, говорили, что Суворовъ «дикій самородокъ», склонный только къ лобовымъ ударамъ. Между тѣмъ, онъ былъ въ высшей степени гибокъ въ своемъ творчествѣ и дѣйствовалъ всегда сообразно съ обстановкой. Такъ: въ 1794 г. при движеніи къ Бресту, Суворовъ выбираетъ кружный путь, въ 1799 г. въ походѣ въ Швейцарію — кратчайшій на С.-Готардъ. Наконецъ, въ 1799 г. онъ двигается противъ Макдональда, хотя и болѣе удаленнаго, чѣмъ Моро, но зато болѣе опаснаго,—и по наиболѣе прямому пути.

Самое выполненіе своихъ замысловъ Суворовъ производитъ съ необыкновенной быстротой и нечеловѣческой силой воли. «На войнѣ деньги дороги, жизнь человѣческая еще дороже, а время дороже всего»,—учитъ онъ и такъ дѣйствуетъ всегда самъ.

Никакія препятствія его остановить не могли, пока общая обстановка не мѣнялась. «Имѣй цѣль опредѣленную»,—говорилъ онъ... Но, отличаясь неимовѣрной рѣшительностью, иногда дерзостью, Суворовъ былъ остороженъ въ лучшемъ значеніи слова. Онъ никогда не пускался въ предпріятіе, не обезпечивъ его со всѣхъ сторонъ, и никогда не были они у него на вѣсу. Для обезпеченія операціи, онъ порою жертвовалъ даже самымъ драгоцѣннымъ на войнѣ—временемъ.

5-го октября 1794 г. онъ доноситъ Румянцеву:

«Къ сожалѣнію, вмѣсто прямой дороги на Венгровъ, я долженъ взять кружный маршъ на Бѣльскъ, для боя съ Макрановскимъ, чтобы не дать ему моего крыла, обезпечить Брестъ и очистить Литву».

Слѣдовательно, онъ двинулся кружнымъ путемъ для обезпеченія своей операціонной линіи. Наоборотъ, передъ походомъ въ Швейцарію въ 1799 г., онъ, стараясь внезапно разбить французовъ, выбираетъ кратчайшее операціонное направленіе, о чемъ и пишетъ Готце, приглашенному къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ:

«Истинное правило военнаго искусства—прямо напасть на противника, съ самой чувствительной для него стороны, а не сходиться, робко пробираясь окольными дорогами, черезъ что самая атака

дѣлается многосложною, тогда какъ дѣло можетъ быть рѣшено только прямымъ смѣлымъ наступленіемъ». Короче, дѣйствія Суворова—это высшее соединеніе рѣшительности и осторожности.

На пути къ своимъ мощнымъ замысламъ, Суворовъ преслѣдовалъ едино- и полновластіе, какъ основу военныхъ дѣйствій, высоко цѣня значеніе вождя. «Присутствіе опытнаго и дѣльнаго полководца стоитъ болѣе цѣлой арміи» и «Полная мочь довѣренному главнокомандующему»,—говорилъ онъ, и ниже будетъ видно, какъ онъ это понималъ. Но, переходя къ самому вѣнцу своихъ дѣяній, къ ихъ рѣшенію, Суворовъ признавалъ и военные совѣты. Однако, какъ и другіе наши великіе вожди, онъ не искалъ отъ подчиненныхъ этого рѣшенія, а самъ вливалъ въ ихъ души свою желѣзную волю.

При всемъ изложенномъ, Суворовъ ясно устанавливаетъ разницу между замысломъ войны, похода и дѣйствій, и никогда онъ не былъ во власти предвзятости. Такъ, предполагая въ іюлѣ 1799 г. вторгнуться въ Генуезскую Ривьеру, чтобы покончить съ Моро, при чемъ главныя силы полагалось двинуть черезъ Тендскій проходъ, онъ пишетъ:

«Многія обстоятельства еще могутъ измѣниться, такъ что теперь слишкомъ было бы преждевременно начертать планъ для нападенія черезъ Тендскій проходъ, или сдѣлать распредѣленіе войскъ»...

Слѣдовательно, «планъ дѣйствій» будетъ составленъ послѣ, а замыселъ для похода готовъ. Вообще «будущія дѣйствія» Суворовъ опредѣлялъ впередъ «на сутки или на двое»,—а что совѣтуютъ передовые тактики теперь?...

Шателеръ говорилъ: «Обширные планы его п-ва г-на фельдмаршала, которые я, конечно, раздѣляю, онъ примѣняетъ сообразно обстановкѣ и мѣстности. Эти планы кажутся сумасшедшими и баснями тѣмъ ограниченнымъ геніямъ, благодаря которымъ мы потеряли Савойю и Италію»...

Рѣшительный, могучій, проникающій всегда духовнымъ окомъ въ обстановку и смѣлый, Суворовъ не могъ не придавать значенія развѣдкѣ и производилъ ее всѣми способами, но онъ былъ, конечно, врагъ злоупотребленія «рекогносцировками» и «демонстраціями»,—предпринимаемыми, какъ говорилъ Наполеонъ: «когда полководецъ ни на что не рѣшается».

Въ 1799 г. на предложеніе Шателера, произвести «рекогносцировку», Суворовъ съ досадою отвѣчалъ: «Рекогносцировки—не хочу; онѣ годны только для трусовъ, чтобы предостеречь противника; а кто захочетъ, тотъ и безъ нихъ всегда отыщетъ непріятеля... Колонны, штыки, холодное оружіе, атаки, ударъ... вотъ мои рекогносцировки». Т.-е. моя усиленная развѣдка есть завязка боя—и не что иное...

Увѣренный въ побѣдѣ, Суворовъ, однако, всегда оглядывался назадъ и принималъ мѣры на случай неудачи, и даже въ случаѣ нея положеніе его не могло быть тяжелымъ (Требія).

Суворовъ всегда старался собрать возможно больше силъ и держать ихъ сосредоточенно.

Именно наиболѣе важною заслугою Суворова, выдвигающею его внѣ соперничества изъ ряда другихъ полководцевъ, и слѣдуетъ признать установленіе имъ правильнаго соотношенія между положительною дѣятельностью войскъ (борьбою съ противникомъ) и расходомъ ихъ въ тылу.

Съ необычайной его простотою,—какъ всегда кратко и ясно,—Суворовъ говоритъ: «Идешь бить непріятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникаціи. Побѣдивши, обновляй по обстоятельствамъ, *но гони его до сокрушенія*. Коли же быть перепатетикомъ, то лучше не быть солдатомъ»,—т.-е. Суворовъ сосредоточиваетъ войска для рѣшительныхъ дѣйствій, рискуя даже сообщеніями...

«Побѣда все покрываетъ»,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ...

Такъ,—ни до него, ни послѣ него,—еще никто не смотрѣлъ на этотъ страшный вопросъ. Самъ Наполеонъ считаетъ, что 2/3 силъ на рѣшающемъ участкѣ—уже предпріятіе, превосходно соображенное.

Передъ походомъ въ Швейцарію, отъ 25 августа 1799 г., генераламъ Готце, Линкену и Римскому-Корсакову написано: «Для общаго нападенія считаю нужнымъ напомнить о необходимой во всѣхъ случаяхъ предосторожности держать по возможности всѣ силы свои въ совокупности, дабы безполезнымъ раздробленіемъ не сдѣлать самую атаку безуспѣшною. Затѣмъ должно разузнавать вѣрнѣе стоящаго предъ собою непріятеля и настоящую силу его. Мы должны о первыхъ своихъ шагахъ подробно извѣщать другъ друга черезъ ежедневныхъ курьеровъ». Какъ это все свѣжо, и въ особенности конецъ, для дѣйствій въ горахъ!.. «Сія сова не съ ума ли сошла, или его никогда не имѣла»,—пишетъ онъ про Тугута, рѣшившаго вывести австрійцевъ изъ Швейцаріи вмѣсто соединенія съ Суворовымъ...

Всякая разброска силъ, особенно тогдашній излюбленный кордонъ, были особенно противны Суворову. «Дефенсивъ—офенсивъ... По первому славенъ Лассіевъ кордонъ отъ Тріеста до Хотина. Сей прорывали варвары по ихъ волѣ; въ немъ много хранительныхъ пунктовъ; слабѣйшіе больше къ пользѣ непріятельской, чего ради меньше его силы, ударяя въ одинъ, преопобѣждаетъ. Такъ дѣлалъ здѣсь Бонапарте, такъ погибли Болье и Альвинчи... Мнѣ повороту нѣтъ,—или также погибнуть...»,—говорилъ онъ въ одномъ мѣстѣ.

А въ другомъ:

«Кордонная линія всегда можетъ быть опрокинута, непріятель по своему произволу устремляетъ силы на одинъ постъ, между тѣмъ какъ обороняющійся, оставаясь еще въ неизвѣстности, имѣетъ свои силы разсѣянными»...

Если же Суворовъ и приходилъ на поле сраженія съ силами меньшими, чѣмъ у противника, то это было помимо его воли. Однако, и въ этомъ случаѣ онъ быстротой достигалъ внезапности появленія передъ противникомъ и всегда его побѣждалъ.

«Воюютъ не числомъ, а умѣньемъ»; и: «Быстрота и внезапность замѣняютъ число, натиски и удары рѣшаютъ битву», — учитъ онъ насъ.

«Удивить—побѣдить»,—добавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— и: «Кто напуганъ, тотъ наполовину побитъ»... Наконецъ: «Штыки, быстрота, внезапность... Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ, — а ты, удвоивъ шагъ богатырскій, нагрянь быстро, внезапно. Непріятель не ждетъ: поетъ и веселится; а ты изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ, черезъ топи и болота пади на него, какъ снѣгъ на голову. Ура, бей, коли, непріятель вполовину побѣжденъ, не давай ему опомниться. Гони, доканчивай, побѣда наша: у страха глаза велики».

Гдѣ найдемъ мы лучшее истолкованіе внезапности, этого лучшаго же залога побѣдъ, обоснованнаго на скрытности (изъза горъ, лѣсовъ, черезъ топи, какъ снѣгъ на голову)... и быстротѣ (удвоивъ шагъ богатырскій, нагрянь быстро...), какъ и во всѣхъ высочайшихъ образцахъ военнаго искусства?!.

Суворовъ никогда не уступалъ почина дѣйствій противнику и всегда господствовалъ надъ его волей. Всѣ дѣла его ведены имъ, какъ по нотамъ. Всегда и всюду онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, а непріятель шелъ всегда по его волѣ... Даже въ то роковое мгновеніе подъ Требіей, когда сами «чудо-богатыри» частью дрогнули и бѣжали, онъ сумѣлъ повернуть это въ военную хитрость («заманивай»), и врагъ былъ разбитъ... Даже въ Швейцаріи изъ безвыходнаго, казалось бы, положенія онъ вышелъ наступательными боями, обманувъ всѣ расчеты врага,—а подъ Кинбурномъ прямо указалъ про турокъ: «Пускай всѣ вылѣзаютъ».

Необыкновенно твердый и настойчивый, онъ не признавалъ возможности отказаться отъ своего замысла. «Что вы скажете про человѣка, который уложитъ всѣхъ до послѣдняго, ляжетъ самъ, но не дастъ приказа отступать»,—говорилъ Моро... Наоборотъ, чѣмъ больше росло трудностей, тѣмъ горячѣе было стремленіе ихъ преодолѣть у Суворова... И вотъ, мы видимъ, какъ, весь израненный, еле живой и, казалось бы, исчерпавшій всѣ силы войскъ, онъ подъ Кинбурномъ: «въ третій разъ обновилъ сраженіе—побѣда совершенная». Гдѣ она, эта чудная сила воли, у насъ теперь?

«Атакуй, съ чѣмъ Богъ послалъ»,—видимъ другое его безсмертное дѣяніе. Третье: «Жаль, что не всѣ 100 тыс. здѣсь — было бы легче покончить съ ними однимъ разомъ» и т. д. до безконечности.

Если же противникъ хотѣлъ овладѣть починомъ (Макдональдъ, Жуберъ), то Суворовъ предупреждалъ его и жестоко билъ. Вся стратегія его была наступательная, и никогда онъ не велъ войны оборонительной. Иногда въ частныхъ случаяхъ ему приходилось обороняться (Кинбурнъ, Гирсово), но и тогда онъ переходилъ въ наступленіе по строгому расчету....

«Оборонительная война нехороша», говорилъ онъ князю Ауерспергу, встрѣтившись съ нимъ на балу во дворцѣ передъ отъѣздомъ въ Вѣну:—«наступательная лучше. Французы на ногахъ, а вы на боку, они бьютъ, а вы заряжаете. Взводи курокъ, прикладывайся, а они ринфрески (по-итальянски прохладительное)—пропорція три противъ одного. Пойдите за мной, и я вамъ докажу».

Будучи сторонникомъ смѣлости, рѣшительныхъ сраженій, Суворовъ даже вышучивалъ всѣ слова, отвѣчающія инстинкту самосохраненія, какъ опасность, поддержка (по-тогдашнему «сикурсъ»), резервъ и т. п.

«Сикурсъ, опасность и прочія вообразительныя въ мнѣніяхъ слова служатъ бабамъ, которыя боятся съ печи слѣзть, чтобы ногъ не переломить, а лѣнивымъ, роскошнымъ и тупозрячимъ для подлой обороны, которая по концѣ худая ли, добрая ли, разсказчиками также храброю называется».

Объ отступленіи Суворовъ слушать не хотѣлъ: слово «ретирада» произносилъ онъ нараспѣвъ, а о défensif онъ говорилъ, что на русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго слова нѣтъ.

Давая для обученія войска наступные плутонги, онъ прибавлялъ: «хотя и отступные, только съ толкованіемъ, что то не для отступленія, но только для пріученія ногъ къ исправнымъ движеніямъ».

Въ Италіи онъ даетъ Багратіону порученіе: «вы таинство побіенія непріятеля холоднымъ оружіемъ Белгардовымъ войскамъ откроете, и ихъ къ сей побѣдительной атакѣ прилежно направите; а отъ ретирадъ—отучите».

Но это вовсе не значитъ, чтобы Суворовъ отрицалъ совершенное отступленіе, какъ пріемъ дѣйствій на войнѣ. Разъ завязался бой, онъ не допускалъ мысли о неудачѣ,—и, по его словамъ: «Проигранное сраженіе—это такое, которое считаютъ проиграннымъ». Но, напр., передъ Нови, подъ Александріей и т. д. онъ прямо указываетъ, отходя, выманивать врага, а Бельгарду, идя на Макдональда, для дѣйствій противъ Моро даетъ указаніе: «Передъ превосходными силами отступаютъ». Наконецъ, Краю онъ пишетъ: «Нѣтъ стыда уступить постъ превосходному въ числѣ непріятелю».

Понимая бой, какъ конечное и грозное средство войны, онъ стремился всегда довести его до самаго рѣшительнаго исхода и побѣду старался закончить жестокимъ преслѣдованіемъ.

«Побѣдивши, обновляй по обстоятельствамъ, но гони его до сокрушенія». «Преслѣдуй денно и нощно, пока истребленъ не будетъ»,—вотъ наставленія Суворова; ибо «Недорубленный лѣсъ опять вырастаетъ»...

Еще одно выраженіе: «Бѣгущаго непріятеля истребляетъ одно преслѣдованіе».

«Будучи побѣдителемъ, мы остановились, засѣли въ унтеркунфтъ, въ унбештимтгезагтъ. Вы должны были, разбивъ непріятеля, преслѣдовать его; въ подобномъ случаѣ можно и съ малымъ отрядомъ отрѣзать противника»,—укоряетъ онъ Бельгарда...

А вѣдь тогда не придавали преслѣдованію особаго значенія и предпочитали строить противнику т. н. «золотой мостъ», давая свободно уйти съ поля сраженія.

Для ночныхъ дѣйствій, которыя якобы «выдвинула впервые русско-японская война», Суворовъ всей своей жизнью доказалъ, что: «Ночное пораженіе противниковъ доказываетъ искусство вождя пользоваться побѣдою не для блистанія, но для постоянства. Плодовитостью реляцій можно упражняться послѣ».

Всегда увѣренный въ побѣдѣ, Суворовъ, однако, училъ смотрѣть на военное дѣло, не какъ на шутку:

«Никогда не презирайте вашего непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ, и хорошо узнавайте его оружіе, образъ дѣйствовать имъ и сражаться, его силы и слабости». И, наконецъ, вѣнецъ всего: «Въ бою надо стремиться къ единой главной точкѣ и забывать о ретирадѣ. Быстрота и внезапность замѣняютъ число. Натиски и удары рѣшаютъ битву».

Много ли мы можемъ къ этому прибавить, даже когда между нами и Суворовымъ цѣлое столѣтіе съ войнами великаго Наполеона!..

Горячій поклонникъ разумной свободы дѣйствій, онъ мятется душой, когда Вѣнскій Дворъ требуетъ, чтобы Суворовъ ничего не предпринималъ важнаго, не испросивъ предварительно разрѣшенія изъ Вѣны. Вотъ какъ писалъ объ этомъ Суворовъ гр. Разумовскому:

«Его Римское Императорское Величество желаетъ, чтобы если мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются. По сему дѣлу для нихъ нѣтъ никакого вѣрнаго плана. Я ниже мечталъ быть на Тидонѣ и Требіи по слѣдамъ Ганнибала, ниже въ Туринѣ, какъ одинъ случай далъ намъ пользоваться тамошними сокровищами, ниже въ самомъ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кассано ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные

висящіе власы. Летъ ея молніинъ; не схвати за власы—уже она не возвратится».

Въ другомъ же письмѣ, отъ 1 іюля, онъ пишетъ:

«Я въ Миланѣ—получаю изъ Вѣны отвѣты о моемъ пріѣздѣ въ Верону; я только что въ Туринъ перешелъ—пишутъ мнѣ о Миланѣ»... А дальше читаемъ у него:

«Въ Вѣнѣ любятъ только посредственность; а талантъ не охотникъ до узды». «Изъ четырехъ угловъ за тысячу верстъ отнюдь въ мои операціи не входить».

Ясно, что Суворовъ, при такомъ отношеніи къ вопросу воли на войнѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ обосновалъ свои успѣхи на починѣ своихъ подчиненныхъ.

«Способность видна лишь изъ дѣйствія»,—говорилъ Суворовъ, и отсюда то огромное значеніе для насъ его указаній по этому вопросу, который и теперь такъ туго еще прививается у насъ. Такъ, въ польскую войну онъ требовалъ отъ подчиненныхъ начальниковъ, находящихся въ отдѣлѣ: «Спрашиваться старшихъ накрѣпко запрещаю; но каждому постовому командиру въ его окружности дѣлать мятежникамъ самому собою скорый и крѣпкій ударъ, подъ взысканіемъ за малую дѣятельность».

Подъ Туртукаемъ дважды указывалось, что всѣ — должны дѣйствовать самостоятельно, и главное—прямо бросаться на врага. То же—подъ Измаиломъ.

Но лучше всего указывалъ онъ, какъ уже приводилось, Розенбергу въ Италіи:

«Мѣстный въ его близости по обстоятельствамъ лучше судитъ; онъ проникаетъ въ ежечасныя перемѣны теченія ихъ и потому направляетъ свои поступки по воинскимъ правиламъ».

«Я вправо, должно влѣво—меня не слушать».

«Я велѣлъ впередъ, ты видишь—не иди впередъ».

Но частный починъ покоится на ясномъ сознаніи каждымъ своей цѣли. Только тогда каждый смѣло можетъ итти впередъ, не оглядываясь робко назадъ...

И вотъ эти основные взгляды Суворова:

«Планъ операціонный въ главную армію, въ корпусъ, въ колонну. Ясное распредѣленіе полковъ. Вездѣ расчетъ времени. Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ безъ большихъ титуловъ: будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое. Не довольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые.

Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ».

«Вмѣстѣ съ планомъ долженъ быть приложенъ небольшой чертежъ, на которомъ нѣтъ нужды назначать множество деревушекъ, а только главныя и ближайшія мѣста, въ той мѣрѣ, сколько можетъ быть нужно для простого воина; при томъ нужно дать нѣкотораго рода понятія о возвышеніяхъ (горахъ)» (т.-е. вопросъ наблюденія)»... Пусть намъ укажутъ что-нибудь лучше теперь.

Широкій умъ Суворова охватывалъ, однако, не одну лишь войну, какъ войну.

Политика у него, подобно Наполеону, Фридриху и др. полководцамъ, входитъ въ его соображенія, какъ одинъ изъ важныхъ устоевъ военнаго успѣха.

Умиротвореніе Польши послѣ Праги въ 1794 г., предположенія о возстановленіи Пьемонтской арміи и Тосканскихъ ополченій, съ цѣлью освободить дѣйствующія силы отъ заботъ по обезпеченію тыла въ 1799 г., превосходно обрисовываютъ Суворова и съ этой стороны, не говоря уже о Кубани и особенно Крымѣ, гдѣ все сдѣлано имъ однимъ, о замыслѣ итти на Парижъ въ 1798/99 гг. и пр.

Но при всей властной суровости своихъ дѣйствій, Суворовъ не любилъ безтолковаго пролитія крови.

«Мудрый Бельгардъ»,—говорилъ онъ,—«между прочимъ привыкъ терять людей: въ началѣ кампаніи онъ доставилъ непріятелю въ Тиролѣ черезъ Лаудона съ лишкомъ 10.000 человѣкъ: нынѣ, въ нуждѣ моей, онъ съ ранеными проигралъ съ лишкомъ 2000 человѣкъ»... «Для короны—размѣнъ есть; для нихъ—не ихъ люди; чего же жалѣть»... «Бештимтзагеры убавили у меня изъ-подъ ружья въ три раза почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоили Тидона, Требія и Нура».

Люди, не понимавшіе Суворова, говорили, что ему только везло счастіе.

«Одинъ разъ счастье, другой разъ счастье, помилуй Богъ. Когда-нибудь, да и умѣнье»,—справедливо говорилъ Суворовъ.

Доходили до него слухи, что австрійцы иначе объ его успѣхахъ и не думаютъ. Въ одномъ изъ рескриптовъ къ Суворову даже австрійскій императоръ выразилъ надежду, что, при всегдашнемъ его счастьи, есть надежда скоро достигнуть желаемаго.

Это, наконецъ, взбѣсило стараго фельдмаршала, и онъ въ письмѣ къ Разумовскому (отъ 25 іюня) пишетъ:

«Щастіе, говорилъ Римскій Императоръ... Ослиная въ арміи голова тоже говорила мнѣ—слѣпое счастіе»...

Да, скажемъ мы: «Онъ былъ счастливъ, но потому, что повелѣвалъ счастьемъ»...

Мы видѣли, какой путь избралъ Суворовъ для этого. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка. Потемкинъ только тогда убѣдился въ обширномъ и глубокомъ умѣ Суворова, когда однажды Императрица доставила ему возможность, спрятавшись, послушать разговоръ Суворова по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Правда, по внѣшности Суворовъ вышучивалъ современную ему науку; называлъ военныхъ ученыхъ его времени «бѣдными академиками». Но онъ былъ про нихъ правъ,—а въ то же время онъ придавалъ настоящей, живой военной наукѣ, основанной на изученіи дѣяній великихъ полководцевъ,—огромное значеніе.

«Генералу необходимо»,—говорилъ онъ,—«непрерывное образованіе себя науками, съ помощью чтенія. Ему нужно мужество, офицеру—храбрость, солдату—бодрость».

«Всякая война различна; здѣсь масса въ одномъ мѣстѣ, а тамъ громъ. Безпрерывное изученіе взгляда сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ. Никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть не можно. Умѣй пользоваться мѣстностью, управляй счастіемъ: мгновеніе даетъ побѣду. Властвуй счастіемъ быстротою Цезаря, столь хорошо умѣвшаго захватывать внезапно враговъ, даже днемъ, обращать ихъ, куда ему угодно, и побѣждать когда угодно. Пріучайся къ неутомимой дѣятельности. Будь терпѣливъ въ военныхъ трудахъ и не унывай при неудачѣ. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную; умѣй предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя, но не увлекайся мѣстною горячностью».

«Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ, поровняйся, обгони—слава тебѣ. Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами, Богъ передъ нами. Я съ вами—ура. Орлы россійскіе облетѣли орловъ римскихъ».

Однажды, желая знать мнѣніе Суворова о лучшихъ военныхъ сочиненіяхъ и выдающихся полководцахъ, графъ Растопчинъ назвалъ нѣсколькихъ. При каждомъ наименованіи Суворовъ крестился, наконецъ сказалъ на ухо: «Юлій Цесарь, Ганнибалъ, Бонапарте, домашній лечебникъ, пригожая повариха». Здѣсь особенно поразительно то, что онъ поставилъ Бонапарте на ряду съ Ганнибаломъ и Юліемъ Цезаремъ, послѣ перваго же похода 1796—97 года. Это показываетъ, насколько было велико чутье этого человѣка. А между тѣмъ Наполеонъ признавалъ въ Суворовѣ только душу великаго полководца, но отрицалъ его умъ...

И вотъ, на этой-то почвѣ непостижима порою для непосвященныхъ глубина мышленія Суворова. Между тѣмъ, у него все такъ просто и, уважая душою военную науку, онъ не вязнетъ

въ дебряхъ ея и 150 лѣтъ тому назадъ проповѣдуетъ то, къ чему мы подходимъ, да еще не вполнѣ рѣшительно, только теперь. У него нѣтъ особыхъ стратегіи и тактики. У него одна только великая, всеобъемлющая наука—«Наука побѣждать»... И въ самомъ дѣлѣ, къ чему же должны мы стремиться всегда и во всемъ, какъ не къ побѣдѣ надъ врагомъ. Но разъ «правильно называть есть правильно понимать»,—то кто же болѣе Суворова достоинъ быть отцомъ и этой первѣйшей и важнѣйшей мысли о единствѣ военной науки на почвѣ главенства побѣды, главенства боя надъ всѣмъ остальнымъ на войнѣ,—и кто когда-либо схватилъ лучше него природу и сущность войны, которая живетъ и дышетъ побѣдой, самого Суворова именно никогда и не оставлявшей?! Недаромъ же онъ говорилъ: «Смотри на дѣло въ цѣломъ»...

Но что же тогда лучше всего обезпечитъ намъ всегда эту великую цѣль—успѣхъ во всемъ на войнѣ. «Глазомѣръ, быстрота, натискъ»,—вотъ, по мнѣнію Суворова, три главнѣйшія основанія побѣды. Т.-е. надо умѣть цѣнить обстановку (развѣдка), быстро принимать рѣшеніе и, сблизясь съ врагомъ (быстрота), увѣнчать наши дѣйствія рѣшительностью, т.-е. натискомъ, не выжидая удара со стороны противника.

А вотъ и другое разительное доказательство Суворовскаго «взгляда на дѣло въ цѣломъ».

Какъ долго считали мы, а инженеры упорствуютъ и до сихъ поръ, что дѣйствія противъ крѣпостей—это особая «крѣпостная война», съ ея «особыми принципами». «Баталія на окопы на основаніяхъ полевой»,—учитъ Суворовъ. Онъ даже не признаетъ въ обученіи войскъ слова «крѣпость», какъ чего-то неодолимаго,—а мы считаемъ нынѣ, что нѣмцы открыли намъ эту истину, и не хотимъ знать своего...

Таковъ Суворовъ-стратегъ, Суворовъ-начертатель высшаго отдѣла «Науки побѣждать».

Что касается Суворова-тактика, т.-е. его дѣятельности на полѣ сраженія и на пути къ нему, то въ этомъ отношеніи онъ еще болѣе непревосходимъ.

Да оно и понятно, разъ дѣло это обосновано у него на глубокомъ уваженіи къ военной исторіи: «Тактика безъ исторіи потемки»,—говорилъ онъ.

Въ бою онъ всегда умѣлъ схватить истинную обстановку, быстро оцѣнить положеніе противника и свое; искусно пользовался онъ чужими ошибками, не давалъ врагу пользоваться его выгодами. Тактическій глазомѣръ Суворова никогда не давалъ отказа, и если обстановка не выяснялась до боя, то Суворовъ раскрывалъ ее самимъ боемъ (Нови).

Для удара онъ выбиралъ наиболѣе важную точку непріятельскаго расположенія и тоже вовсе не велъ здѣсь однихъ равно-

мѣрныхъ лобовыхъ ударовъ. «Въ бою надо стремиться къ единой главной точкѣ и забывать о ретирадѣ»,—училъ онъ... «Въ баталіи полевой три атаки: первая на крыло, которое послабѣе... въ середину нехорошо, самого сожмутъ... Атака въ тылъ всѣми силами хороша только для малаго корпуса»,—учитъ онъ. Что измѣнилось здѣсь? И знаменитыя нѣмецкія «окрыленія» и «резиновая лента при прорывѣ врага»—развѣ взяты не отсюда?...

Но разнообразіе пріемовъ покоится прежде всего на пониманіи мѣстности. Суворовъ и говорилъ: «Умѣй пользоваться мѣстностью»,—и пользовался ею самъ неподражаемо,—вспомнимъ его пріемы вездѣ, и особенно въ Италіи (Требія) и Швейцаріи (болѣе всего — въ послѣдней). Недаромъ онъ говорилъ, что: «Гдѣ пройдетъ олень, тамъ пройдетъ солдатъ, а гдѣ пройдетъ солдатъ, тамъ пройдетъ цѣлое войско»...

Управленіе боемъ оставалось всегда въ рукахъ Суворова. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ поля сраженія и, въ зависимости отъ обстановки, давалъ дѣлу тотъ или другой оборотъ (Рымникъ, Козлуджа, Требія, Мутенъ, Гларисъ).

Французъ Дебокажъ говоритъ: «Когда онъ являлся передъ противникомъ, все уже имъ было предвидѣно заранѣе. Но если какой-нибудь случай или мѣстныя обстоятельства требовали перемѣны, онъ дѣлалъ ее съ такою быстротою, что никто не могъ замѣтить, есть ли эта перемѣна самопроизвольное творчество даннаго мгновенія, или исполненіе первоначальнаго рѣшенія».

Веденіе войскъ къ побѣдѣ у Суворова было просто. Письменныя диспозиціи отдавались имъ только тогда, когда обстановка не допускала сомнѣній въ своей неизмѣнности, т.-е. только передъ самымъ исполненіемъ. Чаще распоряженія дѣлались простыми записками за подписью или самого Суворова, или довѣреннаго лица,—путь, къ которому мы теперь пришли, но тоже отъ нѣмцевъ. Чаще же всего Суворовъ отдавалъ,—примѣняя тоже для насъ нынѣ якобы нѣмецкій способъ, «личнаго общенія»,—распоряженія прямо на словахъ, собирая у себя подчиненныхъ обыкновенно «къ обѣду», т.-е. около 7 ч. у. Но это вовсе не исключало основныхъ распоряженій на письмѣ, и одно дополняло другое, какъ уже приведено выше, про «планъ операціонный».

Отличаясь всегда точностью и обстоятельностью въ отдаваемыхъ распоряженіяхъ, Суворовъ и подчиненныхъ училъ тому же,—какъ это тоже уже указывалось выше.

Но, осуждая излишнюю скрытность, Суворовъ вовсе не опровергалъ необходимости тайны. Наоборотъ, онъ высоко ее цѣнилъ, и всѣ мѣры скрытности всегда были приняты,—напр., въ нужныхъ случаяхъ войска стояли укрыто, подходъ подкрѣпленій скрывался, выступленіе съ ночлега назначалось «по пѣтуху», и пѣтухомъ пѣлъ самъ великій старецъ, хлопая попутно въ ла-

доши,—пѣлъ именно тогда, когда ему нужно было поднять къ побѣдѣ своихъ чудо-богатырей, не выдавая тайны своего выступленія.

Какъ всѣ великіе вожди, Суворовъ дрался всегда всѣми родами войскъ, которые дѣйствовали у него необычайно дружно и на началахъ взаимной выручки.

Каждый родъ войскъ при этомъ Суворовъ примѣнялъ въ зависимости отъ обстановки, а не отъ однѣхъ прописныхъ истинъ объ «основныхъ свойствахъ». Въ Фокшанскомъ и Рымникскомъ сраженіяхъ у него конница идетъ брать окопы, въ сраженіи у Кобылки она блистательно дѣйствуетъ въ пѣшемъ строю, на Требіи успѣхъ даютъ налеты казаковъ, а подъ Измаиломъ и въ Альпахъ казаки дерутся пѣшіе пиками. Наконецъ, во время войны съ конфедератами, Суворовъ сажаетъ пѣхоту на повозки и двигается со скоростью 60 в. въ сутки. Конная артиллерія у него «скачетъ, какъ сама хочетъ»,—но пѣшая строго работаетъ на свою пѣхоту, бокъ-о-бокъ съ нею, и т. д. Далѣе, напр., онъ глубоко чтилъ казаковъ, какъ силу нашу самобытную и своеобразную, и взялъ ихъ въ Италію по строгому своему расчету удивить врага, а, значитъ, и побѣдить этимъ средствомъ...

Недосягаемые образцы далъ Суворовъ своими походными движеніями. «Суворовскіе переходы» извѣстны всему міру. Основывая свои успѣхи на неожиданности появленія передъ противникомъ, онъ доводилъ быстроту передвиженій до поразительныхъ размѣровъ и появлялся на полѣ сраженія, какъ снѣгъ на голову.

Теперь принято считать, что можно дѣлать по одной дорогѣ корпусу въ сутки 15—много 20 в. безъ особаго утомленія. Если движеніе производится долго, то въ недѣлю даются войскамъ двѣ дневки, и можно пройти 100 — 125 в. И вотъ, съ нашей точки зрѣнія, всѣ «походныя движенія» Суворова являются «форсированными», ибо его обычный переходъ 28 — 30 в., а на Требію онъ сдѣлалъ въ 36 ч. 80 в. Но, несмотря на то, что Суворовскія войска ходили очень быстро, они, въ общемъ, мало утомлялись и мало имѣли отсталыхъ. Это достигалось искуснымъ распредѣленіемъ движенія, строгимъ порядкомъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ на войска.

Въ болѣе широкіе строи переходили только по сближеніи съ врагомъ, походомъ шли по 4, пробѣгая головами тѣснины, чтобы не задержать хвоста,—и вообще: «Голова хвоста не ждетъ, и солдатъ не объѣдается», а также: «Пища поддерживаетъ силы человѣка. Въ случаяхъ особенныхъ надо довольствоваться малымъ». Дневной переходъ Суворовъ раздѣлялъ какъ бы на нѣсколько малыхъ, отдаляя ихъ между собою часовымъ, а въ серединѣ движенія 3—4-часовымъ отдыхомъ...

Изъ его «Науки побѣждать» видно, что послѣ первыхъ 10 в. назначался привалъ въ 1 ч., затѣмъ послѣ вторыхъ 10 в.—варка

11*

пищи и отдыхъ 3 — 4 ч., затѣмъ остальная часть перехода — и ночлегъ. Такимъ образомъ, люди отдыхали часто и всегда были бодры. Конница шла: «Своимъ походомъ впередъ, отдыхаетъ мало и свыше десятка, чтобы дать конямъ въ лагерѣ выстояться»,—и «Кавалерія сама снабжаетъ фуражемъ», — а полевая артиллерія: «Отъ $^1/_2$ до 1 в. впереди, чтобы спускамъ и подъемамъ не мѣшала».

На походѣ Суворовъ требовалъ безусловнаго порядка. Отбившихся изъ строя, покидавшихъ ряды подъ разными предлогами онъ жестоко наказывалъ и взыскивалъ за нихъ съ начальниковъ. Офицеры всегда шли на своихъ мѣстахъ, къ сторонѣ противника. По выстрѣламъ всѣ они бросались впередъ, къ слѣдующему начальнику по степени его за приказаніями и разъясненіемъ обстановки, — тоже теперь «нѣмецкій пріемъ»... Во все время передніе взводы не ждали заднихъ и, приходя къ мѣсту привала или ночлега, немедленно снимали снаряженіе и располагались на отдыхъ. Ночлеги были глубокіе на походѣ, широкіе передъ боемъ...

При быстротѣ Суворовскихъ движеній, большинство сраженій выиграно именно благодаря неожиданности появленія передъ противникомъ. Но одной быстроты подхода къ противнику мало, надо умѣть съ похода вступить въ бой: это и есть основа современнаго обученія германцевъ и японцевъ, тотъ встрѣчный бой, т.-е. бой одновременно съ подходомъ къ полю сраженія и развертываніемъ силъ, — самое понятіе о коемъ не существуетъ у насъ ни въ уставахъ, ни въ учебникахъ, но который составлялъ долговѣковую нашу славу, особенно въ рукахъ Суворова, всѣ лучшіе бои котораго именно и были встрѣчные бои.

Вотъ здѣсь-то и получаютъ всю свою силу вѣщія слова: «А у Макдональда нѣтъ и 20, атакуй, съ чѣмъ Богъ послалъ», ибо первое дѣло во встрѣчномъ бою именно и есть ударить на врага, ошеломить его; остальное—дѣло быстроты развертыванія...

Всѣ изложенные военные пріемы Суворова вовсе не были обоснованы на томъ якобы презрѣніи къ огню, которое, совершенно не понимая истиннаго уклада Суворовской мысли, такъ усердно прививали у насъ въ видѣ «тактики удара» извратившіе Суворова его истолкователи второй половины XIX в. Суворовъ именно и постигъ эту-то высшую тайну войны — правильное соотношеніе огня и удара... Его построенія для боя — это верхъ уваженія къ огню. Его поученія въ «Наукѣ побѣждать», – тоже. Весь укладъ его обученія и воспитанія войскъ — тѣмъ болѣе. Суворовъ требовалъ на обученіе стрѣльбѣ по 23 патрона въ годъ на человѣка, когда ихъ отпускалось отъ казны по 3. Въ бой онъ давалъ по 100 патроновъ на человѣка. Узаконивъ у насъ разсыпной строй стрѣлковъ, онъ широко пользовался имъ, примѣняя особенно искусно тогда, когда нужно было поддержи-

вать огнемъ особо трудную работу идущихъ на приступъ или преодолѣвающихъ какія-либо препятствія войскъ. Здѣсь у него еще съ Туртукая были выработаны пріемы стрѣльбы пѣхоты черезъ головы своихъ впереди дѣйствующихъ частей, по выказывающемуся изъ-за валовъ и укрытій противнику.

Главной основой обученія стрѣльбѣ Суворовъ ставилъ огонь одиночный, съ совершеннѣйшимъ прицѣливаніемъ, стрѣляя рѣдко, но мѣтко, и непремѣнно со «скорымъ» заряжаніемъ. «Залпа» по его мнѣнію только: «въ разводѣ, коли съ пальбою, для очищенія ружей. Въ иномъ строю—только для исправности»,—а: «противъ непріятеля не годится! Онъ можетъ сколоть и порубить, пока опять заряжаютъ». Наоборотъ, одиночная стрѣльба: «Исправный прикладъ правитъ пальбою. Здѣсь онъ разстраивается по неминуемой торопливости, но во взводной пальбѣ онъ виденъ. Одиночка пальбы на баталіи выйдетъ сама собою... Для сбереженія пули тутъ на каждомъ выстрѣлѣ всякій въ своего противника долженъ цѣлить, чтобъ его убить»...

Пусть безпристрастный читатель скажетъ, на чемъ мы проиграли главнымъ образомъ послѣднюю войну, какъ не на неумѣніи стрѣлять, — и особенно на истинномъ нашемъ несчастіи, на слѣпомъ пристрастіи къ залпамъ, промежутками между которыми японцы пользовались, чтобы давать свои толчки впередъ, особенно ночью, и при голосѣ командъ или огнѣ которыхъ они бросались на землю, пропуская пули надъ собою почти безъ потерь для себя. Между тѣмъ, противъ насъ они вели огонь отдѣльный, и именно по-Суворовски, имѣя «каждый своего опредѣленнаго врага, чтобъ его убить»... Далѣе, у Суворова управленіе огнемъ во взводахъ. А какъ оно теперь, и давно ли такъ?!

Еще одно Суворовское правило: разрѣшать даже безъ команды огонь въ каждомъ капральствѣ «для вѣрнѣйшаго застрѣливанія старшихъ и наѣздниковъ»...

Далѣе, необычайное уваженіе Суворова къ огню и пониманіе его свойствъ заставляло его всюду и вездѣ примѣнять «крестные огни», такъ что и свои знаменитыя «подвижныя кареи» онъ строилъ, не закрывая «крестныхъ огней».

Мало того, даже при отраженіи противника встрѣчнымъ ударомъ въ штыки, пѣхота Суворова сначала выпускала въ него съ 60 ш. свою вѣрную пулю—каждый человѣкъ, а затѣмъ съ 30 ш. бросались въ штыки, а въ обученіи онъ прививалъ: «Марширование, повороты всякаго рода, скорый зарядъ и конецъ ударъ въ штыки»—т.-е., безъ огня штыку онъ даже и не училъ, какъ правило.

Наконецъ, указаніе Суворова: «Когда непріятель бѣжитъ, то его провожаютъ ружейнымъ огнемъ. Онъ не стрѣляетъ, не при-

кладывается, не заряжаетъ. Много неудобствъ спасаться бѣгствомъ». Есть ли гдѣ большее уваженіе именно къ огню, отсутствіе возможности коего и есть первѣйшее, у Суворова, неудобство отступленій... И снова дальше: «Когда за нимъ штыки, онъ еще рѣже стрѣляетъ; а потому не останавливаться, а ускорять бѣгство штыками», — снова огню весь почетъ и уваженіе...

Глубоко уважая также артиллерію, Суворовъ примѣнялъ ея огонь по ея свойствамъ, особенно продольный, для чего она и маневрировала преимущественно въ охватъ противника, но во всякомъ случаѣ ее опредѣленно училъ онъ наносить наибольшій вредъ врагу, — а свою пѣхоту Суворовъ обучалъ быстро и легко проходить наиболѣе опасныя полосы обстрѣла непріятельской артиллеріи и пѣхоты, давая для того сноровки, по духу пригодныя и нынѣ. Огонь этотъ онъ дѣлилъ на дальній огонь «большой полевой артиллеріи», болѣе близкій — артиллеріи полковой и, наконецъ, на огонь ружейный. Наконецъ, конница тоже обучалась у Суворова пальбѣ, но лишь пѣшкомъ, а конная артиллерія имѣла у него завидное право: «Конная артиллерія скачетъ, какъ сама хочетъ», — глубокое пониманіе того, что именно этотъ драгоцѣнный родъ войскъ и долженъ пользоваться наибольшей свободой въ бою для быстраго уравновѣшенія огня, гдѣ нужно... Не съ Суворова ли и взято нынѣ нѣмцами примѣненіе конныхъ батарей, какъ артиллерійской поддержки на поляхъ сраженій. Наконецъ, приказывалось въ бояхъ: «быстро на батареи пускаться, что особливо внушить», — снова это далеко не презрѣніе къ огню...

Но, расцѣнивая затѣмъ всѣ относительныя свойства разныхъ видовъ огня, Суворовъ опредѣленно высказывалъ особое уваженіе къ огню пѣхотному. «Пѣхотные огни открываютъ побѣду», говорилъ онъ, ставя тѣмъ самымъ пѣхоту, какъ родъ войскъ, на первое мѣсто. Что можемъ мы добавить къ этимъ величайшей мудрости словамъ, когда война 1904—5 гг. дала общія потери отъ пѣхотнаго огня 85%, отъ артиллерійскаго и отъ штыка — остальное, и почти пополамъ. Итакъ, гдѣ же этотъ Суворовъ-огнененавистникъ, и какой злой поклепъ, на горе намъ, возведенъ былъ на него въ этомъ отношеніи людьми, его не понявшими?!..

«Пуля дура, штыкъ молодецъ», — говорилъ онъ, и имѣлъ, конечно, свое основаніе въ то время. Но да позволено будетъ убѣжденно спросить, во-1-хъ, потерялъ ли штыкъ свое значеніе и нынѣ, во-2-хъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ не возьметъ ли все же верхъ тотъ, у кого духъ (рѣшительность сойтись на штыкъ) выше, — а въ-3-хъ, то, что Суворовъ не внушалъ ли своимъ людямъ презрѣніе больше не къ своей пулѣ, а къ непріятельской, сокращая время нахожденія подъ ней до послѣдняго предѣла и разрѣшая вопросъ ударомъ въ штыки тогда, когда

весь міръ, кромѣ него, увлекаясь огнемъ, почти на немъ одномъ строилъ всѣ свои расчеты... Т.-е., при общемъ тогда явномъ впаденіи въ оборону, **Суворовъ одинъ въ огнѣ, въ связи его съ порывомъ на штыкъ, видѣлъ средство чисто-наступательное, и это значеніе огня примѣнимо и нынѣ настолько, что только умѣніе вести огонь съ наступательной цѣлью и можетъ дать намъ побѣду** [1])...

Но побѣда, вѣдь, однимъ лобовымъ ударомъ не получается: мы и видимъ у Суворова прежде всего маневръ, подвижность, и онъ, въ сущности, соединяетъ силы не передъ сраженіемъ, а на полѣ сраженія, даже на мѣстѣ расположенія врага, т.-е. дѣлаетъ то, что Шлихтингъ приписываетъ Мольтке, какъ величайшую заслугу передъ исторіей военнаго искусства, даже въ ущербъ всей славѣ Наполеона.

Въ итогѣ, Суворовская пѣхота была увѣрена въ себѣ, глубоко вѣрила въ свой штыкъ, но и чтила огонь, какъ средство расчистить дорогу этому штыку при всякихъ обстоятельствахъ, а средство сочетать ихъ обычно видѣла въ маневрѣ, въ подвижности, въ избыткѣ дѣеспособности надъ врагомъ...

Конница Суворова не боялась никакого врага. Его артиллерія всюду шла съ пѣхотой и конницей. Въ частности наступательный порывъ пѣхотѣ прививался настолько, что она шла сама впередъ и на конницу. «Сквозныя же атаки» при этомъ учили одновременно: пѣхоту,—сноровкамъ противъ конницы,—конницу (коней)—безстрашію противъ пѣхоты, всѣхъ ихъ—противъ артиллеріи.

Для достиженія бѣшеной стремительности удара, войска не смѣли останавливаться до его завершенія прохожденіемъ насквозь, ибо «порывъ не терпитъ перерыва». Совершенно наоборотъ, Суворовъ останавливалъ конницу, непремѣнно лишь пройдя сквозь цѣль удара, но здѣсь приказывалъ спѣшиться и ласкать и прикармливать лошадей. Ожидая себѣ и въ бою того же облегченія, кони неслись, какъ бѣшеные, и въ этомъ простомъ до-нельзя пріемѣ—весь смыслъ знаменитыхъ ударовъ Суворовской конницы...

Вообще, избравъ себѣ образцомъ римлянъ, а любимымъ героемъ Цезаря, Суворовъ совершенно постигъ тайну: «Учить въ мирное время только тому, что придется дѣлать на войнѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, его обученіе дѣйствительно давало понятіе «каждымъ предшествующимъ шагомъ, къ чему ведетъ послѣдующій», а вся работа въ полѣ, непремѣнно на рядѣ мѣстныхъ предметовъ или двухсторонняя, завершала выучку войскъ соблюденіемъ и третьяго основного правила: «Учить не разсказомъ, а показомъ»...

---

[1]) Наконецъ, сколько пуль и нынѣ «обмишулится», тогда какъ штыкъ не «обмишулится»? Т.-е. мильоны пуль летятъ и нынѣ на вѣтеръ, а штыкъ и нынѣ идетъ прямо въ цѣль... Иначе говоря, основа дѣла—та же.

Добавивъ сюда, что Суворовъ лично наблюдалъ за всѣми видами обученія, что онъ во всемъ служилъ образцомъ своимъ подчиненнымъ, легко понять, почему въ его рукахъ его войска были дѣйствительно: «Побѣдительныя войска, усердіемъ и ревностью генераловъ весьма исправныя въ дневныхъ, какъ ночныхъ баталіяхъ и штурмахъ и всегда готовыя увѣнчать себя новыми лаврами»...

Какъ и у римлянъ, у Суворова: «Бои были кровавыми ученьями, а ученья—боями безъ пролитія крови». Какъ и у римлянъ, у него было: «Тяжело на ученьѣ—легко въ походѣ»,—и необыкновенная выносливость «Чудо-богатырей», всегда бывшихъ «и въ мирное время на войнѣ», вошла въ пословицу.

Самъ Суворовъ опредѣлилъ свое обученіе такъ: «Экзерцирированіе мое было не на караулъ и не на плечо, но прежде поворотливость, затѣмъ различное марширование, а потомъ уже пріемы, скорый зарядъ и конецъ—ударъ въ штыки».

Самая тщательная подготовка каждаго боевого дѣйствія была отличительной чертой Суворова. Отъ него взята, напр., иностранцами сноровка строить городки по образцу непріятельскихъ укрѣпленій и препятствій и на нихъ учить войска преодолѣнію этихъ укрѣпленій и препятствій непосредственно передъ приступомъ. Онъ первый далъ распорядки, когда открывать ворота взятыхъ съ бою крѣпостей, какъ окарауливать погреба въ нихъ отъ взрыва и т. д.

Онъ же далъ высшіе образцы обмана врага ложными тревогами, изнуренія его постоянной бдительностью. У него всегда кипѣла заготовка всякаго рода средствъ, все онъ предвидѣлъ, во всякихъ условіяхъ находился, и ничего не упускалъ изъ виду, чтобы заранѣе сдѣлать каждаго чудо-богатыря: «На себя надежнымъ—основаніе храбрости». Онъ же первый снабдилъ каждую свою дивизію конницей, піонерами и вспомогательными войсками всякаго рода, давъ ей полную самостоятельность для ея дѣйствій.

Но всего важнѣе подойти къ главному ключу Суворовскихъ побѣдъ, къ его отношенію къ бойцу—человѣку.

Хорошая стратегія покоится на хорошей тактикѣ, а эта послѣдняя требуетъ прежде всего хорошихъ солдатъ и начальниковъ,—такихъ, на которыхъ можно возложить любую боевую задачу, которые не растеряются ни при какой неожиданности, вездѣ найдутся, нигдѣ не проявятъ немогузнайства, не «сядутъ въ унтерфунктъ и въ унбештимтгезагтъ»,—иначе говоря, солдатъ и начальниковъ «чудо-богатырей», съ высокими непоколебимыми душевными качествами...

Достиженіе этой задачи онъ основалъ на томъ простомъ началѣ, что если въ войскахъ нравственная упругость не только

не подорвана, а, наоборотъ, по возможности развита, то можно рѣшаться на самыя отчаянныя предпріятія, не рискуя потерпѣть неудачи. Въ этомъ отношеніи онъ упредилъ Наполеона съ его правиломъ: «На войнѣ важнѣе не то, что дѣлается, а то, какъ оно дѣлается»...

Суворовъ и создалъ прежде всего великаго русскаго чудо-богатыря, а во главѣ его поставилъ великаго офицера и генерала. «Господа офицеры, какой восторгъ!» заканчивалъ онъ свои поученія о пріемахъ обученія, а про генераловъ говорилъ, что: «Вашего Императорскаго Величества побѣдительныя войска усердіемъ и ревностью своихъ генераловъ весьма исправны къ дневнымъ и ночнымъ баталіямъ и штурмамъ и готовы увѣнчать себя новыми лаврами».

Всякаго человѣка убѣждалъ онъ прежде всего въ его силахъ, и высшимъ предѣломъ обоснованія своихъ успѣховъ онъ ставилъ требованіе, чтобы: «Каждый былъ на себя надеженъ — основаніе храбрости».

Но для этого надо было начертать путеводную звѣзду, надо было указать, что каждаго ожидаетъ... И вотъ, Суворовъ все поглощаетъ понятіемъ «Побѣды» и «Славы» и вѣнчаетъ это великое зданіе горячимъ призывомъ къ народной гордости: «Чудо-богатыри, мы русскіе», приведя сейчасъ же на помощь намъ и самого Бога: «Съ нами Богъ!»

Воспитанные также въ наибольшей преданности своей «Матушкѣ Царицѣ» и своему Государю,—войска наши въ рукахъ Суворова были тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ оружіемъ, что они умѣли быть грозными въ бояхъ, но милостивыми съ побѣжденными, и чистота духа, чистота взаимныхъ отношеній во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ—была ихъ отличительной чертой.

Итакъ,—совершенное оружіе въ рукахъ великаго вождя, какъ нельзя болѣе сроднившагося съ этимъ оружіемъ и видѣвшаго отъ него полную взаимность, какъ отъ дѣтей къ отцу... Нѣчто грозное, величавое, возможное только у насъ и составляющее нашу драгоцѣнную особенность при умѣніи.

Безраздѣльно вліяя на душу своихъ подчиненныхъ, Суворовъ берегъ эту душу отъ ненужныхъ тревогъ и испытаній. Нравственную подготовку онъ велъ на почвѣ непобѣдимости русскаго чудо-богатыря, который ему за это и отвѣчалъ неизмѣнно: «Съ тобой все возьмемъ». До наивысшаго же подъема духа доводилъ Суворовъ исполнителя лишь непосредственно передъ самымъ дѣйствіемъ, и войска вступали въ бой безъ замедленія: «Дабы медленіями не умалить стремленія къ пріобрѣтенію славы»...

Уваженіе къ чужой личности прививалось Суворовымъ и внутри самихъ войскъ, и по отношенію къ «обывателю».

Не менѣе оружія указывалось: «поражать противника человѣколюбіемъ»; «обывателя» указывалось «не обижать». Въ вѣкѣ безсловеснаго униженія низшаго, Суворовъ допускалъ: «Возраженія высшему, но съ тѣмъ, чтобы оно дѣлалось пристойно, наединѣ, а не въ многолюдствѣ, иначе выйдетъ буйство; излишнія разсужденія свойственны только школьникамъ и способностей вовсе не доказываютъ — способность видна лишь изъ дѣйствія».

Во всемъ — и въ бою, и въ мирной дѣятельности, у Суворова было: «равненіе по переднимъ». Онъ выдѣлялъ все идущее впередъ, работающее,— осуждалъ застой, каралъ отсталость.

«Шагъ впередъ, 2—3, 10 позволяю; 1 назадъ — смерть», — говорилъ онъ всегда, опредѣляя этимъ попутно также размѣры и смыслъ поступательнаго движенія военнаго дѣла.

Самъ онъ не застывалъ въ одномъ мертвомъ шаблонѣ. При безконечной гибкости пріемовъ въ отдѣльныхъ бояхъ, мы видимъ у него видоизмѣненія по обстановкѣ даннаго времени. Указанія совершенствуются, пріемы крѣпнутъ и пополняются новыми... «Побѣдивши, обновляй по обстоятельствамъ».

Въ одномъ лишь неизмѣненъ Суворовъ — въ его требованіи къ солдату, какъ къ человѣку. «Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, твердо рѣшиму, справедливу, благочестиву. Молись Богу! отъ него побѣда! Чудо-богатыри, Богъ насъ водитъ. Онъ намъ генералъ!.. Ученье свѣтъ, неученье тьма. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ. Намъ мало трехъ, давай намъ 6, давай намъ 10 на одного — всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ плѣнъ возьмемъ»...

И чудо-богатырь былъ дѣйствительно ученъ. Но онъ былъ и воспитанъ, онъ зналъ все, что было ему нужно, онъ вездѣ находился, любилъ свое ружье—«жену», вѣрилъ въ него, вѣрилъ въ свой клинковый (а не граненый) штыкъ, умѣлъ его вытаскивать изъ врага, не оставляя его на немъ,— помощью встряхиванія послѣ укола (а нынѣ именно изъ-за трудности вынимать назадъ у насъ и не принимается снова штыкъ-кинжалъ), вѣрилъ въ другіе роды войскъ, вѣрилъ въ то, что его ведутъ только къ побѣдамъ, а не къ бѣдамъ, вѣрилъ въ Бога и величіе русскаго народа и желалъ имъ,— и, конечно, себѣ въ томъ числѣ,— «Славы, Славы, Славы»...

Необходимо еще оговорить, что Суворовъ зналъ почти всѣхъ своихъ сподвижниковъ въ лицо, что онъ свято чтилъ войсковыя преданія и славу, что никто бережнѣе его не относился къ неприкосновенности и нерушимости на войнѣ тактическаго устройства войскъ мирнаго времени, и что заботливость его о довольствіи и здоровьѣ войскъ была прямо трогательная, при чемъ онъ самъ—жилъ съ войсками одной жизнью.

Обаяніе Суворова на войска было удивительное. «Довольно возить изображеніе этого страннаго чудака по войскамъ, чтобы

они дѣлали самые необыкновенные подвиги»,—говорилъ Дерфельденъ Фуксу на полѣ сраженія подъ Требіей.

На ряду со всѣмъ изложеннымъ, нельзя, конечно, обойти и чудачествъ Суворова. Но вѣдь этотъ крупный самородокъ, эта «соль земли русской», этотъ человѣкъ, всякое слово котораго и теперь живитъ и бодритъ русскую душу, — былъ все же человѣкъ, и у него могли быть свои недостатки, свои свойства, съ нимъ родившіяся, съ нимъ и ушедшія въ могилу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ они необычайно сближали его съ его людьми и дѣлали «своимъ» «Божьимъ» человѣкомъ... Нельзя также обойти славолюбія Суворова, его высокаго о себѣ мнѣнія, его явнаго сознанія превосходства надъ другими... Но они имѣлись, эти качества, налицо, они основывались на дѣйствительныхъ заслугахъ, а все, что было въ нихъ лишняго,— если только и было,— искуплено прощальными съ міромъ словами: «Долго я гонялся за славою: все суета... Истинный покой у престола Всевышняго»...

Когда гробница Суворова приблизилась къ воротамъ Александро-Невской Лавры, опасались, что она не пройдетъ...

«Вездѣ проходилъ, и здѣсь пройдетъ»,—раздался изъ толпы голосъ чудо-богатыря, боевого соратника почившаго...

Дѣйствительно, Суворовъ «вездѣ проходилъ», руководимый горячей вѣрой въ Бога, твердой преданностью Царю и Отечеству и взаимной любовью со своими «чудо-богатырями»...

«Славный подвигами на защиту Русской земли, Великій учитель и воспитатель арміи, Генералиссимусъ князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, неизмѣнно являлъ собою примѣръ самоотверженнаго служенія Престолу и Родинѣ».

«Грозный врагу, милостивый къ побѣжденному, поборникъ правды, радѣтельный о младшемъ и преданный военной наукѣ, онъ представляетъ высокій образецъ человѣка и воина, сильнаго вѣрою въ Бога, преданностью Царю и любовью къ Родинѣ»,—такъ говоритъ Высочайшій приказъ 6 мая 1900 г., въ столѣтіе кончины Великаго Вождя.

Изученіе Суворова убѣждаетъ каждаго, что онъ имѣетъ дѣло съ великимъ полководцемъ. Разбитый имъ Моро ставитъ его нисколько не ниже Наполеона и цѣнитъ его походъ на Требію, какъ «верхъ военнаго искусства»... Масена отдаетъ всѣ свои 48 походовъ за 17 дней Швейцарскаго похода Суворова... Самъ Наполеонъ, не любившій соперниковъ и не изучавшій, какъ слѣдуетъ, Суворова, признаетъ все же за нимъ «душу великаго полководца»... Новѣйшіе писатели на Западѣ, «не стѣсняясь», ставятъ Суворова въ рядъ величайшихъ полководцевъ.

Современный нѣмецкій писатель Гюнтеръ говоритъ, что военное искусство Суворова было той же тайной веденія войны,

которая принадлежала Наполеону, и которой нѣмцы обязаны своими безпримѣрными успѣхами въ 1870-71 г.г.

Другой нашъ современникъ, австрійскій писатель Биндеръ Криглынтейнъ, въ сочиненіи «Духъ и матерія на войнѣ», описывая дѣйствія Суворова въ войнѣ 1799 г., восхищается какъ личностью нашего полководца, такъ и высокими качествами русскаго солдата. О Суворовѣ онъ говоритъ:

«Мы вполнѣ понимаемъ то фанатическое почитаніе, какимъ до сихъ поръ пользуется память Суворова въ рядахъ русской арміи, и мы смѣло и съ полнымъ убѣжденіемъ признаемъ въ этомъ величественномъ отпрыскѣ славянскаго племени величайшаго полководца наряду съ Фридрихомъ и Наполеономъ».

Французы тоже сильно пошли теперь навстрѣчу Суворову и оцѣнкѣ его, какъ великаго вождя, что особенно цѣнно, принимая во вниманіе неизбѣжное самолюбіе.

Въ Мюнхенѣ портретъ Суворова виситъ среди великихъ полководцевъ на почетномъ мѣстѣ.

И эта наша гордость,—Суворовъ-полководецъ,—строилъ величіе своихъ дѣяній на наиболѣе святыхъ для насъ чисто русскихъ устояхъ съ наибольшимъ пониманіемъ нашей великой и чистой славянской души. Вотъ почему завѣты Суворова никогда не умрутъ, вотъ почему они всегда сохранятъ свою свѣжесть, и вотъ почему, въ годины тяжкихъ испытаній и лихолѣтья, какъ нынѣ, намъ для возврата нашей былой военной славы необходимо прежде всего вернуться, по духу, на путь великаго легендарнаго старца, т.-е. на путь его «Науки побѣждать», на путь его выучки и воспитанія въ преданности своему долгу не менѣе великихъ и легендарныхъ «Суворовцевъ-чудо-богатырей», — т.-е. на путь того прилежанія самого полководца, которое дѣлаетъ его лично и всѣ его войска способными «въ мирное время быть всегда, какъ на войнѣ».

Но мы должны помнить и то, что Суворовъ не явился чѣмъ-то случайнымъ. Онъ и его чудо-богатыри—прямые наслѣдники, по духу, дружинъ Святослава, Ярослава и Александра Невскаго, ратей Димитрія Донского и Іоанна Грознаго, «регулярства» Петра, побѣдителей Фридриха при Елизаветѣ. Они же отцы героевъ «Священной памяти Двѣнадцатаго года», героевъ Забалканскихъ нашихъ походовъ, витязей покоренія Кавказа и Средней Азіи... По существу, проявленъ наслѣдственный Суворовцамъ духъ стойкости и въ 1904/5 г.г., — и войско русское, какъ источникъ для побѣдъ, осталось тѣмъ же. Но ключъ къ этому источнику, умѣнье владѣть имъ, — утеряны, мы измѣнили лучшимъ славнымъ завѣтамъ нашего прошлаго,—и въ Суворовѣ, въ его «Наукѣ побѣждать» и лежитъ ближайшая къ намъ по времени опора для возвращенія се-

бѣ прежняго званія «побѣдоноснаго»,—«побѣдительнаго»,—воинства...

Отдѣльные ли люди смотрятъ такъ? Нѣтъ, и далеко нѣтъ.

Довольно сослаться здѣсь хотя бы на то красивое преданіе, которое живетъ у насъ въ народѣ о великомъ старцѣ, А. В. Суворовѣ.

«Въ дремучемъ лѣсу, средь болотъ, лежитъ огромный камень съ пустымъ нутромъ. Дурная слава про это мѣсто: тамъ блуждаютъ синіе огни, носятся бѣлыя тѣни, раздаются тоскливые стоны. Всегда здѣсь мертво; только воронъ каркаетъ надъ мшистымъ камнемъ, да вьется хищный орелъ. Путникъ, нечаянно сюда попавшій, торопится уйти, кладя на себя крестное знаменіе. Въ камнѣ видно малое отверстіе; брезжитъ тусклый свѣтъ неугасимой лампады, и несется чуть слышное, глухое поминовеніе рабу Божію Александру. Тамъ спитъ Суворовъ, склонивъ сѣдую голову на уступъ камня; давно онъ спитъ и долго спать будетъ. Только тогда, когда покроется русская земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется вѣщій дѣдушка, выйдетъ изъ своей неволи и избавитъ Отечество отъ лютой невзгоды».

Много крови дали 1854/55 гг. и русско-японская война за забвеніе и ложное толкованіе Суворова... Нужно ли ея еще, и не пора ли, дѣйствительно, не ожидая новой крови «по щиколотку коня», вернуться на путь Суворовской самодѣятельности, его глубокаго пониманія и знанія военнаго дѣла, его «усердія и ревности» въ обученіи войскъ такъ, чтобы они вновь, какъ при немъ, «въ мирное время были всегда, какъ на войнѣ», и всегда же были снова: «во всемъ на себя надежны — основаніе храбрости», опираясь на его безсмертный завѣтъ: «**Воюютъ не числомъ, а умѣньемъ!!!**».

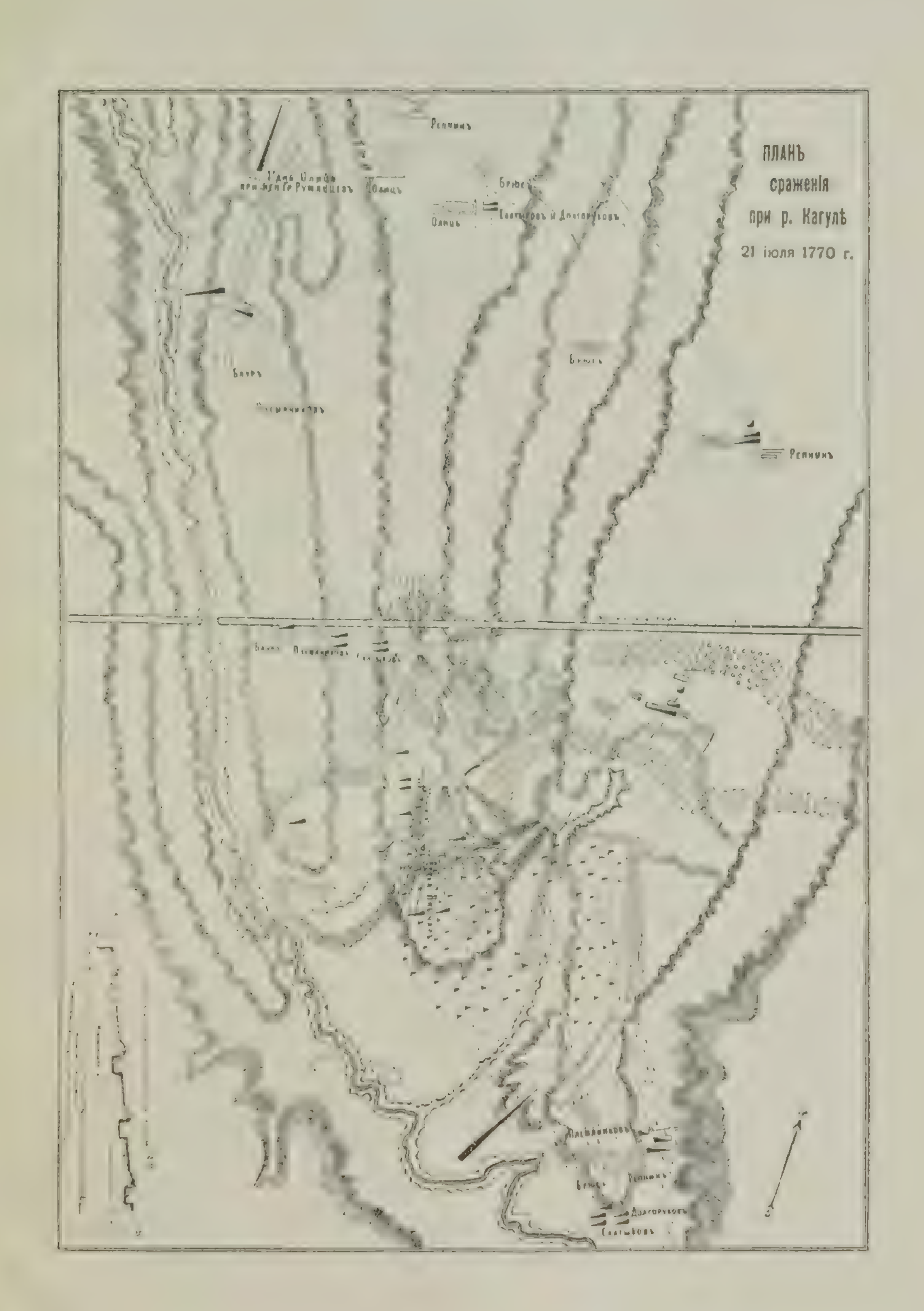
ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ВЫПУСКА.

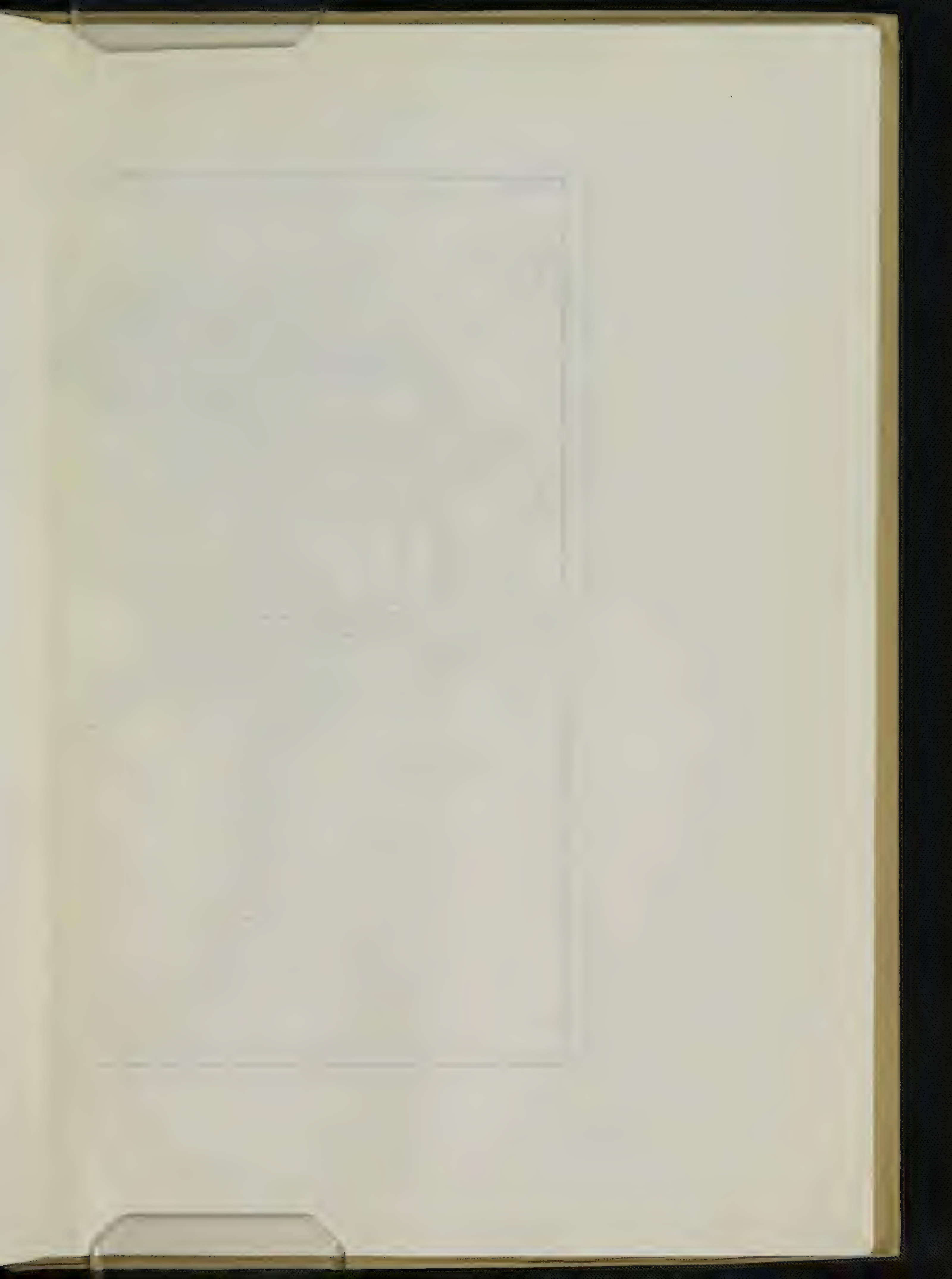

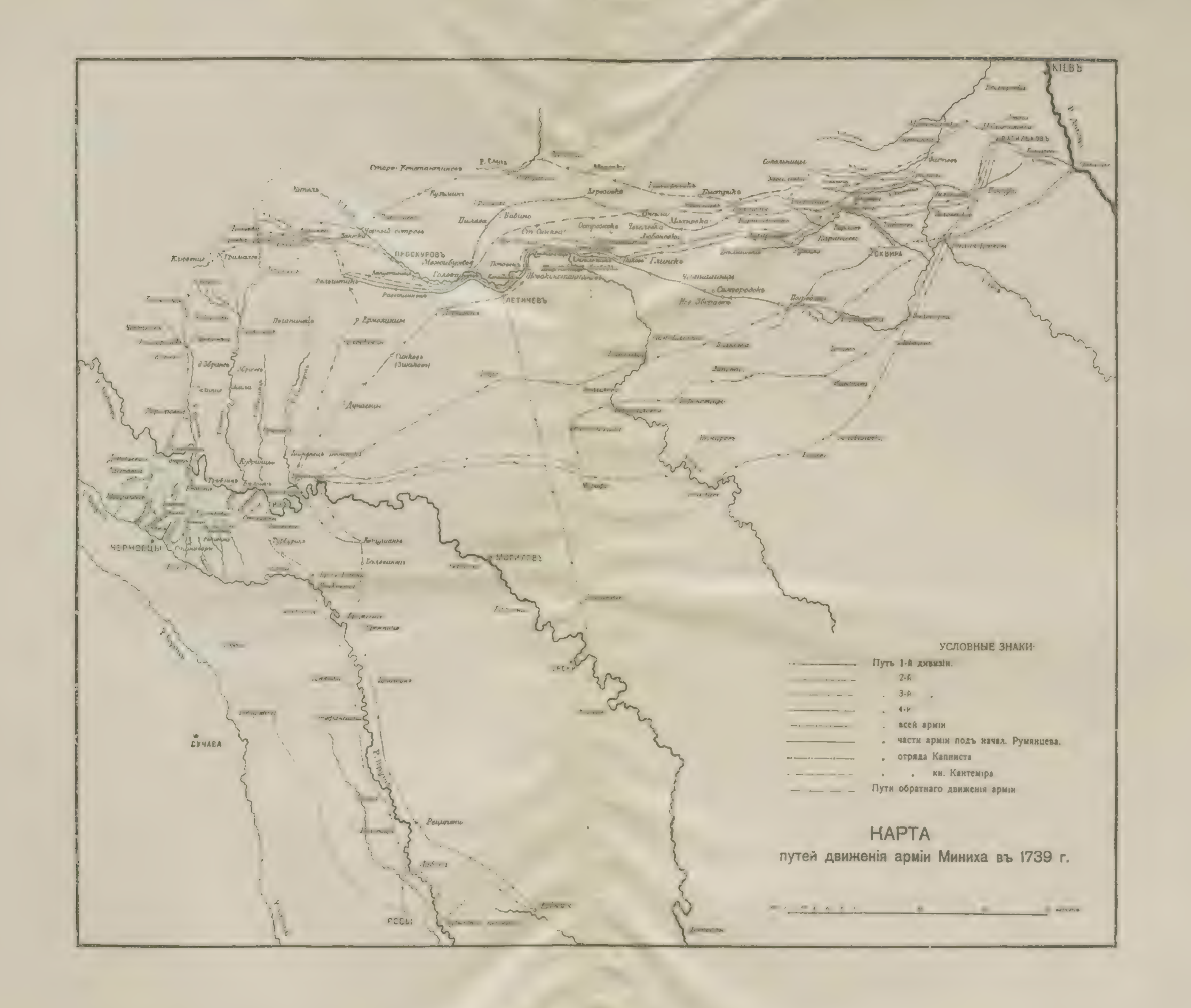
Списокъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ II выпускѣ.

Кромѣ того, во второмъ выпускѣ 14 схемъ и 2 плана на отдѣльномъ листѣ.

ПЛАНЪ
сраженія
при р. Кагулѣ
21 іюля 1770 г.
Репнинъ
Олицъ
Брюсъ
Олицъ
Брюсъ
Репнинъ
Брюсъ
Репнинъ
Долгоруковъ
Салтыковъ

КІЕВЪ
ВАСИЛЬКОВЪ
СКВИРА
ПРОСКУРОВЪ
ЛЕТИЧЕВЪ
МОГИЛЕВЪ
ЧЕРНОВЦЫ
СУЧАВА
ЯССЫ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Путь 1-й дивизіи.
2-й
3-й
4-й
всей арміи
части арміи подъ начал. Румянцева.
отряда Капниста
кн. Кантеміра
Пути обратнаго движенія арміи
КАРТА
путей движенія арміи Миниха въ 1739 г.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ
АРМІИ И ФЛОТА
КН-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»
Т II

